ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА
при ЦК КПСС

И.В. СТАЛИН

СОЧИНЕНИЯ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1954

И.В. СТАЛИН

ТОМ
2

1907—1913

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том Сочинений И. В. Сталина содержит произведения, написанные преимущественно в период со второй половины 1907 года по 1913 год, до ссылки товарища Сталина в Туруханский край, где он пробыл по февраль 1917 года. Эти произведения охватывают, главным образом, два периода революционной деятельности товарища Сталина, период Бакинский и период Петербургский.

Произведения, относящиеся к первой половине 1907 года, посвящены тактике большевиков в первой русской революции («Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции»», статья «Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики» и другие). Статьи этого времени печатались в грузинских большевистских газетах «Чвени Цховреба» и «Дро». На русском языке они публикуются впервые.

В произведениях, написанных с июня 1907 года — в период революционной деятельности товарища Сталина преимущественно в Баку, освещается борьба большевиков с меньшевиками-ликвидаторами за сохранение и укрепление нелегальной революционной марксистской партии («Партийный кризис и наши задачи», «Резолюции, принятые Бакинским комитетом 22 января 1910 г.», «Письма с Кавказа»). Вопросам руководства революционным рабочим движением и профсоюзами посвящены статьи: «Что говорят наши

забастовки последнего времени?», «Нефтепромышленники об экономическом терроре», «Совещание и рабочие» и другие. Итогам V съезда РСДРП посвящена работа «Лондонский съезд РСДРП (Записки делегата)». Статьи И. В. Сталина этого периода, помещённые во втором томе, печатались в газетах «Бакинский Пролетарий», «Гудок» и «Социал-Демократ».

Со второй половины 1911 года наступает Петербургский период революционной деятельности товарища Сталина (1911—1913 гг.). Товарищ Сталин, возглавив Русское бюро ЦК, руководит работой партии в России по осуществлению решений Пражской конференции партии. К этому времени относятся произведения, посвящённые, главным образом, новому революционному подъёму в рабочем движении, задачам большевистской партии в связи с выборами в IV Государственную думу. К ним принадлежат: листовка «За Партию!», статьи — «Новая полоса», «Они хорошо работают...», «Тронулась!..», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Воля уполномоченных», «Выборы в Петербурге» и другие. Статьи печатались в петербургских газетах «Звезда» и «Правда».

Во второй том входит известная работа И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.), в которой развита большевистская теория и программа по национальному вопросу.

Не разысканы до настоящего времени статья «О культурно-национальной автономии», написанная товарищем Сталиным в туруханской ссылке, и ряд других произведений.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)

1907—1913

ПРЕДИСЛОВИЕ К ГРУЗИНСКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ К. КАУТСКОГО «ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»[1]

Имя Карла Каутского не ново. Его давно знают как достойного теоретика социал-демократии. Но Каутский известен не только с этой стороны, он замечателен также как солидный и вдумчивый исследователь тактических вопросов. В этом отношении он завоевал большой авторитет не только среди европейских товарищей, но и у нас. Это и не удивительно: сегодня, когда тактические разногласия раскалывают российскую социал-демократию на две фракции, когда взаимная критика часто обостряет дело, переходя в дрязги, и выяснение истины крайне затрудняется,— весьма интересно послушать такого беспристрастного и опытного товарища, каким является К. Каутский. Вот почему наши товарищи с таким рвением принялись изучать тактические статьи Каутского: «Государственная дума», «Московское восстание», «Аграрный вопрос», «Русское крестьянство и революция», «Еврейские погромы в России» и др. Но с несравненно бóльшим вниманием товарищи отнеслись к настоящей брошюре, и это потому, что здесь затронуты все те главные вопросы, которые разделяют социал-демократию на две фракции. Дело

в том, что Плеханов, который недавно обратился к иностранным товарищам для выяснения наших злободневных вопросов, оказывается, с теми же вопросами обратился и к Каутскому и просил соответствующего ответа и у него, на что Каутский, как видно из его слов, ответил настоящей брошюрой. После этого, разумеется, с тем бо̀льшим вниманием товарищи должны были отнестись к упомянутой брошюре. Ясно, что тем большее значение имеет для нас эта брошюра.

Поэтому будет очень полезно, если мы хотя бы в общих чертах вспомним вопросы наших разногласий и попутно выясним взгляды Каутского на те или иные вопросы.

На чьей стороне Каутский, кого он поддерживает, большевиков или меньшевиков?

Первый вопрос, который раскалывает на две части российскую социал-демократию,— это вопрос об общем характере нашей революции. Что наша революция буржуазно-демократическая, а не социалистическая, что она должна закончиться разрушением феодализма, а не капитализма,— это ясно для всех. Но, спрашивается, кто будет руководить этой революцией и кто объединит вокруг себя недовольные элементы народа: буржуазия или пролетариат? Пролетариат ли пойдёт в хвосте за буржуазией, как это имело место во Франции, или буржуазия пойдёт за пролетариатом? Вот как стоит вопрос.

Меньшевики устами **Мартынова** говорят, что наша революция буржуазная, что она является повторением французской революции и, так как французской революцией как революцией буржуазной руководила буржуазия, то и нашей революцией должна руководить буржуазия. «Гегемония пролетариата — вредная утопия...» «Пролетариат должен итти за крайней буржуазной оппозицией» (см. «Две диктатуры» **Мартынова**).

Большевики же говорят: правда, наша революция является буржуазной, но это вовсе не означает, что она является повторением французской революции, что ею непременно должна руководить буржуазия, как это случилось во Франции. Во Франции пролетариат представлял собой малосознательную и неорганизованную силу, вследствие чего гегемония в революции осталась за буржуазией. У нас же пролетариат представляет собой сравнительно более сознательную и организованную силу, вследствие чего он уже не довольствуется ролью придатка буржуазии и как наиболее революционный класс становится во главе современного движения. Гегемония пролетариата — не утопия, она — живой факт, пролетариат на деле объединяет вокруг себя недовольные элементы. И кто ему советует «итти за буржуазной оппозицией», тот лишает пролетариат самостоятельности, тот превращает российский пролетариат в орудие буржуазии (см. «Две тактики» **Ленина**).

Как смотрит на этот вопрос К. Каутский?

«Либералы часто ссылаются на великую французскую революцию, и часто ссылаются неосновательно. Условия современной России во многом совершенно иные, чем они были во Франции в 1789 году» (см. третью главу брошюры)... «Русский либерализм совершенно иного рода, чем либерализм Западной Европы, и уже в силу одного этого чрезвычайно ошибочно брать великую французскую революцию прямо за образец теперешней русской. Руководящим классом

в революционных движениях Западной Европы была мелкая буржуазия, особенно мелкая буржуазия больших городов» (см. четвёртую главу)... «Время буржуазных революций, т. е. революций, движущей силой которых являлась буржуазия, миновало, миновало также и для России. И в ней пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом с самостоятельными революционными целями» (см. пятую главу).

Так говорит К. Каутский об общем характере русской революции, так понимает Каутский роль пролетариата в нынешней русской революции. Буржуазия не может руководить русской революцией,— следовательно, вождём революции должен выступить пролетариат.

Второй вопрос наших разногласий: может ли либеральная буржуазия, по крайней мере, быть союзником пролетариата в нынешней революции?

Большевики говорят, что не может. Правда, во французской революции либеральная буржуазия играла революционную роль, но это потому, что классовая борьба там не была так обострена, пролетариат был малосознателен, он довольствовался ролью придатка либералов, тогда как у нас классовая борьба чрезвычайно обострена, пролетариат гораздо более сознателен и не может примириться с ролью придатка либералов. Там, где пролетариат борется сознательно, либеральная буржуазия перестаёт быть революционной. Потому-то напуганные борьбой пролетариата кадеты-либералы ищут защиты под крылышком реакции. Потому-то они больше борются с революцией, чем

с реакцией. Потому-то кадеты [2] скорее заключат союз с реакцией против революции, чем с революцией. Да, наша либеральная буржуазия и её защитники кадеты являются союзниками реакции, это «просвещённые» враги революции. Совсем иное дело — крестьянская беднота. Большевики говорят, что только беднейшее крестьянство протянет руку революционному пролетариату и только оно может заключить прочный союз с пролетариатом на весь период нынешней революции. Его и должен поддерживать пролетариат против реакции и кадетов. И если эти две главные силы заключат между собой союз, если рабочие и крестьяне будут поддерживать друг друга, тогда и победа революции будет обеспечена. Без этого победа революции невозможна. Потому-то большевики не поддерживают кадетов ни в Думе, ни вне Думы, на первой ступени выборов. Потому-то большевики как на выборах, так и в Думе поддерживают только революционных представителей крестьян против реакции и кадетов. Потому-то большевики объединяют широкие народные массы только вокруг революционной **части** Думы, а не вокруг **всей** Думы. Потому-то большевики не поддерживают требования о назначении кадетского министерства (см. «Две тактики» и «Победа кадетов» **Ленина**).

Совершенно иначе рассуждают меньшевики. Правда, либеральная буржуазия колеблется между реакцией и революцией, но в конце концов, по их мнению, она всё же примкнёт к революции, всё же сыграет революционную роль. Почему? Потому что либеральная буржуазия во Франции сыграла революционную роль, потому что она стоит в оппозиции к старым порядкам, и, следовательно, она вынуждена будет примкнуть

к революции. По мнению меньшевиков, либеральную буржуазию и её защитников кадетов нельзя назвать изменниками нынешней революции, они являются союзниками революции. Вот почему меньшевики поддерживают их как на выборах, так и в Думе. Меньшевики твердят, что классовая борьба никогда не должна затмевать общей борьбы. Именно поэтому они призывают народные массы объединиться вокруг **всей** Думы, а не вокруг только её революционной **части,** именно поэтому они всеми силами поддерживают требование о назначении кадетского министерства, именно поэтому меньшевики готовы предать забвению программу-максимум, урезать программу-минимум и отвергнуть демократическую республику, лишь бы не отпугнуть от себя кадетов. Быть может, иной читатель всё это сочтёт за клевету, возводимую на меньшевиков, и потребует фактов. Вот и факты.

Вот что писал недавно известный меньшевистский литератор **Малишевский:**

«Наша буржуазия не хочет республики, следовательно, республики у нас и быть не может...», так что «...в результате нашей революции должен возникнуть конституционный порядок, но никак не демократическая республика». Поэтому Малишевский советует «товарищам» расстаться с «республиканскими иллюзиями» (см. «Первый сборник»[3], стр. 288, 289).

Это, во-первых.

Накануне выборов вождь меньшевиков **Череванин** писал:

«Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться, как это предлагают некоторые, вместе с крестьянством вступить в борьбу и с правительством и с буржуазией за полновластное и всенародное Учредительное собрание». Мы, говорит он, теперь добиваемся соглашения с кадетами и кадетского министерства (см. «Наше Дело»[4] № 1).

Это, во-вторых.

Но всё это только писалось. Другой вождь меньшевиков, **Плеханов,** уже этим не ограничился и пожелал написанное привести в исполнение. В то время, когда в партии шла ожесточённая дискуссия по вопросу об избирательной тактике, когда все спрашивали: допустимо ли соглашение с кадетами на первой ступени выборов,— Плеханов даже **соглашение** с кадетами считал недостаточным и начал проповедывать прямой блок, временное **слияние** с кадетами. Вспомните газету «Товарищ»[5] от 24 ноября (1906 г.), где Плеханов поместил свою маленькую статейку. Один из читателей «Товарища» спрашивает Плеханова: возможна ли общая платформа у социал-демократов с кадетами, и если возможна, то «какова могла бы быть... общая избирательная платформа?» Плеханов отвечает, что общая платформа **необходима** и такой платформой должна быть «полновластная Дума»... «Нет и не может быть другого ответа» (см. «Товарищ» от 24 ноября 1906 г.). Что означают слова Плеханова? Они означают только то, что во время выборов партия пролетариев, т. е. социал-демократия, фактически должна **присоединиться** к партии предпринимателей, т. е. к кадетам, вместе с ними должна издавать агитационные листки к рабочим, фактически должна отказаться от лозунга всенародного Учредительного собрания, от социал-демократической программы-минимум и вместо этого должна выставить кадетский лозунг полновластной

Думы. В действительности это есть отказ от нашей программы-минимум в угоду кадетам и для поднятия собственной репутации в их глазах.

Это, в-третьих.

Но то, что недостаточно смело сказал Плеханов, с замечательной смелостью высказал третий вождь меньшевиков, **Васильев.** Послушайте:

«Прежде пусть всё общество, все граждане... установят конституционную власть. Раз эта власть станет народной, народ согласно своей группировке по классам и интересам... может приступить к решению всех вопросов. Тогда борьба классов и групп не только уместна, но и необходима... Теперь же, в данный момент, она **убийственна и преступна...»** Поэтому необходимо различным классам и группам **«расстаться на время со всеми «самыми лучшими программами» и слиться в одной конституционной партии...»** «Моё предложение сводится к общей платформе, базисом которой служит закладка элементарного основания для **полновластного** общества, которое одно только может дать соответственную Думу...» «Содержание этой платформы... ответственное перед народным представительством министерство... свобода слова и печати...» и т. д. (см. «Товарищ» от 17 декабря 1906 г.). Что касается всенародного Учредительного собрания и вообще нашей программы-минимум, со всем этим, по мнению Васильева, необходимо «расстаться»...

Это, в-четвёртых.

Правда, четвёртый вождь меньшевиков, **Мартов,** не согласен с меньшевиком Васильевым и высокомерно бранит его за вышеуказанную статью (см. «Отклики»[6] № 2). Но зато Плеханов с большой похвалой отзывается

о Васильеве, который, по мнению Плеханова, является «неутомимым и любимым социал-демократическим организатором швейцарских рабочих» и который «окажет много услуг русскому рабочему делу» (см. «Мир Божий»[7] за июнь 1906 г.). Которому из этих двух меньшевиков верить: Плеханову или Мартову? Кроме того, разве сам Мартов не писал недавно: «Распря между буржуазией и пролетариатом усиливает позицию самодержавия и тем тормозит успех народного освобождения»? (см. **Эльмар,** «Народ и Государственная дума», стр. 20). Кому не известно, что этот немарксистский взгляд и есть подлинная основа либерального «предложения», выдвигаемого Васильевым?

Как видите, меньшевики до того увлечены «революционностью» либеральной буржуазии, так много надежд возлагают они на её «революционность», что в угоду ей готовы предать забвению самую социал-демократическую программу.

Как смотрит на нашу либеральную буржуазию К. Каутский, кого он считает подлинным союзником пролетариата, что он говорит по этому вопросу?

«В настоящее время (т. е. в нынешней русской революции) пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом с самостоятельными революционными целями. Но там, где пролетариат выступает таким образом, **буржуазия перестаёт быть революционным классом.** Русская буржуазия, поскольку она вообще либеральна и ведёт самостоятельную классовую политику, ненавидит, несомненно, абсолютизм, но она ненавидит ещё более революцию... и поскольку она хочет политической

свободы, то хочет она её главным образом потому, что в ней видит единственное средство положить конец революции. Таким образом, **буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России...** Прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует **только между пролетариатом и крестьянством.** Она-то и должна лечь в основу всей революционной тактики русской социал-демократии... Без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы» (см. пятую главу).

Так говорит Каутский.

Думаем, что комментарии излишни.

Третий вопрос наших разногласий: **в чём** состоит классовая сущность победы нашей революции или, иначе говоря, какие классы должны одержать победу в нашей революции, какие классы должны завоевать власть?

Большевики утверждают, что так как главными силами нынешней революции являются пролетариат и крестьянство, так как победа их без взаимной поддержки невозможна,— то и власть завоюют именно они, поэтому победа революции будет представлять собой **диктатуру пролетариата и крестьянства** (см. «Две тактики» и «Победа кадетов» **Ленина**).

Меньшевики же, напротив, отвергают диктатуру пролетариата и крестьянства, они не верят, что власть будет завоёвана пролетариатом и крестьянством. По их мнению, власть должна попасть в руки кадетской Думы. Вследствие этого они с необыкновенным увлечением поддерживают кадетский лозунг ответственного министерства. Таким образом, вместо диктатуры

пролетариата и крестьянства меньшевики предлагают нам диктатуру кадетов (см. «Две диктатуры» **Мартынова**, также газеты «Голос Труда» [8], «Наше Дело» и др.).

Как смотрит на этот вопрос К. Каутский?

По этому поводу Каутский прямо говорит, что «в общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность её победы» (см. пятую главу). То есть революция победит только в том случае, если пролетариат и крестьянство будут вместе бороться для общей победы,— диктатура кадетов антиреволюционна.

Четвёртый вопрос наших разногласий: во время революционных бурь, разумеется, само собой возникнет так называемое временное революционное правительство,— допустимо ли участие социал-демократии в революционном правительстве?

Большевики говорят, что участие в таком временном правительстве не только допустимо с точки зрения принципов, но и необходимо будет практически, и это для того, чтобы социал-демократия достойным образом защищала там, во временном революционном правительстве, интересы пролетариата и революции. Если в борьбе на улице пролетариат совместно с крестьянами сокрушит старые порядки, если он вместе с ними будет проливать кровь, естественно, с ними же вместе он должен войти во временное революционное правительство, чтобы довести революцию до желательных результатов (см. «Две тактики» **Ленина**).

Меньшевики же отвергают участие во временном революционном правительстве — это, мол, для

социал-демократии недопустимо, это социал-демократу не подобает, это, якобы, погубит пролетариат (см. «Две диктатуры» Мартынова).

Что говорит по этому поводу К. Каутский?

«Очень возможно, что при дальнейшем ходе революции победа достанется социал-демократической партии...» Но это не означает, что «переживаемая Россией революция привела бы теперь же к водворению в России социалистического способа производства, даже если бы она **временно вручила кормило власти социал-демократии**» (см. пятую главу).

Как видите, по мнению Каутского, участие во временном революционном правительстве не только допустимо, но может случиться даже так, что «временно кормило власти» целиком перейдёт в руки одной социал-демократии.

Таковы взгляды Каутского на главнейшие вопросы наших разногласий.

Как видите, крупнейший теоретик социал-демократии Каутский и большевики вполне согласны между собой.

Этого не отрицают и меньшевики, разумеется, за исключением некоторых «казённых» меньшевиков, которые, должно быть, и в глаза не видели брошюры Каутского. Мартов, например, прямо говорит, что «в конечном своём выводе Каутский согласен с тов. Лениным и его единомышленниками, провозгласившими демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства» (см. «Отклики» № 2, стр. 19).

А это значит, что меньшевики **не согласны** с К. Каутским, или, вернее говоря, Каутский **не согласен** с меньшевиками.

Итак, кто же согласен с меньшевиками и с кем, наконец, согласны меньшевики?

Вот что повествует об этом история. 27 декабря (1906 г.) в Соляном городке (в Петербурге) состоялось дискуссионное собрание. Во время дебатов вождь кадетов П. Струве заявил: «Все вы будете кадетами... Меньшевиков уже называют полукадетами. Плеханова многие считают кадетом, и, действительно, многое из того, что говорит теперь Плеханов, кадеты могут приветствовать, жаль только, что он этого не сказал тогда, когда кадеты были в одиночестве» (см. «Товарищ» от 28 декабря 1906 г.).

Вот кто согласен с меньшевиками.

Что же удивительного, если и меньшевики согласятся с ними и станут на путь либерализма?..

10 февраля 1907 г.

Печатается по тексту брошюры
Подпись: Коба

Перевод с грузинского

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В ПЕТЕРБУРГЕ И МЕНЬШЕВИКИ

Нигде не было такого обострения избирательной борьбы, как в Петербурге. Нигде не было таких столкновений между партиями, как в Петербурге. Социал-демократы, народники, кадеты, черносотенцы, большевики и меньшевики в социал-демократии, трудовики[9], эсеры и народные социалисты среди народников, левые и правые кадеты в кадетской партии — все они вели ожесточённую борьбу...

Зато нигде так ясно не выявлялась физиономия партий, как в Петербурге. Это так и должно было быть. Избирательная борьба — это живое дело, а узнать партии можно только на деле. Ясно, что чем ожесточённее велась борьба, тем отчётливее должна была выявиться и физиономия борющихся.

В этом отношении весьма интересно поведение большевиков и меньшевиков во время избирательной борьбы.

Вы, вероятно, помните разговоры меньшевиков. Они ещё до выборов заявляли, что Учредительное собрание и демократическая республика — излишний груз, что прежде всего нужна Дума и кадетское министерство,

вследствие чего нужно избирательное соглашение с кадетами. В противном случае, дескать, победят черносотенцы. Вот что писал накануне выборов вождь меньшевиков **Череванин:**

«Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться, как это предлагают некоторые, вместе с крестьянством вступить в борьбу и с правительством и с буржуазией за полновластное и всенародное Учредительное собрание» (см. «Наше Дело» № 1).

Другой вождь меньшевиков, **Плеханов,** поддакивал Череванину, он также отвергал всенародное Учредительное собрание, предлагая взамен этого «полновластную Думу», которая должна была стать «общей платформой» для кадетов и социал-демократов (см. «Товарищ», 24 ноября 1906 г.).

А известный меньшевик **Васильев** говорил более откровенно, что классовая борьба «в данный момент убийственна и преступна...», что различным классам и группам надо «расстаться на время со всеми «самыми лучшими программами» и слиться в одной конституционной партии...» (см. «Товарищ», 17 декабря 1906 г.).

Так говорили меньшевики.

Большевики с самого начала осуждали подобную позицию меньшевиков. Они говорили, что социалистам не к лицу соглашение с кадетами,— социалисты должны самостоятельно выступать в избирательной борьбе. На первой ступени выборов соглашения допустимы только как исключение, да и то с такими партиями, которые лозунгом дня ставят всенародное Учредительное собрание, конфискацию всех земель, восьмичасовой рабочий день и т. д. Кадеты же отвергают

всё это. «Черносотенная опасность» — это выдумка либералов для устрашения некоторых наивных людей. Черносотенцы не могут «заполонить» Думу. Меньшевики повторяют слова либералов, когда говорят о «черносотенной опасности». Зато существует «кадетская опасность», и она представляет собой действительную опасность. Наша обязанность — сплотить вокруг себя все революционные элементы и повести борьбу с кадетами, которые заключают союз с реакцией против революции. Мы в одно и то же время должны вести двоякую борьбу: как с реакцией, так и с либеральной буржуазией и её защитниками.

Так говорили большевики.

И вот приближается день открытия петербургской социал-демократической конференции [10]. Здесь, на этой конференции, перед пролетариатом должны были предстать две тактики: тактика соглашения с кадетами и тактика борьбы с кадетами... Теперь, на этой конференции, пролетариат должен был дать оценку всему тому, что до сих пор говорили большевики и меньшевики. Но меньшевики почуяли, что их ждёт поражение, они почувствовали, что конференция осудит их тактику, и решили уйти с конференции, порвать с социал-демократией. Ради соглашения с кадетами меньшевики начали раскол. Путём торга с кадетами они хотели провести в Думу «своих людей».

Большевики решительно осуждали этот бесхарактерный поступок. Они с цифрами в руках доказывали отсутствие «черносотенной опасности». Они подвергали беспощадной критике эсеров и трудовиков, открыто призывая их сплотиться вокруг пролетариата против контрреволюции и кадетов.

И когда большевики объединяли революционные элементы вокруг пролетариата, когда они неуклонно осуществляли непримиримую тактику пролетариата, — в это время меньшевики, за спиной рабочих, вели переговоры с кадетами.

А кадеты постепенно склонялись вправо. Столыпин пригласил к себе «для переговоров» лидера кадетов **Милюкова.** Кадеты единогласно поручили Милюкову вести переговоры с реакцией от «имени партии». Ясно, что кадеты хотели соглашения с реакцией против революции. В то же время другой лидер кадетов, **Струве,** открыто заявлял, что «кадеты хотят соглашения с монархом в целях получения конституции» (см. «Речь» [11], 18 января 1907 г.). Было очевидно, что кадеты вступают в союз с реакцией.

А меньшевики всё же устраивали переговоры с кадетами, они всё же искали союза с ними. Бедняжки! Им было невдомёк, что, идя на соглашение с кадетами, они вступали в соглашение с реакцией!

Тем временем начинаются разрешённые властями дискуссионные собрания. Здесь, на этих митингах, прямо выяснилось, что «черносотенная опасность» — фантазия, что основная борьба ведётся между кадетами и социал-демократами, и тот, кто вступает в соглашение с кадетами, предаёт социал-демократию. Меньшевиков больше не видать на митингах: они два-три раза попытались заступиться за кадетов, но явно опозорились и спрятались. Кадетские прихвостни — меньшевики уже потеряли кредит. Дискуссионная арена осталась за большевиками и кадетами. Борьба между ними заполнила собой митинги. Эсеры и трудовики отклоняют переговоры с кадетами. Народные социалисты

колеблются. Большевики становятся во главе избирательной борьбы.

Где были в это время меньшевики?

Они толковали с кадетами относительно трёх депутатских мест. Это невероятно, но это факт, и наша обязанность — открыто сказать правду.

Большевики заявляют: долой гегемонию кадетов!

Меньшевики же **отвергают этот лозунг** и тем самым подчиняются гегемонии кадетов, плетутся в хвосте за ними.

Тем временем происходят выборы по рабочей курии. Выясняется, что **в меньшевистских районах рабочие почти везде избрали уполномоченными эсеров.** «Мы не можем голосовать за соглашателей с кадетами, эсеры всё же лучше их»,— так, оказывается, говорили рабочие. Рабочие называют социал-демократов либералами и предпочитают итти с буржуазными демократами, с эсерами! Вот к чему привёл оппортунизм меньшевиков!

Большевики продолжают вести свою непримиримую тактику и призывают все революционные элементы сплотиться вокруг пролетариата. Эсеры и трудовики открыто присоединяются к большевистскому лозунгу: долой гегемонию кадетов! Народные социалисты порывают с кадетами. Для всех становится очевидным, что соглашение между социал-демократами и эсерами-трудовиками ни в коем случае не разобьёт голоса настолько, чтобы победили черносотенцы. Победить должны либо кадеты, либо крайние левые,— «черносотенная опасность» — фантазия.

Тем временем кадеты прекращают переговоры с меньшевиками. Видимо, дело не выгорело. Большевики же

заключили соглашение с эсерами, трудовиками и народными социалистами, изолировали кадетов и повели общее наступление против реакции и кадетов. В Петербурге были объявлены три избирательных списка: черносотенцев, кадетов и крайних левых. Так сбылись, вопреки меньшевикам, слова большевиков о трёх списках.

Отвергнутые пролетариатом, оставленные не солоно хлебавши кадетами, поднятые на-смех эсерами и трудовиками, опозоренные историей, меньшевики слагают оружие и голосуют за список крайних левых, **против кадетов.** Выборгская районная комиссия меньшевиков открыто заявляет, что меньшевики будут голосовать за крайних левых, против кадетов.

А это означает, что меньшевики отвергли наличие «черносотенной опасности», они отвергли соглашение с кадетами и поддержали большевистский лозунг — долой гегемонию кадетов!

Это означает, далее, что меньшевики отвергли свою тактику и открыто признали тактику большевиков.

Это означает, наконец, что меньшевики перестали плестись за кадетами и теперь поплелись за большевиками.

Наконец, состоялись выборы, и оказалось, что по Петербургу не избран ни один черносотенец!

Так оправдалась большевистская тактика в Петербурге.

Так потерпели поражение меньшевики.

Газета «Чвени Цховреба»
(«Наша Жизнь») [12] *№ 1,*
18 февраля 1907 г.
Статья без подписи

Перевод с грузинского

САМОДЕРЖАВИЕ КАДЕТОВ ИЛИ САМОДЕРЖАВИЕ НАРОДА?

Кто должен взять в руки власть во время революции, какие классы должны стать у кормила общественно-политической жизни? — Народ, пролетариат и крестьянство! — отвечали и теперь отвечают большевики. По их мнению, победа революции — это диктатура (самодержавие) пролетариата и крестьянства в целях завоевания восьмичасового рабочего дня, конфискации всей помещичьей земли и установления демократических порядков. Меньшевики отвергают самодержавие народа и до сих пор не давали прямого ответа на вопрос, кто же должен взять в руки власть. Теперь же, когда меньшевики явно повернули к кадетам,— они более смело заявляют, что власть должны взять кадеты, а не пролетариат и крестьянство. Послушайте:

«Диктатура пролетариата и крестьянства есть... парадокс» (несообразность)... Это «склонность к эсеровским взглядам» (см. меньшевистский орган «На Очереди»[13] № 4, стр. 4—5, статья **Потресова**).

Правда, крупнейший марксист К. Каутский ясно говорит, что демократическая диктатура пролетариата и крестьянства необходима, но где К. Каутскому

тягаться с Потресовым: всякий знает, что Потресов — подлинный марксист, а Каутский — нет!

Другой меньшевик добавляет:

«Лозунг ответственного министерства станет лозунгом борьбы за власть, борьбы за переход власти из рук бюрократии в руки народа» (см. там же, стр. 3, статья **Кольцова**).

Как видите, по мнению Кольцова, лозунг ответственного министерства должен стать лозунгом борьбы народа, т. е. пролетариат и крестьянство должны бороться именно под этим лозунгом и должны проливать кровь не за демократическую республику, а за кадетское министерство.

Вот что, оказывается, меньшевики называют завоеванием власти народом!

Подумайте только: оказывается, диктатура пролетариата и крестьянства вредна, а диктатура кадетов полезна! Мы, дескать, хотим не самодержавия народа, а самодержавия кадетов!

Да, да! Не зря хвалят меньшевиков враги народа кадеты!..

Газета «Дро» («Время»)[14] № 2,
13 марта 1907 г.
Статья без подписи
Перевод с грузинского

ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ ЗАКЛЮЧАЕТ СОЮЗ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

«В отличие от французской буржуазии 1789 года прусская буржуазия... опустилась до уровня какого-то сословия... которое с самого начала было склонно к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества».

Так писал К. Маркс о прусских либералах.

И, действительно, революция по-настоящему ещё не развернулась, как немецкие либералы пошли на сделку с «верховной властью». И эту сделку они вскоре осуществили и затем вместе с правительством ополчились против рабочих и крестьян. Известно, как язвительно и метко разоблачал К. Маркс это двуличие либералов:

«Без веры в себя, без веры в народ, брюзжа против верхов, страшась низов, эгоистичная по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам, консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в свою пользу, лишённая всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат,

она пошла, потому что в ней нет ничего оригинального, она оригинальна в своей пошлости, она торгуется сама с собой, без инициативы, без всемирноисторического призвания — точно старик, над которым тяготеет проклятье... без глаз, без ушей, без носа — полная развалина,— такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства» (см. «Новая Рейнская Газета»)[15].

Нечто подобное имеет у нас место теперь, в ходе русской революции.

Дело в том, что наша буржуазия также отличается от французской буржуазии 1789 года. Наша либеральная буржуазия ещё быстрее и более прямо, чем немецкая буржуазия, заявила, что она «пойдёт на соглашение с верховной властью», против рабочих и крестьян. Партия либеральной буржуазии, так называемые кадеты давно начали за спиной народа тайные переговоры со Столыпиным. Какую цель преследовали эти переговоры, о чём было кадетам толковать с «военно-полевым» министром, если они в самом деле не изменяют интересам народа? По этому поводу французские и английские газеты не так давно писали, что правительство и кадеты идут на союз между собой с целью обуздания революции. Условия этого тайного союза таковы: кадеты должны отказаться от своих оппозиционных требований, за это правительство даст министерские посты нескольким кадетам. Кадеты разобиделись — это, дескать, неправда. Но на деле обнаружилось, что это, оказывается, правда, на деле обнаружилось, что кадеты уже заключили союз с правыми и правительством.

О чём говорит последнее голосование в Думе, как не о союзе кадетов с правительством? Вспомните факты.

Социал-демократы вносят предложение создать комиссию о голодающих крестьянах. Они хотят, чтобы за дело помощи голодающим, помимо депутатов и бюрократов, взялся сам народ и сам же разоблачил «геройские деяния» Гурко — Лидвалей [16]. Это хорошо, это желательно, потому что всё это укрепляет связь депутатов с народом, всё это придаёт глухому ропоту народа сознательный характер. Ясно, что тот, кто действительно служит интересам народа, непременно поддержал бы предложение социал-демократов как средство, полезное народу. Ну, а как поступили кадеты, поддержали ли они социал-демократов? Нет! Они единодушно провалили предложение социал-демократов заодно с октябристами [17] и черносотенцами. Осуществление-де вашего предложения вызовет народное движение, поэтому оно вредно,— ответил социал-демократам лидер кадетов **Гессен** (см. «Парус» [18] № 24).— Я всецело согласен с вами, господа кадеты, вы правы,— воздал должное кадетам **Столыпин** (см. там же). В результате социал-демократов поддержали только эсеры, народные социалисты и большинство трудовиков.

Таким образом, Дума разделилась на два лагеря: лагерь врагов народного движения и лагерь сторонников народного движения. В числе первых: черносотенцы, октябристы, Столыпин, кадеты и др. В числе вторых: социал-демократы, эсеры, народные социалисты, большинство трудовиков и др.

Что это значит, как не то, что кадеты **уже** вошли в союз с правительством?

Как видно, оправдывается тактика большевиков, которая сеет недоверие к изменникам народа, кадетам, и призывает к борьбе с ними.

Но этого мало. Дело в том, что вышеуказанные слухи, распространяемые французскими и английскими газетами, полностью подтверждаются. Столичные газеты в последние дни из «достоверных источников» сообщают, что сделка кадетов с правительством уже состоялась. И, представьте себе, условия этой сделки, оказывается, выяснены даже в подробностях. Правда, кадеты это отрицают, однако это — одно фарисейство, и ничего больше. Послушайте:

> «Из достовернейших источников «Сегодня» [19] сообщает, что вчерашнее выступление Столыпина в Государственной думе отнюдь не было неожиданным для кадетов и октябристов. Об этом в течение целого дня шли предварительные переговоры между премьером, Кутлером... и Фёдоровым, который представительствовал от правого центра. Решающее соглашение между этими лицами происходило в редакции «Слова» [20], куда собирался приехать и гр. Витте... В общих чертах соглашение сводится к следующему: 1) Кадеты открыто порывают всякую связь с левыми партиями и занимают в Думе строго центральное положение. 2) Кадеты отказываются от части своей аграрной программы, сблизив её с программой октябристов. 3) Кадеты временно не настаивают на равноправии национальностей. 4) Кадеты поддерживают внешний заём. Взамен этого кадетам обещано: 1) Немедленная легализация кадетской партии. 2) ...Кадетам предложены будут портфели министерств: землеустройства и земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности и юстиции. 3) Частичная амнистия. 4) Поддержка кадетского законопроекта об отмене военно-полевых судов» (см. «Парус» № 25).

Так обстоит дело.

В то время как народ борется, в то время как рабочие и крестьяне проливают кровь, чтобы сокрушить реакцию, кадеты заключают союз с этой реакцией, чтобы обуздать народную революцию!

Вот кто такие кадеты!

Вот, оказывается, для чего они хотят «сберечь» Думу!

Вот почему они не поддержали проект социал-демократов относительно создания комиссии о голодающих!

Так терпит крах меньшевистский тезис о демократизме кадетов.

Так терпит крах меньшевистская тактика поддержки кадетов: после этого поддерживать кадетов — значит поддерживать правительство!

Оправдывается взгляд большевиков относительно того, что в серьёзный момент нас поддержат только сознательные представители крестьян, как, например, эсеры и др.

Ясно, что мы также должны поддержать их против кадетов.

Или, быть может, меньшевики и дальше думают поддерживать кадетов?..

Газета «Дро» («Время») № 6,
17 марта 1907 г.
Статья без подписи

Перевод с грузинского

ПАМЯТИ ТОВ. Г. ТЕЛИЯ[21]

Чрезмерное восхваление умерших товарищей вошло в обычай в наших партийных кругах. Замалчивание слабых сторон и преувеличение положительных — характерная особенность нынешних некрологов. Это, конечно, неразумный обычай. Мы не хотим следовать этому обычаю. Мы хотим сказать о тов. Г. Телия только правду, мы хотим познакомить читателя с Телия, каким он был в действительности. И вот действительность говорит нам, что тов. Г. Телия как передовой рабочий и как партийный работник был до конца безупречным и неоценимым для партии человеком. Всё то, что больше всего характеризует социал-демократическую партию: жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперёд, стойкость, трудолюбие, нравственная сила,— всё это сочеталось в лице тов. Телия. Телия воплощал в себе лучшие черты пролетария. Это не преувеличение. Нам это покажет сейчас его краткая биография.

Тов. Телия не принадлежал к числу «учёных». Он самоучкой одолел грамоту и стал сознательным. Уехав из сел. Чагани (Телия был родом из сел. Чагани,

Кутаисского уезда), он нанялся в качестве домашнего слуги в какую-то частную семью в Тифлисе. Здесь же он научился говорить по-русски и пристрастился к чтению книг. Но ему быстро надоела профессия слуги, и он вскоре поступил в железнодорожные мастерские, в столярный цех. Эти мастерские сослужили большую службу тов. Телия. Они были его школой, здесь он стал социал-демократом, здесь он закалился и стал стойким борцом, здесь же он выдвинулся как способный и сознательный рабочий.

В 1900—1901 годах Телия уже выделялся среди передовых рабочих как один из достойных вожаков. Со времени демонстрации 1901 года в Тифлисе[22] тов. Телия уже не знал отдыха. Пламенная пропаганда, создание организаций, участие в ответственных собраниях, упорная работа в деле приобретения социалистического самообразования — вот чему отдавал он всё своё свободное время. Его преследовала полиция, разыскивала «с фонарём в руках», но всё это только удваивало его энергию и жажду борьбы. Вдохновителем демонстрации 1903 года (в Тифлисе)[23] был тов. Телия. Несмотря на то что полиция гналась за ним по пятам, он поднял знамя, он произнёс речь. После этой демонстрации он уже полностью переходит на нелегальное положение. С этого года он по поручению организации начинает «путешествовать» по разным городам Закавказья. В том же году, по поручению организации, он направился в Батум для устройства нелегальной типографии. Но на станции Батум его арестовали с оборудованием указанной типографии и, спустя короткое время, отправили в кутаисскую тюрьму. С этого момента начинается новый период в его «беспокойной» жизни. Полтора года тюремного заключения не прошли бесследно для Телия. Тюрьма стала его второй школой. Посредством постоянных занятий, чтения социалистических книг и участия в дискуссиях он заметно увеличил свой умственный багаж. Здесь же окончательно сложился у него тот непреклонный революционный характер, которому завидовали многие из его товарищей. Но та же тюрьма наложила на него печать смерти, та же тюрьма наделила его смертельным недугом (чахоткой), который свёл в могилу нашего лучшего товарища.

Телия знал роковое состояние своего здоровья, но не это тревожило его. Его беспокоило лишь одно — «праздное сидение и бездействие». «Когда же я дождусь того дня, когда по-своему развернусь на просторе, снова увижу народную массу, прильну к её груди и стану служить ей»,— вот о чём мечтал запертый в тюрьме товарищ. И эта мечта сбылась. Через полтора года его перевели в «малую» кутаисскую тюрьму, откуда он сразу же бежал и появился в Тифлисе. В это время в партии происходил раскол. Тов. Телия тогда примыкал к меньшевикам, но он вовсе не походил на тех «казённых» меньшевиков, которые меньшевизм считают «кораном», себя — правоверными, а большевиков — гяурами. Телия не походил и на тех «передовых» рабочих, которые изображают себя «социал-демократами от рождения» и, будучи круглыми невеждами, потешно кричат: нам знания не нужны, мы — рабочие. Характерным свойством Телия было именно то, что он отрицал фракционный фанатизм, всем своим существом презирал слепое подражание и до всего хотел дойти своим умом. Вот почему, бежав из тюрьмы, он тотчас же набросился на книги: «Протоколы второго съезда»,

«Осадное положение» Мартова, «Что делать?» Ленина, его же «Шаг вперёд». Надо было видеть исхудавшего, пожелтевшего Телия, который, настойчиво корпя над книгами, с улыбкой говорил: «Как я вижу, решить, быть ли большевиком или меньшевиком, не так-то легко; пока не изучу эти книги, до тех пор мой меньшевизм построен на песке». И вот тов. Телия, изучив необходимую литературу, вдумавшись в споры между большевиками и меньшевиками, взвесил всё и только после этого сказал: «Я, товарищи, большевик; как мне кажется, тот, кто не большевик, несомненно, изменяет революционному духу марксизма».

После этого он становится апостолом революционного марксизма (большевизма). По решению организации, в 1905 году он направился в Баку. Устройство типографии, налаживание работы районных организаций, участие в руководящей организации, присылка статей для «Пролетариатис Брдзола»[24] — вот чем занимается там тов. Телия. Во время известного провала арестовали и его, но и тут он «ускользнул» и опять поспешил в Тифлис. Проработав некоторое время в тифлисской руководящей организации, он принял участие в общероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе в 1905 г. Интересны его впечатления от этой конференции. Он с большими надеждами смотрел на будущее партии и с сияющими глазами говорил: последних сил не пожалею для этой партии. Но в том-то и было несчастье, что сразу по возвращении из России он слёг в постель и уже больше не вставал. Только теперь он начал серьёзную литературную деятельность. Во время своей болезни он написал: «Что нам нужно» (см. «Ахали Цховреба»[25]), «Старые и новые мертвецы» (ответ Арч. Джорджадзе), «Анархизм и социал-демократия» *, «Почему нас называют бланкистами» и др.

В последние дни он нам писал, что подготовляет брошюру по истории кавказской социал-демократии, но безжалостная смерть преждевременно вырвала перо из рук неутомимого товарища.

Такова картина короткой, но полной бурь жизни тов. Телия.

Изумительные способности, неиссякаемая энергия, независимость, глубокая любовь к делу, геройская непреклонность и апостольский дар — вот что характеризует тов. Телия.

Только в рядах пролетариата встречаются такие люди, как Телия, только пролетариат рождает таких героев, как Телия, и тот же пролетариат постарается отомстить проклятому строю, жертвой которого пал наш товарищ — **рабочий Г. Телия.**

Газета «Дро» («Время») № 10,
22 марта 1907 г.
Подпись: К о...

Перевод с грузинского

* Последние две брошюры не могли быть напечатаны, так как были захвачены полицией во время обыска.

ПЕРЕДОВОЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ПЯТЫЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

Подготовка к съезду подходит к концу[26]. Постепенно вырисовывается соотношение сил фракций. Выясняется, что промышленные районы большей частью поддерживают большевиков. Петербург, Москва, Центральный промышленный район, Польша, Прибалтийский край, Урал — вот где пользуется доверием тактика большевиков. Кавказ, Закаспийский край, юг России, некоторые города районов влияния «Бунда»[27], крестьянские организации «Спилки»[28] — вот где черпают силы тов. меньшевики. Юг России — единственный промышленный район, где меньшевики пользуются доверием. Остальные опорные пункты меньшевизма — это большей частью центры мелкого производства.

Выясняется, что тактика меньшевиков — это главным образом тактика отсталых городов, где на развитие революции и рост классового сознания смотрят косо.

Выясняется, что тактика большевиков — это главным образом тактика передовых городов, промышленных центров, где на углубление революции и развитие классового сознания обращается главное внимание...

Было время, когда российская социал-демократия представляла собой горсточку членов. Тогда она носила интеллигентский характер и не в состоянии была наложить свой отпечаток на борьбу пролетариата. Тогда партийную политику вела какая-нибудь пара лиц, голос партийно-пролетарской массы был заглушён... Совсем другое — сегодня. Сегодня перед нами величественная партия — **Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия**, которая насчитывает в своих рядах до 200 000 членов, накладывает свой отпечаток на борьбу пролетариата, собирает вокруг себя революционную демократию всей России и наводит страх на «сильных мира сего». И эта величественная партия тем более величественна и замечательна, что руль управления ею держит в руках партийная масса, а не какая-нибудь пара «просвещённых лиц». Это лучше всего выявилось во время выборов в Думу, когда партийная масса, отбросив прочь предложение «авторитетного» Плеханова, не пожелала иметь «общую платформу» с кадетами. Правда, тов. меньшевики всё-таки называют нашу партию интеллигентской, но это, вероятно, потому, что эта партия — не меньшевистская в своём большинстве. Но если германская социал-демократическая партия, которая при 18 миллионах пролетариев насчитывает лишь 400 000 членов, если эта партия имеет право именоваться пролетарской партией,— то Российская социал-демократическая партия, которая при 9 миллионах пролетариев в России имеет 200 000 членов, также вправе считаться пролетарской партией...

Таким образом, Российская социал-демократическая партия величественна ещё тем, что она является

подлинно пролетарской партией, которая своим путём идёт к будущему и критически относится к нашёптываниям своих старых «вождей».

В этом отношении показательны последние петербургская и московская конференции.

На обеих конференциях задавали тон рабочие, девять десятых всего числа делегатов и там и тут составляли рабочие. Обе конференции отвергли устарелые и неуместные «директивы» «старых вождей» вроде Плеханова. Обе конференции громогласно признали необходимость большевизма. Тем самым Москва и Петербург выразили недоверие меньшевистской тактике, признали необходимой гегемонию пролетариата в нынешней революции.

Устами Петербурга и Москвы говорит весь сознательный пролетариат. Москва и Петербург ведут за собой остальные города. От Москвы и Петербурга исходили директивы во время январского и октябрьского выступлений, они руководили движением в славные декабрьские дни. Нет сомнения, что они же подадут сигнал к грядущему революционному натиску.

А Петербург и Москва держатся тактики большевизма. Тактика большевизма — это единственно пролетарская тактика,— вот что говорят рабочие этих городов пролетариату России...

Газета «Дро» («Время») № 25,
8 апреля 1907 г.
Статья без подписи

Перевод с грузинского

НЕРАЗБЕРИХА...

Всё ещё никак не определят своей тактики «публицисты» из «Лахвари»[29]. В первом номере они писали: мы, дескать, поддерживаем только «прогрессивные шаги» кадетов, а не самих кадетов. Мы заметили, что это забавный софизм, так как меньшевики голосовали за избираемых в Думу кадетов, а не только за их «шаги»; они проводили в Думу кадетов как таковых, а не только их «шаги»; они провели в председатели Думы кадета как такового, а не только его «шаги»,— что явно подтверждает факт поддержки кадетов меньшевиками. Это так ясно, меньшевики так много говорили о поддержке кадетов, что отрицание этого факта вызывало только смех...

Теперь они чуточку «призадумались» и твердят другое: правда, «на выборах мы поддерживали кадетов» (см. «Лахвари» № 3), но это только на выборах, зато в Думе мы поддерживаем не кадетов, а только их «шаги», вы же, дескать, «не отличаете тактики в Думе от тактики на выборах». Во-первых, очень смешна та «тактика», которая только в Думе предохраняет тебя от глупостей, а во время выборов подсказывает тебе глупости.

Во-вторых, разве не правда, что председателем Думы меньшевики провели кадета? К какой тактике надо отнести проведение председателем кадета: к «тактике в Думе» или к тактике вне Думы? Мы думаем, что Головина в Думе провели председателем Думы, а не на улице — председателем улицы.

Ясно, что и в Думе меньшевики проводили ту же тактику, что и вне Думы. Эта тактика есть тактика поддержки кадетов. Если теперь они это отрицают, то это потому, что стали жертвой неразберихи.

Поддерживать кадетов — это не значит создавать имя кадетам, в противном случае и вы создаёте имя эсерам, поддерживая их,— заявляет «Лахвари». Шутники эти «лахваристы»! Им, оказывается, невдомёк, что всякая поддержка со стороны социал-демократии создаёт имя той партии, которую она поддерживает! Потому они так щедро и раздавали обещания о всевозможной «поддержке»... Да, любезные товарищи, поддерживая эсеров, социал-демократия создаёт эсерам имя в глазах народа, и именно поэтому такая поддержка допустима **только как исключение и как средство поражения кадетов.** Поддержка эсеров — вовсе не идеал, она есть неизбежное зло, используемое для обуздания кадетов. Вы же поддерживали как раз тех самых кадетов, которые продают рабочих и крестьян, перед которыми эсеры имеют то преимущество, что они примыкают к революции...

«Скажем, кадеты потребовали всеобщего избирательного права. Это, оказывается, есть большое зло, ибо это требование кадетское» (см. там же).

Ну и шутники! Видите ли, всеобщее избирательное право — это, оказывается, «кадетское требование»! Тифлисские меньшевики, оказывается, не знают, что всеобщее избирательное право есть требование не кадетское, а требование революционной демократии, которое последовательнее всех отстаивает социал-демократия! Нет, товарищи, если вы не можете понять даже того, что кадеты не являются революционными демократами; если вы не можете понять даже того, что борьба с ними, чтобы укрепить гегемонию пролетариата — для нас вопрос дня; если вы не в состоянии разобраться даже в том, что говорили вчера и что говорите сегодня,— то лучше вам пока отложить перо, выпутаться сперва из неразберихи и только после этого взяться за «критику»...

Клянёмся Думой, так будет лучше...

Газета «Дро» («Время») № 26,
10 апреля 1907 г.
Статья без подписи

Перевод с грузинского

НАШИ КАВКАЗСКИЕ КЛОУНЫ

По поводу наших статей меньшевистская газета «Лахвари» воспылала гневом,— видать, обвинение попало в цель. Это, конечно, весьма забавное зрелище...

В чём дело?

Мы писали, что поворот Думы вправо нас не удивляет. Почему? Потому, что в Думе господствует либеральная буржуазия, а эта буржуазия вступает в союз с правительством и порывает с рабочими и крестьянами. Отсюда — слабость Думы. И если рабочие и революционные крестьяне не идут в хвосте антиреволюционной Думы, и если они также порывают с думским большинством,— то это значит, что у нас народ является более сознательным, чем во Франции восемнадцатого века. Отсюда — опять же слабость Думы. Так мы объясняли слабость Думы и её поворот вправо.

Оказывается, у наших меньшевиков после этого объяснения душа ушла в пятки, и они в ужасе вопят:

«Нет, если бы объяснение большевиков было правильно, в таком случае мы вынуждены были бы махнуть рукой и сказать, что русской революции пришёл конец» (см. «Лахвари» № 6).

Бедняги! Они в свою революционность верят не так крепко, как в кадетскую! Либералы предают революцию,— следовательно, революция ослабела! Рабочие и революционные крестьяне, оказывается, нуль. Горе вам, если у вас нет большей проницательности!

Они не верны даже самим себе. Вот, например, полтора года назад, в газете «Схиви»[30], те же меньшевики писали нечто другое:

«Декабрьская стачка оттолкнула буржуазию от революции и **сделала её консервативной.** Дальнейшее развитие революции должно пойти **против либералов.** Под силу ли это революции? Это зависит от того, кто будет двигателем революции. **Вождём революции и тут, разумеется, является пролетариат.** Один он не в состоянии довести её до конца, если у него не будет сильного и верного союзника, а таким союзником является **единственно крестьянство»** (см. «Схиви» № 12).

Да, так говорили меньшевики, пока они придерживались точки зрения социал-демократии...

Но теперь, когда они повернулись спиной к социал-демократии, они запели на иной лад и центром революции, её спасителями объявляют либералов.

И после всего этого имеют смелость уверять нас, что кавказские меньшевики не клоуны, что они не рядятся в социал-демократические одежды, чтобы скрыть своё кадетское нутро!

«Как же случилось,— говорят меньшевики,— что в первой Думе кадеты действовали смелее, требовали ответственного перед Думой министерства и т. д.? Чем объяснить, что кадеты на второй день после разгона Думы подписались под Выборгским воззванием?

Почему они так не поступают сегодня?

На этот вопрос политическая философия большевиков **ответа не даёт и дать не может»** (см. там же).

Напрасно утешаете себя, струсившие товарищи. Мы давно ответили на этот вопрос: нынешняя Дума более бесцветна потому, что пролетариат теперь более сознателен и сплочён, чем в период первой Думы, что и толкает либеральную буржуазию в сторону реакции. Раз и навсегда зарубите себе на носу, либеральствующие товарищи, что **чем более сознательно борется пролетариат, тем более контрреволюционной становится буржуазия.** Таково наше объяснение.

А как вы объясняете бесцветность второй Думы, любезные товарищи?

Вот, например, в № 4 «Лахвари» вы пишете, что в слабости Думы, в её бесцветности виновата «несознательность и неорганизованность народа». Первая Дума, как вы сами говорите, была более «смелой»,— следовательно, тогда народ был «сознательным и организованным». Вторая Дума более бесцветна,— следовательно, в этом году народ является менее «сознательным и организованным», чем в прошлом году,— следовательно, дело революции и роста сознательности народа пошло назад! Не это ли вы хотели сказать, товарищи? Не этим ли вы хотите оправдать своё тяготение к кадетам, любезные?

Горе вам и вашей путаной «логике», если вы и впредь думаете оставаться клоунами...

Газета «Дро» («Время») № 29,
13 апреля 1907 г.
Статья без подписи

Перевод с грузинского

РАЗГОН ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

Вторую Думу разогнали [31]. И разогнали её не просто, а с шумом — точь-в-точь как первую Думу. Тут есть и «разгонный манифест» с «искренним сожалением» царя-фарисея по поводу разгона. Есть и «новый избирательный закон», сводящий на ничто избирательные права рабочих и крестьян. Есть даже обещания «обновить» Россию при помощи, конечно, расстрелов и третьей Думы. Словом, тут есть всё то, что ещё так недавно имело место при разгоне первой Думы. Царь вкратце повторил разгон первой Думы...

А разогнал царь вторую Думу не зря и отнюдь не без цели. При помощи Думы он хотел связаться с крестьянством, сделать его из союзника пролетариата союзником правительства и, таким образом, оставив пролетариат одиноким, изолировав его, расстроить дело революции, сделать невозможной её победу. Для этого правительство прибегло к помощи либеральной буржуазии, пользующейся пока ещё некоторым влиянием среди тёмной массы крестьян, и вот через неё-то оно хотело связаться с многомиллионным крестьянством.

Так хотело оно использовать вторую Государственную думу.

Но вышло обратное. На первых же заседаниях второй Думы обнаружилось недоверие крестьянских депутатов не только к правительству, но и к депутатам либеральных буржуа. Недоверие это росло по поводу целого ряда голосований и, наконец, дошло до того, что перешло в открытую вражду к депутатам либеральной буржуазии. Таким образом, правительству не удалось сплотить крестьянских депутатов вокруг либералов, а через них — вокруг старой власти. Желание правительства — связаться через Думу с крестьянством и изолировать пролетариат — не осуществилось. Наоборот: крестьянские депутаты всё более и более сплачивались вокруг пролетарских депутатов, вокруг социал-демократов. И чем больше они отдалялись от либералов, от кадетов, тем решительнее сближались с социал-демократическими депутатами. А это значительно облегчало дело сплачивания крестьян вокруг пролетариата вне Думы. Получилось, стало быть, не изолирование пролетариата, а изолирование либеральной буржуазии и правительства от крестьян,— пролетариат закреплял за собой многомиллионное крестьянство — расстраивалось, стало быть, не дело революции, как этого хотело правительство,— а дело контрреволюции. Ввиду этого существование второй Думы делалось для правительства всё более и более опасным. И оно «распустило» Думу.

А чтобы успешнее расстроить дело сближения крестьян с пролетариатом, чтобы посеять в тёмных массах крестьян вражду к социал-демократам и сплотить их вокруг себя, правительство прибегло к двум мерам.

Во-первых, оно напало на думскую фракцию социал-демократов, возвело на её членов ложное обвинение в призыве к немедленному восстанию и вывело их, таким образом, главными виновниками разгона Думы. Дескать, мы бы не разогнали, милые крестьяне, вашу «Думушку», но социал-демократы грозили нам восстанием, и мы оказались вынужденными «распустить» её.

Во-вторых, правительство издало «новый закон», по которому наполовину сократило количество крестьянских выборщиков, настолько же увеличило количество помещичьих выборщиков, предоставило последним выбирать на общих собраниях депутатов от крестьян, сократило количество выборщиков от рабочих тоже почти наполовину (вместо 237 выборщиков — 124), оставило за собой право перераспределения избирателей «по местностям, по роду владеемых цензов и по национальностям», уничтожило всякую возможность свободы избирательной агитации и т. д. и т. д. И всё это для того, чтобы: не пустить в третью Думу революционных представителей рабочих и крестьян; заполнить её либеральными и реакционными представителями помещиков и фабрикантов; исказить представительство крестьян, создав возможность проведения, вопреки желанию самих крестьян, наиболее консервативных депутатов от крестьян и, таким образом, отнять у пролетариата возможность открытого сплачивания вокруг себя широких масс крестьянства,— стало быть, создать себе возможность открытого сближения с крестьянством.

Таков смысл разгона второй Государственной думы.

Либеральная буржуазия, повидимому, поняла всё это и, в лице своих кадетов, идёт навстречу правительству.

Ещё во второй Думе она вошла в сделку со старой властью и, заигрывая с крестьянскими депутатами, старалась изолировать пролетариат. Накануне разгона лидер кадетов, Милюков, призывал свою партию сплачивать всё и вся вокруг «правительства Столыпина», войти с ним в соглашение и объявить войну революции, собственно пролетариату. А второй лидер кадетов, Струве, уже после разгона защищал «идею выдачи» правительству социал-демократических депутатов, призывал кадетов стать открыто на путь борьбы с революцией, слиться с контрреволюционными октябристами и, изолировав беспокойный пролетариат, повести с ним борьбу. Кадетская партия молчит,— стало быть, она согласна со своими лидерами.

Очевидно, либеральная буржуазия понимает всю важность переживаемого момента.

Тем с большей отчётливостью встаёт перед пролетариатом задача свержения царской власти. Подумайте только. Была первая Дума. Была и вторая. Но ни та, ни другая не «разрешила» — да и не могла «разрешить» — ни одного из вопросов революции. По-старому остаются: крестьяне без земли, рабочие без восьмичасового рабочего дня, все граждане без политической свободы. Почему? Да потому, что царская власть ещё не умерла, она ещё продолжает существовать, разгоняя за первой Думой вторую, организует контрреволюцию и старается расстроить силы революции, оторвать от пролетариев многомиллионное крестьянство. Между тем, подземные силы революции — кризис в городах и голод в деревнях — продолжают вести свою работу, всё сильнее взбудораживая широкие массы рабочих и крестьян, всё настойчивее требуя разрешения

коренных вопросов нашей революции. Потуги царской власти только обостряют кризис. Старания либеральной буржуазии — оторвать крестьян от пролетариев — только усиливают революцию. Ясно, что без свержения царской власти и созыва Всенародного Учредительного Собрания невозможно удовлетворить широкие массы рабочих и крестьян. Не менее ясно и то, что только в союзе с крестьянством против царской власти и либеральной буржуазии можно будет разрешить коренные вопросы революции.

Свержение царской власти и созыв Всенародного Учредительного Собрания — вот куда ведёт нас разгон второй Думы.

Война с изменнической либеральной буржуазией, тесный союз с крестьянством — вот о чём говорит нам разгон второй Думы.

Задача пролетариата — сознательно стать на этот путь и достойно выполнить роль вождя революции.

Газета «Бакинский Пролетарий» № 1, 20 июня 1907 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

(Записки делегата)[32]

Лондонский съезд окончился. Вопреки ожиданиям либеральных писак, разных там Вергежских[33] и Кусковых[34],— съезд дал нам не раскол, а дальнейшее сплочение партии, дальнейшее объединение передовых рабочих всей России в одну нераздельную партию. Это был настоящий всероссийский объединительный съезд: ибо на нём впервые были представлены наиболее широко и полно наши польские, бундовские и латышские товарищи, на нём впервые они приняли активное участие в работах партийного съезда и, стало быть, впервые связали наиболее непосредственно судьбу своих организаций с судьбой всей партии. В этом смысле Лондонский съезд значительно подвинул вперёд дело сплочения и укрепления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Таков первый и важный результат Лондонского съезда.

Но этим не исчерпывается значение Лондонского съезда. Дело в том, что, вопреки желанию тех же либеральных писак, съезд окончился победой «большевизма», победой революционной социал-демократии над оппортунистическим крылом нашей партии, над «меньшевизмом». Всем известны, конечно, наши разногласия по вопросу о роли различных классов и партий в нашей революции и о нашем к ним отношении. Известно также и то, что официальный центр партии, меньшевистский по своему составу, в целом ряде выступлений становился в противоречие с партией в целом. Вспомните хотя бы: историю с лозунгом Центрального Комитета об ответственном кадетском министерстве, отвергнутым партией во время первой Думы; историю с лозунгом того же ЦК о «возобновлении сессии Думы» после разгона первой Думы, тоже отвергнутым партией; историю с известным призывом ЦК к всеобщей забастовке по поводу разгона первой Думы, тоже отвергнутым партией... Необходимо было положить конец этому ненормальному положению. А для этого в свою очередь необходимо было подвести итог фактическим победам партии над оппортунистическим ЦК, победам, наполняющим историю внутреннего развития нашей партии за весь истекший год. И вот, Лондонский съезд подвёл итог всем этим победам **революционной** социал-демократии, и, закрепив за ней победу, он принял тактику этой социал-демократии.

Стало быть, отныне партия будет проводить строго классовую политику социалистического пролетариата. Красное знамя пролетариата не будет больше склоняться перед краснобаями либерализма. Не идущие пролетариату интеллигентские шатания получили смертельный удар.

Таков второй, не менее важный результат Лондонского съезда нашей партии.

Фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем **революционной** социал-демократии — таков смысл Лондонского съезда, таков его общий характер.

Перейдём теперь к более подробной характеристике съезда.

I
СОСТАВ СЪЕЗДА

Всего на съезде присутствовало около 330 делегатов. Из них 302 были с правом решающего голоса — представители более чем 150 000 членов партии, остальные — совещательные. По фракциям распределялись приблизительно следующим образом: (только решающие) 92 большевика, 85 меньшевиков, 54 бундовца, 45 поляков и 26 латышей.

С точки зрения общественного положения членов съезда (рабочие и нерабочие) съезд представлял следующую картину: рабочих физического труда было всего 116; конторщиков и приказчиков — 24; остальные — нерабочие. При этом рабочие физического труда по фракциям распределялись следующим образом: в большевистской фракции — 38 (36 процентов); в меньшевистской — 30 (31 процент); у поляков — 27 (61 процент); у латышей — 12 (40 процентов); у бундовцев — 9 (15 процентов). А профессиональные революционеры распределялись по фракциям следующим образом: в большевистской фракции — 18 (17 процентов); в меньшевистской — 22 (22 процента); у поляков — 5 (11 процентов); у латышей — 2 (6 процентов); у бундовцев — 9 (15 процентов).

Мы все были «изумлены» этой статистикой. Как? Меньшевики так много кричали об интеллигентском составе нашей партии, они день и ночь ругали большевиков интеллигентами, они грозили прогнать всех интеллигентов из партии, они всё время третировали профессиональных революционеров — и вдруг у них во фракции оказалось гораздо меньше рабочих, чем у «интеллигентов»-большевиков! У них оказалось гораздо больше профессиональных революционеров, чем у большевиков! Но мы объясняли меньшевистские крики тем, что «у кого что болит, тот о том и кричит»...

Ещё более интересны цифры о составе съезда с точки зрения «территориального распределения» делегатов. Выяснилось, что большие группы меньшевистских делегатов посылаются главным образом крестьянскими и ремесленными районами: Гурия (9 делегатов), Тифлис (10 делегатов), малороссийская крестьянская организация «Спилка» (кажется, 12 делегатов), Бунд (громадное большинство — меньшевистское) и, как исключение,— Донецкий бассейн (7 человек). Между тем как большие группы большевистских делегатов посылаются исключительно крупно-промышленными районами: Петербург (12 делегатов), Москва (13 или 14 делегатов), Урал (21 делегат), Иваново-Вознесенск (11 делегатов), Польша (45 делегатов).

Очевидно, тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм — это тактика настоящих пролетариев.

С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу

тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм — это тактика полубуржуазных элементов пролетариата.

Так говорят цифры.

И это не трудно понять: нельзя серьёзно говорить среди лодзинских, московских или иваново-вознесенских рабочих о блоках с той самой либеральной буржуазией, члены которой ведут с ними ожесточённую борьбу, то и дело «наказывая» их частичными расчётами и массовыми локаутами — там меньшевизм не найдёт себе симпатий, там нужен большевизм, тактика непримиримой пролетарской классовой борьбы. И наоборот, крайне трудно привить идею классовой борьбы гурийским крестьянам или каким-нибудь шкловским ремесленникам, не чувствующим острых систематических ударов классовой борьбы и потому охотно идущим на всякие соглашения против «общего врага» — там пока не нужен большевизм, там нужен меньшевизм, ибо там всё проникнуто атмосферой соглашений и компромиссов.

Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский[35]), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно-

русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром.

А такой состав фракций не трудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.

Что же касается течений, наметившихся на съезде, то надо заметить, что формальное деление съезда на 5 фракций (большевики, меньшевики, поляки и т. д.) сохранило известную силу, правда, незначительную, только до обсуждения вопросов принципиального характера (вопрос о непролетарских партиях, о рабочем съезде и т. д.). С обсуждения вопросов принципиальных формальная группировка была фактически отброшена и при голосованиях съезд обыкновенно разделялся на 2 части: большевиков и меньшевиков. Так называемого центра, или болота, не было на съезде. Троцкий оказался «красивой ненужностью». Причём все поляки определённо примыкали к большевикам. Громадное большинство латышей тоже определённо поддерживало большевиков. Бунд, фактически всегда поддерживавший громадным большинством своих делегатов меньшевиков, формально вёл в высшей степени двусмысленную политику, вызывавшую улыбку с одной стороны, раздражение с другой. Тов. Роза Люксембург художественно-метко охарактеризовала эту политику Бунда, сказав, что политика Бунда не есть политика зрелой политической организации, влияющей на массы, что — это политика торгашей, вечно высматривающих и вечно выжидающих с надеждой: авось завтра сахар

подсшевсет. Из бундовцев большевиков поддерживали только 8—10 делегатов, и то не всегда.

В общем преобладание, и довольно-таки значительное преобладание, было на стороне большевиков.

Таким образом, съезд был большевистский, хотя и не резко большевистский. Из меньшевистских резолюций прошла только резолюция о партизанских выступлениях, и то совершенно случайно: большевики на этот раз не приняли боя, вернее не захотели довести его до конца, просто из желания «дать хоть раз порадоваться тов. меньшевикам»...

II

ПОРЯДОК ДНЯ. ОТЧЁТ ЦК. ОТЧЁТ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ

С точки зрения политических течений на съезде, работы съезда можно было бы разделить на 2 части.

Первая часть: прения по вопросам формальным, вроде порядка дня съезда, отчётов ЦК и отчёта Думской фракции, вопросам, имеющим глубокий политический смысл, но связанным или связываемым с «честью» той или другой фракции, с мыслью о том, «как бы не обидеть» ту или другую фракцию, «как бы не вызвать раскол», — и потому называемым вопросами формальными. Эта часть съезда прошла наиболее бурно и поглотила наибольшее количество времени. А произошло это потому, что соображения принципа отодвигались назад соображениями «морали» («как бы не обидеть»), стало быть, строго определённые группировки не создавались, нельзя было сразу догадаться «чья возьмёт», и фракции, в надежде увлечь за собой

«нейтрально-корректных», предавались бешеной борьбе за преобладание.

Вторая часть: прения по вопросам принципиальным вроде вопроса о непролетарских партиях, рабочем съезде и т. д. Тут уже отсутствовали соображения «морали», группировки происходили определённые, по строго определённым принципиальным течениям, соотношение сил между фракциями выяснялось сразу, и потому эта часть съезда была наиболее спокойной и плодотворной, — явное доказательство в пользу того, что принципиальность в прениях — наилучшая гарантия плодотворности и спокойствия работ съезда.

Перейдём к краткой характеристике первой части работ съезда.

После речи тов. Плеханова, открывшего съезд и отметившего в своей речи необходимость соглашений «от случая к случаю» с «прогрессивными элементами» буржуазного общества, съезд выбрал президиум из пяти (по одному из фракций), выбрал мандатную комиссию и перешёл к выработке порядка дня. Характерно, что меньшевики и на этом съезде, точно так же, как и на прошлогоднем, Объединительном, самым ярым образом выступили против предложения большевиков — внести в порядок дня вопросы об оценке момента и о классовых задачах пролетариата в нашей революции. Идёт ли революция на подъём или она идёт на убыль, и сообразно с этим — надо ли её «ликвидировать» или довести до конца; каковы классовые задачи пролетариата в нашей революции, проводящие резкую грань между ним и остальными классами русского общества, — вот каких вопросов боятся тов. меньшевики. От них они бегут, как тень от солнца, они не хотят вынести на свет

корни наших разногласий. Почему? Потому, что в самой фракции меньшевиков существуют глубокие разногласия по этим вопросам; потому, что меньшевизм не представляет цельное течение, меньшевизм — это сброд течений, незаметных во время фракционной борьбы с большевизмом, но сразу же прорывающихся при принципиальной постановке вопросов момента и нашей тактики. Меньшевики не хотят обнаружить эту внутреннюю слабость своей фракции. Большевики знали это и, в интересах большей принципиальности прений, настаивали на внесении в порядок дня вышеупомянутых вопросов. Меньшевики, видя, что принципиальность убивает их, начали упорствовать, дали понять «корректным товарищам», что они «обидятся», — и съезд не внёс в порядок дня вопрос о моменте и т. д. В конце концов приняли следующий порядок дня: отчёт Центрального Комитета, отчёт Думской фракции, об отношении к непролетарским партиям, о Думе, о рабочем съезде, о профессиональных союзах, о партизанских выступлениях, кризисы, локауты и безработица, Штутгартский международный конгресс [36], организационные вопросы.

По вопросу об отчёте ЦК главными докладчиками выступили тов. Мартов (от меньшевиков) и тов. Рядовой [37] (от большевиков). Доклад Мартова был собственно не доклад с серьёзным освещением явлений, а задушевный рассказ о том, как невинный ЦК принялся было руководить партией и затем Думской фракцией, и как «ужасные» большевики мешали ему действовать, приставая своей принципиальностью. Не принятые потом партией лозунги ЦК об ответственном кадетском министерстве, о «возобновлении сессии Думы» и т. д. и т. п. Мартов оправдывал тем, что момент был неопределённый и во время затишья нельзя было выдвигать другие лозунги. Неудачный призыв ЦК к всеобщей забастовке, а потом к частичным выступлениям непосредственно после разгона первой Думы Мартов оправдывал той же неопределённостью положения и невозможностью точно определить настроение масс. Очень мало говорил о роли ЦК в расколе Петербургской организации [38]. Зато слишком много говорил о конференции военных и боевых организаций, устроенной по инициативе известной группы большевиков и внесшей, по мнению Мартова, дезорганизацию и анархию в партийные организации. В конце доклада Мартов призывал съезд принять во внимание трудные условия работы по руководству партией, ввиду особенной сложности и запутанности момента, и не быть строгим по отношению к ЦК. Очевидно, сам Мартов признавал за ЦК серьёзные грехи.

Доклад тов. Рядового был совершенно другого характера. По его мнению, ЦК партии обязан: 1) защищать и проводить программу партии, 2) осуществлять тактические директивы, данные ему съездом партии, 3) охранять целость партии, 4) объединять положительную работу партии. Между тем ЦК не исполнил ни одной из этих обязанностей. Вместо того, чтобы защищать и проводить программу партии, ЦК по поводу известного аграрного обращения первой Думы [39] предлагал Думской фракции социал-демократов, в интересах единства оппозиции, в интересах привлечения кадетов, не вносить в думское обращение известного пункта нашей аграрной программы о конфискации

всей (помещичьей) земли, а ограничиться простым заявлением об отчуждении земли без оговорки: с выкупом или без выкупа.

Подумайте только: ЦК партии предлагал выкинуть важнейший пункт программы партии о конфискации земли. ЦК нарушал программу партии! ЦК, как нарушитель программы, — можете ли себе представить этот неслыханный позор?

Далее. Вместо того, чтобы проводить в жизнь хотя бы директивы Объединительного съезда; вместо того, чтобы систематически углублять борьбу партий внутри Думы в целях внесения большей сознательности в борьбу классов вне Думы; вместо того, чтобы осуществлять строго классовую независимую политику пролетариата, — ЦК выдвинул лозунги об ответственном кадетском министерстве, о «возобновлении сессии Думы», «за Думу против камарильи» и т. д. и т. д., лозунги, стушёвывающие борьбу партии в Думе, смазывающие классовые противоречия вне Думы, стирающие всякую грань между боевой политикой пролетариата и соглашательской политикой либеральной буржуазии, приспособляющие первую ко второй. И когда один из членов Центрального Органа, стало быть и Центрального Комитета, тов. Плеханов, пошёл ещё дальше по пути соглашения с кадетами и предложил партии войти в блок с либеральной буржуазией, отбросив лозунг Учредительного собрания и выставив приемлемый для либеральной буржуазии лозунг «полновластной Думы», — ЦК не только не протестовал против позорящей партию выходки тов. Плеханова, но даже соглашался с ней, не осмелившись, впрочем, официально высказать своё согласие.

Вот как нарушал ЦК партии элементарные требования независимой классовой политики пролетариата и постановлений Объединительного съезда!

ЦК, затемняющий классовое самосознание пролетариата; ЦК, подчиняющий политику пролетариата политике либеральной буржуазии; ЦК, склоняющий знамя пролетариата перед шарлатанами кадетского либерализма — вот до чего довели нас оппортунисты меньшевизма!

Мы уже не говорим о том, как ЦК не только не охранял единство и дисциплину партии, а систематически нарушал их, взяв на себя инициативу раскола в Петербургской организации.

Не хотим распространяться также о том, что ЦК не объединял работу партии — это ясно само собой.

Чем всё это объясняется, все эти ошибки ЦК? Конечно, не «ужасными» лицами, заседавшими в ЦК, а тем, что меньшевизм, наполнявший тогда ЦК, не способен руководить партией, он окончательно обанкротился, как политическое течение. С этой точки зрения вся история ЦК является историей провала меньшевизма. И когда нас упрекают тов. меньшевики, говоря, что мы «мешали» ЦК, мы «приставали» к нему и т. д. и т. д., мы не можем не ответить этим морализирующим товарищам: да, товарищи, мы «мешали» ЦК нарушать нашу программу, мы «мешали» ему приспособлять тактику пролетариата ко вкусам либеральной буржуазии и будем мешать впредь, ибо в этом наша священная обязанность...

Так приблизительно говорил товарищ Рядовой.

Из прений выяснилось, что бо́льшая часть товарищей, даже некоторые бундовцы, поддерживают точку

зрения тов. Рядового. И если всё-таки не прошла резолюция большевиков, отмечавшая ошибки ЦК, то потому, что сильно действовали на товарищей соображения: «как бы не вызвать раскола». Не прошла, конечно, и меньшевистская резолюция о доверии ЦК. Прошёл простой переход к очередным делам без оценки деятельности ЦК...

Прения по вопросу об отчёте Думской фракции представляли в общем повторение прений по предыдущему вопросу. Оно и понятно: Думская фракция действовала под прямым руководством ЦК, и, естественно, критика или защита ЦК являлась в то же время критикой или защитой Думской фракции.

Интересно было замечание второго докладчика, тов. Алексинского (первым докладчиком был тов. Церетели), о том, что лозунг Думской фракции, в большинстве своём меньшевистской, об единстве оппозиции в Думе, о нераскалывании оппозиции и необходимости итти вместе с кадетами — этот меньшевистский лозунг, по выражению тов. Алексинского, потерпел в Думе полный крах, ибо по самым важным вопросам, вроде вопросов о бюджете, армии и т. д., кадеты шли вместе со Столыпиным, и социал-демократам-меньшевикам приходилось бороться рука об руку с депутатами от крестьян против правительства и кадетов. Меньшевикам приходилось на деле констатировать крах своей позиции и проводить в Думе лозунг большевиков о необходимости вести за собой депутатов от крестьян в борьбе против правых и кадетов.

Не менее интересно замечание польских товарищей о недопустимости со стороны Думской фракции итти

на общие собрания с народовцами[40], этими черносотенцами Польши, не раз организовавшими и продолжающими организовывать теперь резню социалистов Польши. На это два лидера кавказских меньшевиков[41] один за другим ответили, что для Думской фракции важно не то, что делают партии у себя дома, — а то, как они ведут себя в Думе, а народовцы ведут себя в Думе более или менее либерально. Выходило, что партии надо характеризовать не по тому, что они *делают* вне Думы, а по тому, что они *говорят* в Думе. Дальше этого оппортунизму некуда итти...

Большинство ораторов соглашалось с точкой зрения тов. Алексинского, но резолюции всё-таки не было принято никакой и по этому вопросу, опять по тем же соображениям: «не обидеть». Отложив вопрос о резолюции, съезд прямо перешёл к следующему вопросу.

III
О НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЯХ

От вопросов формальных мы переходим к вопросам принципиальным, к вопросам наших разногласий.

Вопросы наших тактических разногласий — это вопросы о вероятных судьбах нашей революции и о роли различных классов и партий русского общества в этой революции. Что наша революция буржуазна, что она должна окончиться разгромом крепостных, а не капиталистических порядков, что она может увенчаться лишь демократической республикой, — в этом, кажется, все согласны в нашей партии. Далее, что наша революция в общем и целом идёт к подъёму, а не к убыли, и что нашей задачей является не «ликвидация»

революции, а доведение её до конца, — в этом тоже, по крайней мере формально, все согласны, ибо меньшевики, как фракция, нигде ещё не заявляли о противном. Но каким образом довести до конца нашу революцию? Какова роль пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии в этой революции? При каком сочетании борющихся сил можно было бы довести до конца текущую революцию? С кем итти, кого бить, и т. д. и т. д. Вот где начинаются у нас разногласия.

Мнение меньшевиков. Так как наша революция буржуазна, то единственно буржуазия и может быть вождём революции. Буржуазия была вождём великой революции во Франции, она была вождём революций других государств Европы — она же должна быть вождём и нашей русской революции. Пролетариат — главный борец революции, но он должен итти за буржуазией и толкать её вперёд. Крестьянство тоже революционная сила, но у него слишком много реакционного и потому пролетариату с ним гораздо реже придётся выступать совместно, чем с либерально-демократической буржуазией. Буржуазия является более надёжным союзником пролетариата, чем крестьянство. Вокруг либерально-демократической буржуазии, как вокруг вождя, должны сплачиваться все борющиеся силы. Поэтому наше отношение к буржуазным партиям должно определяться не революционным положением: вместе с крестьянством против правительства и либеральной буржуазии, во главе с пролетариатом, — а оппортунистическим положением: вместе со всей оппозицией против правительства, во главе с либеральной буржуазией. Отсюда тактика соглашений с либералами.

Таково мнение меньшевиков.

Мнение большевиков. Наша революция в самом деле буржуазна, но это ещё не значит, что вождём её явится наша либеральная буржуазия. В 18-м столетии французская буржуазия была вождём французской революции, но почему? Потому, что французский пролетариат был слаб, он не выступал самостоятельно, он не выставлял своих классовых требований, у него не было ни классового сознания, ни организации, он шёл тогда в хвосте у буржуазии, и буржуазия пользовалась им, как оружием для своих буржуазных целей. Как видите, буржуазия не нуждалась тогда в союзнике в лице царской власти против пролетариата — пролетариат сам был её союзником-слугой — и потому она могла быть тогда революционной, итти даже во главе революции. Совершенно другое замечается у нас, в России. Русский пролетариат далеко нельзя назвать слабым: он уже несколько лет выступает вполне самостоятельно, выставляя свои классовые требования; он достаточно вооружён классовым самосознанием, чтобы понимать свои интересы; он сплочён в свою партию; у него сильнейшая в России партия со своей программой и тактически-организационными принципами; во главе с этой партией он уже одержал ряд блестящих побед над буржуазией... Может ли при этих условиях наш пролетариат довольствоваться ролью хвоста либеральной буржуазии, ролью жалкого оружия в руках этой буржуазии? Может ли, должен ли он итти за этой буржуазией, сделав её своим вождём? Может ли он не быть вождём революции? А посмотрите, что происходит в лагере нашей либеральной буржуазии: наша буржуазия, запуганная революционностью пролетариата, вместо того, чтобы итти во главе революции, бросается в объятия

контрреволюции, вступает с ней в союз против пролетариата. А её партия, партия кадетов, открыто, пред лицом всего мира вступает в соглашение со Столыпиным, голосует за бюджет и армию в пользу царизма против народной революции. Не ясно ли, что русская либеральная буржуазия представляет из себя силу антиреволюционную, с которой надо вести самую беспощадную войну? И не прав ли был тов. Каутский, говоря, что там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестаёт быть революционной?..

Итак: русская либеральная буржуазия антиреволюционна; она не может быть ни двигателем, ни, тем более, вождём революции; она является заклятым врагом революции, и с ней надо вести упорную борьбу.

Единственным вождём нашей революции, заинтересованным и могущим повести за собой революционные силы России на штурм царского самодержавия, — является пролетариат. Только пролетариат сплотит вокруг себя революционные элементы страны, только он доведёт до конца нашу революцию. Задачей социал-демократии является — сделать всё возможное для подготовки пролетариата к роли вождя революции.

В этом гвоздь большевистской точки зрения.

На вопрос: кто же может явиться надёжным союзником пролетариата в деле доведения до конца нашей революции — большевики отвечают: единственным сколько-нибудь надёжным и сильным союзником пролетариата является революционное крестьянство. Не изменническая либеральная буржуазия, а революционное крестьянство будет биться вместе с пролетариатом против всех устоев крепостных порядков.

Сообразно с этим наше отношение к буржуазным партиям должно определяться положением: вместе с революционным крестьянством против царизма и либеральной буржуазии, во главе с пролетариатом. Отсюда — необходимость борьбы с гегемонией (предводительство) кадетской буржуазии и, стало быть, недопустимость соглашений с кадетами.

Таково мнение большевиков.

В рамках этих двух позиций вращались речи докладчиков, Ленина и Мартынова, и всех остальных ораторов.

Тов. Мартынов окончательно «углубил» точку зрения меньшевиков, категорически отрицая допустимость гегемонии пролетариата и также категорически защищая идею блока с кадетами.

Остальные ораторы, их громадное большинство, высказывались в духе большевистской позиции.

Особенно интересны речи тов. Розы Люксембург, передавшей съезду привет от имени германских социал-демократов и развившей взгляд наших германских товарищей на наши разногласия. (Мы тут связываем обе речи Р. Л., произнесённые в разное время.) Вполне соглашаясь с большевиками по вопросам: о роли пролетариата, как вождя революции, о роли либеральной буржуазии, как антиреволюционной силы и т. д. и т. д.— Р. Люксембург критиковала лидеров меньшевизма, Плеханова и Аксельрода, называя их оппортунистами и сравнивая их позицию с позицией жоресистов во Франции. Я знаю, говорила Люксембург, что и у большевиков есть некоторые промахи, странности, излишняя твердокаменность, но я их вполне понимаю и оправдываю: нельзя не быть твердокаменным при виде расплывчатой, студенистой массы

меньшевистского оппортунизма. Та же излишняя твердокаменность замечалась у гедистов[42] во Франции, лидер которых, тов. Гед, объявлял в известной избирательной афише: «не сметь ни одному буржуа голосовать за меня, ибо я буду отстаивать в парламенте только интересы пролетариев против всех буржуа». И несмотря на это, несмотря на эти резкости, мы, германские социал-демократы, всегда стояли на стороне гедистов в их борьбе против изменников марксизма, против жоресистов. То же самое надо сказать насчёт большевиков, которых мы, германские социал-демократы, будем поддерживать в их борьбе с оппортунистами меньшевиками...

Так приблизительно говорила тов. Р. Люксембург.

Ещё более интересно знаменитое письмо, присланное съезду Центральным Комитетом Германской Социал-Демократической Партии и прочитанное Розой Люксембург. Интересно оно тем, что, советуя партии **бороться** с либерализмом и признавая особенную роль русского пролетариата, как вождя русской революции, — оно тем самым признаёт все основные положения большевизма.

Таким образом, становилось ясным, что наиболее испытанная и наиболее революционная в Европе германская социал-демократия открыто и ясно поддерживает большевиков, как настоящих марксистов, в их борьбе **против** изменников марксизма, **против** меньшевиков.

Любопытны также некоторые места в речи тов. Тышко, представителя польской делегации в президиуме. Обе фракции уверяют нас, говорил тов. Тышко, что они твёрдо стоят на точке зрения марксизма.

И не всякому легко понять: кто же, наконец, стоит на этой точке зрения, большевики или меньшевики... «Это мы стоим на точке зрения марксизма», — прерывают «слева» несколько меньшевиков. «Нет, товарищи», — ответил им Тышко, — «вы не стоите, а **лежите** на ней: ибо вся ваша беспомощность в деле руководства классовой борьбой пролетариата, тот факт, что вы умеете заучивать великие слова великого Маркса, но не умеете их применять, — всё это говорит о том, что вы не стоите, а лежите на точке зрения марксизма».

Это было художественно метко.

В самом деле, возьмите хоть следующий факт. Меньшевики часто говорят, что задачей социал-демократии всегда и везде является превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу. Верно ли это? Безусловно верно! Это — великие слова Маркса, которые всегда должен помнить всякий марксист. Но как их применяют тов. меньшевики? Содействуют ли они фактическому выделению пролетариата из массы окружающих его буржуазных элементов в самостоятельный независимый класс? Сплачивают ли они революционные элементы вокруг пролетариата и готовят ли они пролетариат к роли вождя революции? Факты показывают, что ничего подобного меньшевики не делают. Наоборот: меньшевики советуют пролетариату почаще устраивать соглашения с либеральной буржуазией, — и, тем самым, содействуют не выделению пролетариата в самостоятельный класс, а смешению его с буржуазией; меньшевики советуют пролетариату отказаться от роли вождя революции, уступить эту роль буржуазии, итти за буржуазией, — и, тем самым, содействуют не превращению пролетариата в самостоятельную политическую

силу, — а превращению его в хвостик буржуазии... То есть, меньшевики делают как раз обратное тому, что они должны были бы делать, исходя из правильного марксистского положения.

Да, прав был т. Тышко, когда сказал, что меньшевики не стоят, а лежат на точке зрения марксизма...

По окончании прений были предложены два проекта резолюции: меньшевистский и большевистский. Из них громадным большинством голосов был принят за основу проект большевиков.

Далее пошли поправки к проекту. Было внесено около 80 поправок. Вносились они главным образом к двум пунктам проекта: к пункту о пролетариате, как вожде революции, и к другому пункту — о кадетах, как антиреволюционной силе. Это была самая интересная часть прений, ибо тут особенно резко выяснились физиономии фракций. Первая важная поправка была внесена тов. Мартовым. Он требовал заменить слова: «пролетариат, как **вождь** революции» словами: «пролетариат, как **авангард**». Мотивировал он тем, что слово «авангард» точнее выражает мысль. Ему возражал тов. Алексинский. Он говорил, что дело не в точности, а в двух противоположных точках зрения, *сказывающихся в этом пункте:* ибо «авангард» и «вождь» — два совершенно различных понятия. Быть авангардом (передовым отрядом) — это значит биться в передовых рядах, занимать наиболее обстреливаемые пункты, проливать кровь, но в то же время **быть руководимым другими**, в данном случае, буржуазными демократами: авангард никогда не руководит общей борьбой, но авангардом всегда руководят. Наоборот: быть вождём — это значит не только биться в передовых

рядах, **но и руководить общей борьбой, направлять** её к своей цели. Мы, большевики, не хотим, чтобы пролетариатом руководили буржуазные демократы, — мы хотим, чтобы пролетариат сам руководил всей борьбой народа и направлял её к демократической республике.

В результате поправка Мартова была провалена.

Все другие поправки такого же характера были также провалены.

Другая группа поправок направлена была против пункта о кадетах. Меньшевики предлагали признать, что кадеты ещё не стали на путь контрреволюции. Но съезд не принял этого предложения, и все поправки этого характера были отвергнуты. Далее предлагали меньшевики допустить в известных случаях хотя бы технические соглашения с кадетами. Съезд не принял и этого предложения, провалив соответствующие поправки.

Наконец проголосовали резолюцию в целом и оказалось, что 159 голосов — за большевистскую резолюцию, 104 — против, а остальные воздержались.

Огромным большинством голосов съезд принял резолюцию большевиков.

Отныне точка зрения большевиков стала точкой зрения партии.

Кроме того, это голосование дало два важных результата:

Во-первых, оно положило конец формальному, искусственному делению съезда на 5 фракций (большевики, меньшевики, поляки, латыши, бундовцы) и открыло новое, принципиальное деление: на большевиков (включая сюда всех поляков и большинство латышей) и меньшевиков (включая почти всех бундовцев).

Во-вторых, голосование это дало наиболее точную статистику распределения рабочих делегатов по фракциям: выяснилось, что в большевистской фракции не 38, а 77 рабочих (38 плюс 27 поляков, плюс 12 латышей), а в меньшевистской фракции не 30 рабочих, а 39 (30 плюс 9 бундовцев). Меньшевистская фракция оказалась фракцией интеллигентской.

IV

О РАБОЧЕМ СЪЕЗДЕ

Прежде чем перейти к характеристике прений по вопросу о рабочем съезде, необходимо познакомиться с историей вопроса *. Дело в том, что вопрос этот является крайне запутанным и невыясненным. В то время как по другим пунктам наших разногласий в партии уже имеются два резко определённых течения: большевистское и меньшевистское, — по вопросу о рабочем съезде мы имеем не два, а целую кучу течений, крайне невыясненных и противоречивых. Правда, большевики выступают сплочённо и определённо: они вообще против рабочего съезда. Зато среди меньшевиков — полнейший хаос и путаница: они разделились на множество групп, и каждая из них поёт по-своему, не слушая других. В то время как петербургские меньшевики, во главе с Аксельродом, предлагают рабочий съезд для **создания партии**, — московские меньшевики, во главе

* Это тем более необходимо, что тов. меньшевики, переселившись в редакции буржуазных газет, распространяют небылицы о прошлом и настоящем этого вопроса (см. статью о «Рабочем съезде» в «Товарище», принадлежащую перу видного меньшевика и перепечатанную в «Бакинском Дне» [43]).

с Эль, предлагают его не в интересах создания партии, **а с целью создать беспартийный «общерусский рабочий союз»**. Южные меньшевики идут ещё дальше и во главе с Лариным [44] призывают созвать рабочий съезд в целях создания не партии и не «рабочего союза», — **а более широкого «трудового союза»**, который мог бы охватить, кроме всех пролетарских элементов, и эсеровские, полубуржуазные, «трудовые» элементы. Я уж не говорю о других, менее влиятельных группах и лицах, вроде одесской и закаспийской групп и вроде юродивых «авторов» смешной брошюры — так называемых «Бродяги» и «Шуры» [45].

Такова путаница, царящая в рядах меньшевиков.

Но как созвать рабочий съезд, как его организовать, к чему приурочить его созыв, кого пригласить на съезд, кому взять на себя инициативу созыва съезда?

По всем этим вопросам среди меньшевиков идёт такая же путаница, как и по вопросу о цели съезда.

В то время как одни из них предлагают связать выборы на рабочий съезд с выборами в Думу и, таким образом, «захватным путём» сорганизовать рабочий съезд, — другие предлагают положиться на «попустительство» со стороны правительства, в крайнем случае испросить у него «разрешение», а третьи советуют отправить делегатов за границу, будь их хоть 3—4 тысячи, и там нелегально провести рабочий съезд.

В то время как одни из меньшевиков предлагают дать представительство на съезд только оформленным рабочим организациям, другие советуют привлечь на съезд представителей всего вообще организованного и неорганизованного пролетариата, насчитывающего в своих рядах не менее 10 миллионов человек.

В то время как одни из меньшевиков предлагают созвать рабочий съезд по инициативе с.-д. партии с участием интеллигентов, другие советуют отбросить в сторону и партию и интеллигентов, и созвать съезд лишь по инициативе самих рабочих без всякого участия интеллигентов.

В то время как одни из меньшевиков настаивают на немедленном созыве рабочего съезда, другие предлагают отложить его на неопределённое время, ограничиваясь пока агитацией за идею рабочего съезда.

Ну, а как быть с существующей Социал-Демократической Рабочей Партией, вот уже несколько лет руководящей борьбой пролетариата, сплотившей в своих рядах 150 000 членов, имевшей уже 5 съездов и т. д. и т. п.? «Похерить её к чорту», или как-нибудь иначе?

На это все меньшевики, от Аксельрода до Ларина, единогласно отвечают, что **у нас нет пролетарской партии**. «В том-то и дело, что у нас нет партии», — говорили нам на съезде меньшевики, — **«у нас есть только организация мелкобуржуазной интеллигенции»**, которую надо заменить партией при помощи рабочего съезда. Так заявил на партийном съезде докладчик от меньшевиков, тов. Аксельрод.

Но позвольте, как же так? Значит, все эти съезды нашей партии, от первого (1898 г.) до последнего (1907 г.), в организации которых тов. меньшевики принимали энергичнейшее участие; вся эта колоссальная трата пролетарских денег и сил, трата, необходимая для организации съездов, трата, в которой меньшевики так же повинны, как и большевики, — всё это, значит, один только обман и фарисейство?!

Значит, все эти боевые призывы партии к пролетариату, призывы, подписанные и меньшевиками; все эти забастовки и восстания за 1905—1906—1907 гг., разыгравшиеся во главе с партией, часто по инициативе партии; все эти победы пролетариата во главе с нашей партией; все эти тысячные жертвы пролетариата, павшие на улицах Петербурга, Москвы и т. д., замуравленные в Сибири, загубленные в тюрьмах **во имя** партии, **под знаменем** партии, — всё это только комедия и обман?

И значит, у нас нет партии? У нас есть только «организация мелкобуржуазной интеллигенции»?

Это была, конечно, прямая неправда, возмутительная, наглая неправда.

Этим, должно быть, и объясняется то безграничное возмущение, которое вызвало вышеупомянутое заявление Аксельрода среди петербургских и московских делегатов-рабочих. Вскочив со своих мест, они энергично отвечали докладчику Аксельроду: «Это ты, сидящий за границей, — буржуй, а не мы; мы — рабочие, и у нас есть своя социал-демократическая партия, которую мы не позволим унизить»...

Но, положим, что рабочий съезд состоится, представим себе, что он уже состоялся. Существующую с.-д. партию, стало быть, сдали в архив, созвали так или иначе рабочий съезд и хотим организовать на нём не то «рабочий», не то «трудовой» союз. Что же будет дальше? Какую программу примет этот съезд? Какова будет физиономия рабочего съезда?

Одни из меньшевиков отвечают, что рабочий съезд мог бы принять программу социал-демократии с некоторыми, конечно, урезками, но тут же они добавляют,

что он мог бы и не принять программы социал-демократов, что, по их мнению, не представляет для пролетариата особенной беды. Другие отвечают более решительно: так как наш пролетариат сильно проникнут мелкобуржуазными стремлениями, то, по всей вероятности, рабочий съезд примет не социал-демократическую, а **мелкобуржуазную демократическую программу.** На рабочем съезде пролетариат потеряет социал-демократическую программу, но зато он приобретёт рабочую организацию, связывающую всех рабочих в один союз. Так говорит, например, глава московских меньшевиков Н. Череванин (см. «Проблемы тактики»)[46].

Итак: «союз рабочих без социал-демократической программы» — таков вероятный результат рабочего съезда.

Так, по крайней мере, думают сами меньшевики.

Очевидно, несогласные друг с другом меньшевики в некоторых вопросах о целях и способах созыва рабочего съезда, они согласны в том, что «у нас нет партии, а есть только организация мелкобуржуазной интеллигенции, **которую надо сдать в архив»...**

В этих именно рамках и вращался доклад Аксельрода.

Из доклада Аксельрода выяснилось, что агитация за рабочий съезд практически неизбежно сведётся к агитации **против** партии, к войне с ней.

А практическая работа по созыву рабочего съезда также неизбежно сведётся к практической работе по дезорганизации и разложению нашей нынешней партии.

Между тем, меньшевики — устами своего докладчика, а также в своём проекте резолюции — просили съезд **запретить агитацию** против попыток, направленных к организации рабочего съезда, т. е. попыток, ведущих к дезорганизации партии.

И интересно: в речах меньшевистских ораторов (за исключением Плеханова, который собственно о рабочем съезде ничего не сказал) красной нитью проходили лозунги: долой партию, долой социал-демократию — да здравствует беспартийность, да здравствует несоциал-демократический «рабочий союз». Эти лозунги открыто не выставлялись ораторами, но они сквозили в их речах.

Недаром все буржуазные писатели, от синдикалистов и эсеров до кадетов и октябристов, — недаром все они так горячо высказываются за рабочий съезд: ведь все они враги нашей партии, а практическая работа по созыву рабочего съезда могла бы значительно ослабить и дезорганизовать партию. Как же им не приветствовать «идею рабочего съезда»?

Совершенно другое говорили ораторы большевики.

Докладчик от большевиков, тов. Линдов[47], охарактеризовав вкратце главнейшие течения среди самих меньшевиков, перешёл к выяснению условий, породивших идею рабочего съезда. Агитация за рабочий съезд началась в 1905 году, до октябрьских дней, в момент репрессий. В октябрьско-ноябрьские дни она прекратилась. В следующие месяцы новых репрессий рабоче-съездовская агитация опять оживилась. Во время первой Думы, в дни относительной свободы, агитация притихла. Потом, после разгона Думы, опять усилилась и т. д. Вывод ясен: в дни относительной свободы, когда партия имеет возможность свободно расширяться, агитация за рабочий съезд в целях создания «широкой беспартийной партии» естественно

теряет почву; и наоборот, в дни репрессий, когда прилив новых членов в партию сменяется отливом, агитация за рабочий съезд, как за искусственную меру для расширения или для замены узкой партии «широкой беспартийной», находит себе известную почву. Но само собой понятно, что никакие искусственные меры не помогут делу: ибо для действительного расширения партии нужна политическая свобода, а не рабочий съезд, который сам нуждается в такой свободе.

Далее. Идея рабочего съезда, взятая в её конкретном виде, фальшива в корне: ибо она опирается не на факты, а на неверное положение о том, что «у нас нет партии». Дело в том, что у нас есть пролетарская партия, она громко говорит о своём существовании, она слишком серьёзно даёт о себе чувствовать врагам пролетариата — об этом очень хорошо знают сами меньшевики — и именно потому, что у нас есть уже такая партия, именно поэтому идея рабочего съезда является в корне фальшивой. Конечно, если бы у нас не было партии, насчитывающей свыше 150 тысяч передовых пролетариев и ведущей за собой сотни тысяч борцов; если бы мы представляли из себя маленькую кучку маловлиятельных людей вроде германских социал-демократов 60-х годов или французских социалистов 70-х годов прошлого века, — мы бы сами тогда постарались созвать рабочий съезд с целью выжать из него социал-демократическую партию. Но в том-то и дело, что мы уже имеем партию, настоящую пролетарскую партию, пользующуюся среди масс огромным влиянием, и для того, чтобы созвать рабочий съезд, для того, чтобы создать фантастическую «беспартийную партию», нам неизбежно придётся прежде всего «покончить» с существующей партией, прежде всего разрушить её.

Вот почему работа по созыву рабочего съезда неизбежно сведётся на практике к работе по дезорганизации партии. А удастся ли взамен когда-либо создать «широкую беспартийную партию», да и нужно ли её создать — это ещё вопрос.

Вот почему враги нашей партии, разные кадеты и октябристы, так усердно хвалят меньшевиков за агитацию в пользу рабочего съезда.

Вот почему думают большевики, что работа по созыву рабочего съезда опасна, вредна: ибо она дискредитирует партию в глазах масс и подчиняет их влиянию буржуазной демократии.

Так приблизительно говорил тов. Линдов.

За рабочий съезд против с.-д. партии, или за партию против рабочего съезда?

Так стоял вопрос на съезде.

Рабочие делегаты большевики сразу поняли вопрос и энергично выступали «в защиту партии»: «Мы патриоты партии», — говорили они, — «мы любим свою партию и мы не дадим дискредитировать её усталым интеллигентам».

Интересно, что представительница германской социал-демократии, тов. Роза Люксембург, целиком соглашалась с большевиками. «Мы, — говорила она, — германские социал-демократы, не можем понять смешную растерянность тов. меньшевиков, ощупью ищущих массу, в то время как масса сама ищет партию и неудержимо льнёт к ней»...

Из прений выяснилось, что громадное большинство ораторов поддерживает большевиков.

5*

По окончании прений были поставлены на голоса два проекта резолюции: большевиков и меньшевиков. Из них за основу был принят проект большевиков. Поправки принципиального характера почти все были отвергнуты. Приняли только одну более или менее серьёзную поправку против ограничения свободы обсуждения вопроса о рабочем съезде. Резолюция в целом говорила о том, что «идея рабочего съезда ведёт к дезорганизации партии», «к подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии», и как таковая вредна для пролетариата. Причём резолюция строго различала рабочий съезд от советов рабочих депутатов и их съездов, которые не только не дезорганизуют партию, не только не конкурируют с ней, а, наоборот, укрепляют партию, идя за ней и помогая ей в решении практических вопросов в моменты революционного подъёма.

Наконец резолюция в целом была принята большинством 165 против 94. Остальные воздержались.

Таким образом, съезд отверг идею рабочего съезда, как вредную, антипартийную.

Голосование по этому вопросу открыло нам следующее важное явление. Оказалось, что из 114 рабочих делегатов, участвовавших в голосовании, за рабочий съезд голосовали только 25. Остальные голосовали против. В процентном отношении 22% рабочих делегатов голосовало за рабочий съезд, 78% — против. И что особенно важно: из 94 делегатов, голосовавших за рабочий съезд, рабочих оказалось только 26%, интеллигентов — 74%.

А ведь меньшевики всё время кричали, что идея рабочего съезда есть рабочая идея, что только «интеллигенты» большевики противодействуют созыву съезда и пр. Если судить по этому голосованию, то следовало бы скорее признать, что идея рабочего съезда есть, наоборот, идея интеллигентских фантазёров...

Ведь даже меньшевики рабочие, повидимому, не голосовали за рабочий съезд: из 39 рабочих делегатов (30 меньшевиков + 9 бундовцев) голосовало за рабочий съезд только 24 человека.

Баку. 1907 год.

Впервые напечатано в газете «Бакинский Пролетарий» №№ 1 и 2; 20 июня и 10 июля 1907 г.
Подпись: Коба Иванович

НАКАЗ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДЕПУТАТАМ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ,

принятый на собрании уполномоченных от рабочей курии в г. Баку 22 сентября 1907 года [48]

Социал-демократические депутаты в Государственной думе должны составить особую фракцию, которая, как одна из партийных организаций, должна быть теснейшим образом связана с партией и должна подчиняться её руководству и директивам ЦК партии.

Основной задачей социал-демократической фракции в Государственной думе является содействие классовому воспитанию и классовой борьбе пролетариата как для освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации, так и для выполнения им роли политического вождя, которую он призван сыграть в нынешней буржуазно-демократической революции в России.

В этих целях фракция при всех случаях должна выдвигать свою классово-пролетарскую политику, отличающую социал-демократию от всех других организаций и революционных партий, начиная с кадетов и кончая эсерами. Этой задачей она ни в каком случае не может жертвовать для целей сохранения общности оппозиционных действий с какими бы то ни было политическими партиями и группами в Думе.

Наши депутаты должны неуклонно разоблачать в Думе всю контрреволюционную сущность как помещичье-черносотенных партий, так и предательской либерально-монархической буржуазной партии кадетов. С другой стороны, они должны стремиться оторвать от либералов и толкать на путь последовательной демократически-революционной политики крестьянские мелкобуржуазные партии (эсеров, энесов и трудовиков), ведя их за собой в своей борьбе как против чёрной сотни, так и против кадетской буржуазии. Вместе с тем социал-демократическая фракция должна вести борьбу против реакционных псевдосоциалистических утопий, которыми облекают свои, в сущности мелкобуржуазные, требования эсеры, энесы и другие, при помощи которых они затемняют чисто классовое пролетарски-социалистическое сознание рабочего класса. Наша фракция должна выяснять с думской трибуны всему народу всю истину относительно переживаемой революции. Она должна сказать народу во всеуслышание, что в России нет возможности мирным путём добиться освобождения народа, что единственный путь к свободе — это путь всенародной борьбы против царской власти.

Лозунгом социал-демократии, во имя которого она должна призывать массы к новой открытой борьбе, является Учредительное собрание, свободно избранное всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, которое, покончив окончательно с царским самодержавием, утвердит в России демократическую республику. Никакие другие лозунги, вроде ответственного министерства и пр., выдвигаемые либеральной буржуазией в противовес

пролетарским лозунгам, не могут быть приняты и поддержаны социал-демократической фракцией.

Участвуя в повседневной законодательной и прочей деятельности в Государственной думе, социал-демократическая фракция должна преследовать свои постоянные критические и агитационные задачи, а не цели непосредственного законодательства, выясняя народу всю непрочность и безрезультатность последнего, пока реальная власть находится всецело в руках самодержавного правительства.

Работая таким образом в III Государственной думе, социал-демократическая фракция будет содействовать той революционной борьбе, которую пролетариат и вместе с ним крестьянство ведут в настоящее время вне Думы против царского самодержавия.

Издано отдельным листком в сентябре 1907 года

Печатается по тексту листка

НАДО БОЙКОТИРОВАТЬ СОВЕЩАНИЕ![49]

Вопрос об участии и бойкоте совещания с нефтепромышленниками является для нас вопросом не принципа, а практической целесообразности. Мы не можем раз навсегда бойкотировать все и всякие совещания, как это предлагают делать некоторые озлобленные и не совсем нормальные «индивиды». И наоборот, мы не можем раз навсегда решить вопрос в пользу участия в совещании, как это умудряются делать наши кадетообразные товарищи. К вопросу об участии и бойкоте мы должны подходить с точки зрения живых фактов и только фактов. Причём может оказаться, что при известных фактах, при известных условиях наша задача сплочения масс приведёт к необходимости участия, — и мы должны тогда безусловно принять участие. И наоборот, при других условиях та же самая задача может привести к необходимости бойкота, — и мы должны тогда безусловно бойкотировать совещание.

Затем, во избежание путаницы мы должны заранее установить понятия, которыми мы оперируем. Что значит «участвовать» в совещании? Что значит «бойкотировать» совещание? Если мы, формулируя на собраниях

общие требования, выбирая уполномоченных и т. д. и т. п., не ставим своей целью сорвать совещание, а — наоборот — идём на совещание с тем, чтобы, подчиняясь регламенту совещания, опираясь на него, вести переговоры с нефтепромышленниками и придти в конце концов к тому или иному договору, — то такое наше поведение мы должны назвать участием в совещании. Но если мы, вырабатывая требования, выбирая уполномоченных для лучшей формулировки этих требований, популяризируя и публикуя уже выработанные требования, ставим своей целью не участие в работах совещания с нефтепромышленниками, а срыв самого совещания, срыв всякого договора с нефтепромышленниками **до борьбы** (договор **после борьбы**, особенно после успешной борьбы мы считаем необходимым), — то наше такое поведение мы должны назвать бойкотом совещания, бойкотом, конечно, активным, ибо он оканчивается срывом совещания.

При этом ни в коем случае не следует смешивать тактику по отношению к Думе с тактикой по отношению к совещанию. Участие или бойкот совещания имеет целью подготовку условий для улучшения данных порядков **на промыслах**, участие же или бойкот Думы — **улучшение** общих условий **в стране**. Судьба совещания целиком определяется **исключительно** пролетариатом данной местности, ибо без участия пролетариата совещание отпадает само собой, судьба же участия или бойкота Думы определяется не одним пролетариатом, но и крестьянством. Наконец, активный бойкот совещания (срыв) с удобством осуществляется без активных выступлений, чего нельзя сказать по отношению к результатам бойкота Думы.

Сделав общие замечания, перейдём к конкретному вопросу о бойкото предстоящего совещания.

Историю экономической борьбы бакинских рабочих можно разделить на 2 периода.

Первый период — это период борьбы до последнего времени, когда главными действующими лицами выступали мастеровые, когда промысловые[50] просто и доверчиво шли за мастеровыми, как за своими вождями, когда промысловые не сознавали ещё своей огромной роли в производстве. Тактика нефтепромышленников в этот период может быть квалифицирована, как тактика заигрывания с мастеровыми, тактика систематических уступок мастеровым и систематического же игнорирования промысловых рабочих.

Второй период открывается пробуждением промысловых, их самостоятельным выступлением на сцену и одновременным оттеснением на задний план мастеровых. Причём это выступление носит самый карикатурный характер, ибо оно 1) не уходит дальше позорных наградных и 2) окрашено самым пагубным недоверием по отношению к мастеровым. Нефтепромышленники стараются использовать изменившееся положение и меняют свою тактику. Они уже не заигрывают больше с мастеровыми, они уже не стараются задабривать мастеровых — ибо хорошо знают, что теперь промысловые не всегда пойдут за ними — наоборот, нефтепромышленники сами стараются провоцировать мастеровых на забастовку **без промысловых**, чтобы тем самым демонстрировать относительное бессилие мастеровых и сделать их послушными. Параллельно с этим нефтепромышленники, не обращавшие прежде никакого внимания на промысловых, теперь самым наглым образом

заигрывают с промысловыми, угощая их наградными. Этим самым они стараются окончательно оторвать промысловых рабочих от мастеровых, развратить их вконец, заразить холопским доверием по отношению к нефтепромышленникам, заменить принцип непримиримой борьбы «принципом» торгашества и лакейского попрошайничества и таким образом сделать невозможным всякое серьёзное улучшение.

В этих же целях «выдумали» предстоящее совещание.

Отсюда очевидно, что ближайшей задачей передовых товарищей является отчаянная борьба за промысловых рабочих, борьба за сплочение промысловых рабочих вокруг товарищей мастеровых **путём внедрения в их сознание безграничного недоверия по отношению к нефтепромышленникам, путём вытравления из их голов вредных предрассудков торгашества и попрошайничества.** Промысловой массе, первый раз выступающей на сцену, выступающей притом так неуклюже и карикатурно («бешкеш»[51] и т. д.), мы должны сказать громко и резко (фактически сказать, а не на словах только!), что улучшения в жизни даются не сверху и не путём торговли, а снизу, путём общей борьбы вместе с мастеровыми.

Только имея в виду эту задачу, мы можем правильно разрешить вопрос о совещании.

И вот, мы думаем, что участие в предстоящем совещании, призыв к совместной работе нефтепромышленников и рабочих с целью выработки обязательного договора теперь, до общей борьбы, когда частичная борьба продолжается, когда общая борьба ещё впереди, когда нефтепромышленники направо и налево раздают наградные, отрывая промысловых от мастеровых и

развращая их молодое сознание, мы думаем, что в такой момент **«итти на совещание»** — значит не вытравлять, а укреплять в головах массы «бешкешные» предрассудки. Это значит внедрять в сознание массы не недоверие к нефтепромышленникам, а доверие к ним. Это значит не сплачивать промысловых вокруг мастеровых, не сближать их с мастеровыми, а оставлять на время, отбрасывать их в лапы капиталистов.

Конечно, «нет худа без добра», совещание в данный момент **тоже** могло бы принести **некоторую** пользу в смысле организации, в смысле «расширения борьбы», как выражается тов. **Кочегар**[52]. Но если вред, приносимый совещанием, безусловно перевешивает эту самую **некоторую** пользу, тогда безусловно надо отбросить совещание, как излишний хлам. Ибо, если тов. **Кочегар** «идёт на совещание», **главным образом,** потому, что совещание «организует» и «расширяет борьбу», то прямо непонятно, почему не «итти на совещание» и во время подъёма, накануне общей борьбы, в начале организующейся общей борьбы? Чего бояться? Ведь тогда особенно необходима «общая организация», «расширение борьбы»? Ведь тогда всего менее должна поддаться масса на уступки сверху? Но в том-то и вопрос, что выбирать уполномоченных — ещё не значит организовать массу. В том-то и дело, что организовать (в **нашем** смысле, конечно, а не в смысле гапоновском)— это значит, **прежде всего,** развивать сознание **непримиримой** противоположности между капиталистами и рабочими. Лишь бы было **такое** сознание, а остальное само собой приложится.

А предстоящее совещание **именно** это-то и не может дать.

Ввиду этого единственной тактикой, отвечающей нашей задаче при данных условиях, может быть лишь тактика бойкота совещания.

Тактика бойкота наилучшим образом развивает сознание непримиримой противоположности между рабочими и нефтепромышленниками.

Тактика бойкота, расшатывая «бешкешные» предрассудки и отбрасывая промысловых рабочих от нефтепромышленников, сплачивает их вокруг мастеровых.

Тактика бойкота, вселяя недоверие по отношению к нефтепромышленникам, наилучшим образом подчёркивает в глазах массы необходимость борьбы, как единственного средства для улучшения жизни.

Поэтому мы должны открыть бойкотистскую кампанию: устраивать заводские собрания, вырабатывать требования, выбирать уполномоченных для лучшей формулировки общих требований, печатно распространять требования, разъяснять их, ещё раз перенести их в массы для окончательного утверждения и т. д. и т. д., и всё это проделать под лозунгом бойкота, с тем чтобы, сделав популярными общие требования, использовав «легальные возможности»,— забойкотировать совещание, сделать его посмешищем и, тем самым, подчеркнуть необходимость борьбы за общие требования.

Итак, надо бойкотировать совещание!

Газета «Гудок» № 4,
29 сентября 1907 г.
Подпись: К о ...

Печатается по тексту газеты

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Господа нефтепромышленники отступили. Устами редактора своей газеты «Нефтяное Дело»[53] они ещё недавно заявили, что профессиональные союзы являются в Баку «привходящим элементом, вне рабочих стоящим». Власти, исполняя их волю, расклеили объявление, которым рабочие приглашаются выбирать уполномоченных в организационную комиссию, желая этим устранить профессиональные союзы от руководства кампанией. Так было вчера. А теперь, 7 января, фабричный инспектор сообщил секретарям профессиональных союзов, что состоялось собрание нефтепромышленников, на котором они решили предложить г. градоначальнику выдать профессиональным союзам разрешительные свидетельства на право устройства собраний на промыслах и заводах.

Господа капиталисты боятся усиления влияния профессиональных союзов, они хотели бы видеть рабочих в разрозненном и дезорганизованном состоянии и в этих целях не хотят признавать даже промысловые и заводские комиссии. Но мы теперь заставили их признать, что руководить разрешением одного из самых

крупных вопросов рабочей жизни, вопроса о совещании и коллективном договоре, будут и должны союзы.

Мы их заставили признать руководящее значение профессиональных союзов, несмотря на то, что господа дашнакцаканы[54] и социалисты-революционеры пришли на помощь господам нефтепромышленникам и властям в их борьбе с рабочими организациями.

Господа дашнакцаканы поспешно отозвались на зов г. градоначальника, приступили немедленно к выборам, конечно, со своими целями — сорвать те условия ведения кампании, которые были выставлены профессиональными союзами и главное из них — признание рабочих организаций.

Но господа нефтепромышленники не удовлетворились, однако, поспешной деятельностью дашнакцаканов. За последними пошли только мелкие фирмы, вроде Абиянц, Радуга, Арарат, Фарос и др., и только на двух-трёх крупных армянских фирмах прошли выборы.

Рабочие Каспийско-Черноморского общества, Нобеля, Кокорева, «Борна», Шибаева, Асадуллаева, Московско-Кавказского товарищества и других фирм своими резолюциями протестовали против таких выборов и отказывались принимать в них участие до тех пор, пока не будут выданы разрешительные свидетельства профессиональным союзам.

Рабочие наиболее крупных и влиятельных фирм ясно и определённо выразили свою волю и тем дали ответ не только господам нефтепромышленникам, но и тем «друзьям» своим, которые любят слишком красиво говорить по-пустому.

Рабочие своими резолюциями ясно и определённо подтвердили, что условия, выставленные

профессиональными союзами, не являются выдумкой «вождей», как то утверждают социалисты-революционеры в своей брошюре: «Почему мы не идём на совещание».

Власти, нефтепромышленники и дашнакцаканы борются с расширением влияния профессиональных союзов. Рабочие выносят союзам доверие и выражают свою солидарность с теми условиями, которые были выставлены профессиональными союзами.

Слова «совещание» и «переговоры» не являются и не должны являться пугалом для рабочих, так же как не боятся рабочие накануне забастовки вести переговоры и предъявлять требования. Предъявление требований иногда устраняет необходимость разрешения конфликта забастовкой. Чаще всего бывает обратное. Но для того, чтобы «переговоры» развёртывали перед рабочими всю картину настоящего положения вещей, для того, чтобы кампания по совещанию могла принести рабочим неоценимые услуги широкой постановкой и гласным обсуждением всех вопросов рабочей жизни, необходимо проведение тех условий, которые выставлены профессиональными союзами и которые войдут в наказ избираемым уполномоченным.

Никакие переговоры «не страшны», если они ведутся на глазах всей массы рабочих. Выставленные условия обеспечивают возможность широкого участия всех рабочих в обсуждении всех вопросов, связанных с совещанием.

Печальной памяти совещания шендриковского типа похоронены навсегда.

Мы добились того, что товарищи, «примыкающие» к союзу механического производства, пошли за нами, отказались от лозунга «совещание во что бы то ни стало».

И они решили бойкотировать выборы без основного условия, без признания руководящего значения профессиональных союзов. Мы добьёмся и того, что не будет больше сторонников бойкота «во что бы то ни стало». Совещание, а главное, кампания по совещанию, приемлемо для рабочих, если будут предоставлены необходимые для того условия.

Рабочие последними резолюциями подтвердили правильность нашей позиции.

Разрешительные свидетельства нам выданы. Добились мы, значит, от властей и нефтепромышленников признания руководящей роли союзов.

Большинство рабочих наиболее крупных фирм высказалось за участие в выборах на условиях, нами указанных.

Мы можем теперь спокойно и уверенно приступить к выборам уполномоченных, которым рекомендуем дать наказ: выбирайте таких 16 делегатов, которые потребуют, как обязательное условие ведения переговоров в организационной комиссии, признания прежде всего следующих пунктов:

1) Время совещания должно быть определено уполномоченными рабочих и предпринимателей, как равноправными сторонами, т. е. по обоюдному соглашению.

2) Собрание всех уполномоченных, избранных по одному от каждой сотни рабочих, должно существовать до конца совещания, собираясь периодически и по мере надобности для обсуждения отчётов рабочих, членов совещания, делегатов и дачи им руководящих указаний.

3) Уполномоченные имеют право устройства собраний по заводам, промыслам и мастерским для обсуждения требуемых и предлагаемых условий договора.

4) Правления профессиональных союзов нефтепромышленных и механических рабочих получают право посылать своих делегатов без права решающего голоса на самое совещание с нефтепромышленниками, равно как право докладов во всех комиссиях совещания, в собраниях уполномоченных, в заводских, промысловых и т. д.

5) Делегаты в организационную комиссию избираются Советом уполномоченных, как единым целым, не разбиваясь по производствам. Переговоры ведутся в организационной комиссии также как единым целым (единый договор для всех рабочих).

Газета «Гудок» № 14,
13 января 1908 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

ЕЩЁ О СОВЕЩАНИИ С ГАРАНТИЯМИ

Кампания по совещанию в разгаре. Выборы уполномоченных близятся к концу. В недалёком будущем соберётся Совет уполномоченных. Быть или не быть совещанию, при каких гарантиях (условиях) желательно совещание, как понимать эти гарантии — вот, прежде всего, какими вопросами займётся Совет уполномоченных.

Какова должна быть линия нашего поведения на Совете уполномоченных?

Повторяем, что совещания с нефтепромышленниками не новость для нас. Было у нас одно совещание в 1905 г. Было и второе в 1906 г. Что дали нам эти совещания, чему они нас научили, оправдали ли они себя?

Как в то время, так и недавно ещё нам говорили, что совещание **само по себе** без всяких условий сплачивает массы. Факты однако же показали, что ни одно из этих бывших совещаний не сплотило масс и не могло их сплотить: — были произведены одни лишь выборы и на этом кончилось всё «сплочение».

Почему?

Потому, что при организации бывших совещаний не было и помину какой-нибудь **свободы слова и собраний**, не было возможности собирать массу по заводам —

промыслам — казармам, вырабатывать наказы по каждому данному вопросу и вообще активно вмешиваться во все дела совещания. Стало быть, массе приходилось тогда бездействовать, действовали же только одни делегаты вдали от рабочей массы. Ну, а нам давно известно, что массы организуются только в самих действиях...

Дальше — потому, что не было **Совета уполномоченных**, как постоянного органа рабочих, свободно действующего во всё время совещания, объединяющего вокруг себя рабочих всех фирм и районов, вырабатывающего требования этих рабочих и контролирующего, на основании этих требований, делегатов от рабочих. Но разрешить создание такого Совета уполномоченных не хотели нефтепромышленники, инициаторы же совещания смиренно с этим примирились.

Мы уже не говорим о том, что не было тогда тех центров движения — **профессиональных союзов**, — которые могли бы сплотить вокруг себя Совет уполномоченных и направлять его по пути классовой борьбы...

Нам когда-то говорили, что совещание даже и **само по себе** могло бы удовлетворить требования рабочих. Но опыт двух первых совещаний опроверг и это предположение. Ибо когда наши делегаты на первом совещании заговорили о требованиях рабочих, нефтепромышленники прервали их, сказав, что «это не касается порядка дня совещания», что совещание призвано говорить «о снабжении промышленности жидким топливом», а не о каких-то требованиях. Когда же наши делегаты на втором совещании потребовали участия делегатов и от безработных, нефтепромышленники и на этот раз прервали их, сказав, что они не уполномочены

считаться с подобными требованиями. Так и вытолкали в шею наших делегатов. И когда некоторые из товарищей поставили вопрос о поддержке наших делегатов путём общей борьбы, — выяснилось, что такая борьба невозможна потому, что оба совещания были предприняты капиталистами в глухое и выгодное для них время — зимой, когда Волга закрыта, когда цены на нефтяные продукты идут на понижение, когда, стало быть, прямо неразумно и думать о победе рабочих.

Вот как «оправдали» себя два предыдущих совещания.

Ясно, что совещание **само по себе**, совещание без свободного Совета уполномоченных, совещание без участия и руководства союзов, да ещё созываемое зимой — словом, **совещание без гарантий** — пустой звук. Такое совещание не только не сплачивает, не только не содействует завоеванию наших требований, но — наоборот — дезорганизует и отдаляет момент удовлетворения наших требований: ибо оно, ничего не давая, кормит рабочих пустыми обещаниями.

Вот чему нас научили два предыдущих совещания.

Вот почему бойкотировал сознательный пролетариат третье совещание в ноябре 1907 года.

Пусть помнят это те отдельные товарищи из механического союза, которые агитируют за совещание **без гарантий**, вопреки всему опыту предыдущих совещаний, вопреки воле большинства нефтяного пролетариата, **вопреки, наконец, состоявшемуся договору между союзами!**

Пусть они помнят это и не нарушают этот договор.

Но значит ли это, что мы должны махнуть рукой на все и всякие совещания?

Нет, не значит!

На замечание бойкотистов эсеров, что мы не должны итти на совещание, так как нас приглашают туда наши враги, буржуи — на такое замечание можно ответить только смехом: ибо ведь и на фабрику, завод или промысел приглашают нас работать те же враги, буржуи. Поэтому должны ли мы бойкотировать фабрику, завод или промысел по одному лишь тому, что нас приглашают туда враги, буржуи? Ведь этак можно околеть с голоду! Ведь тогда, значит, все рабочие с ума спятили, раз они согласились итти на работу по приглашению буржуев!

На заявление дашнакцаканов, что мы не должны итти на совещание, так как оно является буржуазным учреждением — на такое нелепое заявление можно и совсем не обращать внимания: ибо ведь нынешняя общественная жизнь тоже буржуазное «учреждение», фабрика, завод, промысел — ведь всё это буржуазные «учреждения», организованные «по образу и подобию» буржуазии, в выгодах буржуазии, — будем ли бойкотировать всё это из-за одного лишь того, что оно буржуазно? Куда же нам переселиться в таком случае, на Марс, Юпитер, или, может быть, в воздушные замки дашнак-эсеров?..*

---

* Вся несерьёзность и нежизненность бойкотистской позиции гг. дашнакцаканов и эсеров доказывается уже и тем, что они же сами благосклонно относятся к совещанию типографских рабочих с их хозяевами и коллективному договору между ними. Мало того, отдельным членам их не возбраняется принимать участие в этом деле.

Нет, товарищи! Не спиной мы должны встать к позиции буржуазии, а штурмовать её! Не оставлять мы должны позиции за буржуазией, а шаг за шагом отбивать их и вышибать оттуда буржуазию! Только люди воздушных замков не могут понять эту простую истину!

Мы не пойдём на совещание, если не получим, предварительно, требуемых гарантий, — но мы пойдём на совещание, если добьёмся требуемых гарантий, с тем чтобы опираться на эти гарантии, превратить совещание из оружия попрошайничества в оружие дальнейшей борьбы, — точно так же, как мы не отказываемся идти на работу, после удовлетворения известных необходимых условий, с тем чтобы превратить фабрику, завод, промысел из арены угнетения в арену освобождения.

Организуя же совещание с завоёванными рабочими гарантиями и призывая 50-тысячную рабочую массу к выбору Совета уполномоченных и выработке наших требований, мы выведем рабочее движение в Баку на новый, выгодный для него путь борьбы: на путь организованного и сознательного, а не стихийного (вразброд) и бешкешного движения.

Вот собственно чего мы ждём от совещания с гарантиями, вот почему мы говорим: **совещание с гарантиями, или никакого совещания!** [55]

Пусть господа старые совещатели агитируют против гарантий, пусть они превозносят совещание без гарантий, пусть они ползут по дну зубатовского болота, — пролетариат вытащит их из болота и научит их ходить по широкому полю классовой борьбы!

Пусть «порхают» гг. дашнак-эсеры, пусть они бойкотируют организованные действия рабочих со своих

воздушных высей, — сознательный пролетариат низведёт их на нашу грешную землю и заставит их склонить головы перед совещанием с гарантиями!

Наша цель ясна: собрать пролетариат вокруг Совета уполномоченных и сплотить последний вокруг союзов для достижения наших общих требований, для улучшения нашей жизни.

Наш путь ясен: от совещания с гарантиями к удовлетворению кровных нужд нефтепромышленного пролетариата.

В своё время мы призовём Совет уполномоченных бороться как с болотными сторонниками совещания, так и со сказочными фантазиями эсеро-дашнаковских бойкотистов.

Совещание с известными гарантиями, или не нужно совещания!

Газета «Гудок» № 17,
3 февраля 1908 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

ЧТО ГОВОРЯТ НАШИ ЗАБАСТОВКИ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ?

Характерной чертой январско-февральских забастовок являются некоторые новые особенности, вносящие в наше движение новые элементы. Об одной из этих особенностей — об оборонительном характере забастовок — уже говорилось в «Гудке»[56]. Но это внешняя особенность. Гораздо более интересны другие, внутренние особенности, бросающие яркий свет на развитие нашего движения. Мы говорим о характере требований, способах ведения забастовок, новых методах борьбы и т. д.

Первое, что бросается в глаза — это содержание требований. Характерно, что значительная часть забастовок не выставляет требования о наградных (Нобель, Мотовилиха, Молот, Мирзоевы, Адамовы и т. д.). Там же, где выставляются наградные, рабочие стараются отодвинуть их в конец своих требований, стыдясь бороться за один только «бешкеш» (Питоев и т. д.). Очевидно, происходит серьёзная ломка старых бешкешных предрассудков. «Бешкеш» начинает падать в глазах рабочих. От мелкобуржуазных требований (наградных) рабочие переходят к требованиям

пролетарским: удаление наиболее дерзких администраторов (Нобель, Молот, Адамовы), обратный приём уволенных товарищей (Мирзоев), расширение прав промыслово-заводской комиссии (Нобель, Мирзоев). В этом отношении особенно интересна забастовка мирзоевцев[57]. Они требуют признания комиссии и обратного принятия уволенных товарищей, как гарантии в том, что впредь фирма не будет рассчитывать ни одного из рабочих без согласия комиссии. Забастовка продолжается уже две недели и ведётся с редким единодушием. Надо видеть этих рабочих, надо знать, с какой гордостью они говорят: «мы боремся не из-за наградных или полотенца с мылом, а за права и честь рабочей комиссии»,— надо, я говорю, знать всё это, чтобы понять, какая перемена произошла в головах рабочих.

Второй особенностью последних забастовок является пробуждение и активность промысловой массы. Дело в том, что до сих пор промысловым рабочим приходилось итти за мастеровыми, шли они за ними не всегда охотно, а самостоятельно подымались только за наградные. При этом существовала у них некоторая вражда к мастеровым, подогревавшаяся провокаторско-бешкешной политикой нефтепромышленников (Биби-Эйбатское общество в прошлом году, Лапшин недавно). Последние забастовки показывают, что пассивность промысловых рабочих отходит в прошлое. Забастовку у Нобеля (январь) подняли они, ведя за собой мастеровых; забастовка у Мирзоева (февраль) одухотворяется теми же промысловыми. Само собой понятно, что с пробуждением активности промысловых падает и вражда к мастеровым. Промысловые начинают итти рука об руку с мастеровыми.

Ещё более интересна третья особенность — дружеское отношение бастующих к нашему союзу и, вообще, сравнительно организованное ведение забастовок. Прежде всего характерно отсутствие тридцатиаршинных требований, мешающих успешному ведению дела (вспомните Каспийское товарищество в прошлом году), — теперь выставляется только несколько важных требований, могущих сплотить массу (Нобель, Мирзоевы, Мотовилиха, Молот, Адамовы). Во-вторых — почти ни одна из этих забастовок не проходит без активного вмешательства союза: рабочие считают необходимым приглашать представителей союза (Кокорев, Нобель, молотовцы, Мирзоевы и пр.). Старое противопоставление промысловых и заводских комиссий союзу отходит в область прошлого. На союз начинают смотреть как на своё родное детище. Из конкурентов союза промысловые и заводские комиссии начинают превращаться в опору союза. Отсюда большая организованность забастовок последнего времени.

Отсюда же вытекает четвёртая особенность — относительная успешность последних забастовок или, вернее, тот факт, что частичные забастовки не так часто и не всегда целиком проваливаются. Мы имеем в виду, прежде всего, кокоревскую забастовку. Мы думаем, что кокоревская забастовка является поворотным пунктом в развитии методов нашей борьбы. Она и некоторые другие забастовки (Питоев, Мотовилиха) показали, что при 1) организованном ведении дела, 2) активном вмешательстве союза, 3) известном упорстве и 4) удачном выборе момента борьбы — частичные забастовки могут быть далеко не безрезультатными. По крайней мере выясняется, что «принципиальные» возгласы

«долой частичные забастовки» — рискованный лозунг, не имеющий достаточного оправдания в фактах последнего движения. Наоборот, мы думаем, что при руководстве союза и удачном выборе момента, частичные забастовки могли бы превратиться в очень важный фактор сплочения пролетариата.

Таковы, по нашему мнению, наиболее важные внутренние особенности забастовок последнего времени.

Газета «Гудок» № 21,
2 марта 1908 г.
Подпись: К. Като

Печатается по тексту газеты

ПОВОРОТ В ТАКТИКЕ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННИКОВ

Это было не так давно — всего несколько месяцев тому назад — когда наши нефтепромышленники «говорили» об «европейских» отношениях между рабочими и хозяевами.

Они старались тогда держать себя примиренчески. И это понятно: неустанная проповедь «вдумчивого» Рина о божественном происхождении коллективного договора, всё усиливавшаяся волна частичных забастовок, виды нефтепромышленников на «урегулирование производства» путём «европейского» совещания, известное давление со стороны властей,— всё это настраивало нефтепромышленников именно примиренчески, «европейски».

— Долой анархию забастовок,— восклицал Рин.

— Да здравствует порядок, — соглашались с ним нефтепромышленники.

И «порядок» как будто водворялся. Количество репрессий со стороны хозяев, повидимому, сокращалось. Количество забастовок тоже сокращалось. Нефтепромышленники «находили нужным сговориться» (см. «Нефтяное Дело», декабрь).

Но вот открылась кампания. Рабочие решительно отвергли старое, закулисное совещание. Громадное большинство из них высказалось за совещание с гарантиями. Тем самым рабочие выразили определённое желание всецело использовать совещание, превратить его в оружие организованной, сознательной борьбы.

И что же мы видим?

Не слышно больше речей об «европейских» отношениях. О «видах» «урегулирования производства» — ни слова. «Анархия забастовок» не пугает больше нефтепромышленников — наоборот — они сами толкают рабочих к «анархии», наступая на них, отбирая завоёванное, рассчитывая передовых товарищей и т. д. и т. д.

Очевидно, нефтепромышленники не находят больше нужным сговориться. Они предпочитают наступать.

Ещё на съезде нефтепромышленников, в конце января, открыли они атаку против рабочих. Они зажали рот представителям союзов. Они похоронили вопрос о посёлках. Они решили «похерить» вопросы о школах, медицинской помощи и т. д. Они отняли у рабочих право участия в заведывании народными домами.

Всем этим нефтепромышленники давали чувствовать, что они становятся на «новый» «неевропейский» путь, на путь открытых нападений на рабочих.

Совет съезда продолжает «дело» их съезда. Он напал на рабочих, введя «десятикопеечный больничный сбор». Мы уже не говорим о мелких распоряжениях совета, носящих отпечаток того же поворота в тактике нефтепромышленников.

Дальше идёт обычное «углубление» репрессий в виде отнятия уже завоёванных промыслово-заводских

прав, сокращения штата, удаления передовиков, локаутов и т. д.

Они свели на нет промыслово-заводские комиссии. Столкновения из-за комиссии у Ротшильда (Балаханы), Каспийского товарищества, Шибаева (Балаханы), «Борна» (Балаханы), Биеринга, Мирзоева, Нафталанского общества с ясностью говорят об этом.

Под видом «сокращения штата» они «вышибают» наиболее влиятельных товарищей, особенно уполномоченных по совещанию. Факты в Каспийском товариществе, у «Борна», Мухтарова (Балаханы), Шибаева (Балаханы), Лапшина (Биби-Эйбат), Мальникова не оставляют на этот счёт никакого сомнения.

Локаут у Вотана является венцом «новой» тактики нефтепромышленников.

Всем этим они толкают рабочих на путь стихийно-анархических вспышек, истощающих рабочих.

Ещё более характерны формы расправы с бастующими. Мы имеем в виду мирзоевскую фирму, собственно, управляющего этой фирмы, г. Маркарова, натравливающего на бастующих армян вооружённых берданками мусульман, создающего таким образом условия для армяно-татарских столкновений.

Таков поворот в тактике нефтепромышленников.

Очевидно, нефтепромышленники не хотят больше «европейских условий».

Разочаровавшись в «успехе» совещания, потеряв надежду на возможность «урегулирования производства» путём одного только совещания без удовлетворения основных требований рабочих, видя как совещание из оружия дезорганизации превращается в оружие организации пятидесятитысячной массы, — нефтепромышленники хотят отвязаться как-нибудь от совещания, отложив его на неопределённое время или по крайней мере обескровив его.

Для этого они прибегают к системе репрессий, провоцируя рабочих на преждевременные выступления, распыляя формирующееся общее движение на отдельные, частичные движения, сталкивая рабочих с широкой дороги классовой борьбы к кривым закоулкам групповых столкновений.

Всем этим они хотят отвлечь внимание рабочих от совещания с гарантиями, уничтожить в глазах рабочих значение могущего сплотить их Совета уполномоченных, помешать рабочим объединиться, не дать им, стало быть, подготовиться для завоевания своих требований.

Действуя таким образом, они стараются спровоцировать пока ещё неорганизованных рабочих на преждевременное общее выступление, могущее дать им возможность «окончательно» сломить рабочих, надолго обеспечить «непрерывную» добычу нефти.

Таков смысл поворота в тактике нефтепромышленников.

Какова должна быть наша тактика ввиду всего сказанного?

На нас нападают нефтепромышленники, пользуясь нашей неорганизованностью,— стало быть, нашей задачей является сплотиться вокруг нашего союза, защищаясь от ударов всеми имеющимися у нас средствами.

Нас хотят спровоцировать на стихийные частичные вспышки, желая раздробить наше общее движение,— стало быть, нашей обязанностью является не попадаться на удочку нефтепромышленников, воздерживаться, по

возможности, от частичных забастовок и не распылять общего движения.

Нас хотят лишить оружия нашего сплочения, у нас хотят отнять Совет уполномоченных, откладывая совещание на неопределённое время, толкая на преждевременное общее выступление,— стало быть, нашей обязанностью является потребовать немедленного созыва Совета уполномоченных, заняться выработкой рабочих требований и сплотить массы в ходе такой работы вокруг Совета уполномоченных.

Укрепив же Совет уполномоченных и собрав вокруг него 50-тысячную массу, нам не трудно будет достойным образом справиться с неевропейскими затеями господ нефтепромышленников.

Газета «Гудок» № 22,
9 марта 1908 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

НАДО ГОТОВИТЬСЯ!

Правление союза нефтепромышленных рабочих решило принять меры к скорейшему созыву Совета уполномоченных [58].

Действуя так, правление исходило из многочисленных заявлений рабочих, не желающих больше ждать и требующих немедленного созыва Совета уполномоченных.

В этом же духе решил действовать союз механического производства.

На днях оба союза уже подали старшему фабричному инспектору соответствующее заявление.

Надо полагать, что вопрос скоро разрешится в том или ином направлении.

Как именно ответят на заявление союзов власть и капитал имущие — мы ещё не знаем, конечно.

Возможно, что они пойдут навстречу рабочим, немедленно соберут Совет уполномоченных, и тогда, по всей вероятности, дела совещания пойдут «нормальным ходом».

Возможно и то, что они будут оттягивать, не давая пока прямого ответа.

Мы должны и в том и в другом случае быть готовыми ко всему, чтобы не дать нефтепромышленникам обмануть рабочих.

Мы должны быть готовыми в каждую минуту предстать перед нефтепромышленниками во всеоружии.

А для этого необходимо немедля заняться выработкой требований.

Мы идём на совещание с гарантиями. Но с чем мы предстанем перед нефтепромышленниками, как не с требованиями, одобренными всей массой нефтяного пролетариата? Так давайте же вырабатывать рабочие требования о заработной плате, о рабочем дне, о посёлках, о народных домах, о больничной помощи и т. д.

Наш союз уже приступил к делу. Он высказал своё мнение на страницах «Гудка» по вопросам о посёлках, больничной помощи, народных домах, школах. Эти требования уже выпущены союзом в виде отдельной брошюры под названием «Материалы к совещанию».

Но это ещё недостаточно.

Необходимо все эти требования передать массе, чтобы она обсудила их и высказала своё мнение, единственно обязательное для неё.

Кроме того, вопросы о заработной плате и рабочем дне ещё не разработаны союзом,— следовательно, необходимо немедленно приступить к выработке требований и по этим вопросам.

В этих целях наш союз выбирает специальную комиссию по выработке требований.

Комиссия эта связывается с уполномоченными по совещанию и промыслово-заводскими комиссиями четырёх районов с тем, чтобы совместно с ними разработать наболевшие вопросы нашего быта.

Дальше собираются общие собрания по заводам, промыслам, казармам и окончательно утверждаются требования.

Таков должен быть план нашей работы по подготовке к совещанию с гарантиями.

Только выработав требования и сделав их достоянием масс, сумеем мы сплотить эту самую массу вокруг Совета уполномоченных.

Собрав же массу вокруг её Совета, мы получим возможность застраховать её от неожиданностей со стороны нефтепромышленников.

Не дряблое философствование о «конкретизации» пунктов гарантий (см. «Промысловый Вестник»[59]), и не легкомысленные выкрики о «наступлении весны» (вспомни эсеров),— а упорная работа по выработке рабочих требований, вот, прежде всего, чем мы должны заняться ввиду надвигающихся событий.

Итак, будем дружнее готовиться к совещанию с гарантиями!

Газета «Гудок» № 23,
16 марта 1908 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕРРОР И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Борьба рабочих не всегда и не везде имеет одну и ту же форму.

Было время, когда рабочие, борясь против хозяев, ломали машины, поджигали заводы. Машина — вот источник нищеты! Завод — вот место угнетения! Так ломай же их, поджигай — говорили тогда рабочие.

Это было время неоформленных, **анархически-бунтарских столкновений.**

Мы знаем и другие случаи, когда рабочие, разочаровавшись в силе поджогов и разрушений, переходили к «более резким формам» — к убийству директоров, управляющих, заведующих и т. д. Всех машин и заводов не уничтожишь, говорили тогда рабочие, да оно и не выгодно для рабочих, а напугать управляющих и скрутить в бараний рог всегда возможно при помощи террора, — так бей же их, нагоняй страх!

Это было время единоличных **террористических столкновений** на почве экономической борьбы.

Рабочее движение резко осудило как ту, так и другую форму борьбы, отбросив их в прошлое.

И это понятно. Нет сомнения, что завод на самом деле является местом эксплуатации рабочих, и машина до сих пор ещё помогает буржуазии расширять эту эксплуатацию, но это ещё не значит, что машина и завод сами являются источником нищеты. Наоборот, именно завод и именно машина дадут возможность пролетариату разбить цепи рабства, уничтожить нищету, побороть всякое угнетение — необходимо только, чтобы из частной собственности отдельных капиталистов они превратились в общественную собственность народа.

С другой стороны, во что превратилась бы жизнь, если бы мы в самом деле занялись разрушением и поджогом машин, заводов, железных дорог? Ведь жизнь тогда напоминала бы жалкую пустыню, и рабочие первые лишились бы куска хлеба!..

Ясно, что не ломать мы должны машины и заводы, — **а завладеть ими, когда будет возможность, если мы в самом деле стремимся к уничтожению нищеты.**

Вот почему отвергает рабочее движение анархически-бунтарские столкновения.

Нет сомнения, что и экономический террор имеет за собой известное, видимое «оправдание», поскольку он пускается в ход для устрашения буржуазии. Но что значит такой страх, если он мимолётен и скоропреходящ? А что он может быть только мимолётным, это ясно хотя бы из того, что невозможно практиковать экономический террор всегда и везде. Это во-первых. Во-вторых, что может дать нам мимолётный страх буржуазии и вызванная им уступка, если не будет у нас за спиной сильной массовой организации рабочих, всегда готовой бороться за рабочие требования и могущей

удержать за собой завоёванные уступки? А между тем факты с очевидностью говорят, что экономический террор убивает потребность в такой организации, отнимает у рабочих охоту сплачиваться, выступать самостоятельно — благо у них есть герои террористы, могущие выступить за них. Должны ли мы развивать в рабочих дух самодеятельности? Должны ли мы развивать в рабочих желание к сплочению? Конечно, да! Но можем ли мы практиковать экономический террор, если он убивает в рабочих и то и другое.

Нет, товарищи! Нам не пристало пугать буржуазию отдельными набегами из-за угла — предоставим заниматься такими «делами» известным налётчикам. Мы должны **открыто** выступать против буржуазии, мы должны **всё время, до окончательной победы,** держать её под страхом! А для этого требуется не экономический террор, а крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу.

Вот почему отвергает рабочее движение экономический террор.

Ввиду сказанного, последняя резолюция мирзоевских забастовщиков, направленная против поджогов и «экономических» убийств, приобретает особенный интерес. В этой резолюции объединённая комиссия 1 500 мирзоевцев, отмечая факты поджога кочегарки (в Балаханах) и убийства заведующего на экономической почве (Сураханы), заявляет, что «протестует против такого метода борьбы, как убийство и поджог» (см. «Гудок» № 24).

Этим самым мирзоевцы окончательно порывают со старыми террористическими бунтарскими тенденциями.

Этим самым они решительно становятся на путь настоящего рабочего движения.

Мы приветствуем товарищей мирзоевцев и призываем всех рабочих так же решительно стать на путь пролетарского массового движения.

Газета «Гудок» № 25,
30 марта 1908 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

НЕФТЕПРОМЫШЛЕННИКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ТЕРРОРЕ

Вопрос об экономическом терроре продолжает занимать «публику».

Мы уже высказались по этому поводу, осудив экономический террор, как вредный для рабочего класса, а потому негодный метод борьбы.

Приблизительно в том же духе высказались и рабочие на промыслах и заводах.

Высказываются, конечно, и нефтепромышленники. Причём выясняется, что их «взгляды» коренным образом расходятся со взглядами рабочих, ибо они, клеймя экономический террор, «исходящий от рабочих», ничего не говорят против такого же террора со стороны нефтепромышленников. Мы имеем в виду известную передовицу об экономическом терроре в известном органе нефтепромышленников (см. «Нефтяное Дело» № 6, статья г. К—за [60]).

Поговорим об этой передовице. Она интересна не только как обоснование «взглядов» нефтепромышленников, но и как выражение их настроения в данный момент борьбы с рабочими. Для удобства её необходимо разбить на три части: первую, где г. К—за говорит

о некоторых частностях против рабочих и их организаций; вторую — о причинах экономического террора и третью — о мерах борьбы против него.

Начнём с частностей. Прежде всего о мирзоевцах. Всем известно, что непосредственно после убийства сураханского управляющего и пожара в кочегарке объединённая комиссия мирзоевцев, от имени 1 500 рабочих, единогласно протестовала против такого метода борьбы, отвергнув связь пожара и убийства с забастовкой. Казалось бы, нет оснований сомневаться в искренности этого протеста. Но К—за думает иначе. Он, как придирчивый «критик», всё-таки находит нужным подвергнуть сомнению искренность рабочих, говоря, что «комиссия ошибается», что пожар и убийство имеют прямую связь с забастовкой. И это после единогласного протеста представителей 1 500 рабочих! Что это, как не желание извратить факты, очернить рабочих, «пригвоздить к позорному столбу» хотя бы при помощи клеветы? И можно ли верить после этого в искренность г. К—за, так много говорящего в своей статье об «облагорожении преступной воли людей».

От мирзоевцев г. К—за переходит к нашему союзу. Всякому известно, что наш союз растёт быстро. О громадном влиянии его среди рабочих можно судить хотя бы по тому, что вся кампания по совещанию проходит под его прямым руководством. И «Гудок» лишь отмечал общеизвестный факт, когда говорил, что «влияние и значение союза с каждым днём растёт, что он постепенно приобретает в глазах даже наиболее отсталых, некультурных слоёв рабочей массы роль естественного руководителя их экономической борьбы». Да, всё это — общеизвестный факт. Но наш неумолимый «критик»

не считается с фактами, он «подвергает сомнению» всё и вся, он готов даже отрицать факты, лишь бы подорвать в глазах читателей престиж и достоинство рабочего союза! И у г. К—зы хватает смелости после всего этого заявлять о себе, как о стороннике нашего союза и защитнике «облагорожения экономической борьбы»!

Кто сказал **а**, тот скажет и **б**, кто ругает наш союз, тот должен выругать и нашу газету,— и вот г. К—за переходит к «Гудку». Причём выясняется, что «Гудок» «не делает всего от себя зависящего, чтобы очистить атмосферу экономической борьбы от ненужной злобы, опасного раздражения, излишней нервности и некультурного злопыхательства», что «Гудок» только и делает «вылазки против других организаций, партий, классов, газет и отдельных лиц и даже против своего же брата «Промыслового Вестника»».

Так поёт г. К—за. Мы могли бы пропустить мимо ушей всю эту болтовню знаменитого «критика» — мало ли что сболтнёт лакей капитала в надежде угодить своему хозяину! Но так и быть, посвятим на этот раз несколько слов великому критику из Баку. Итак «Гудок» «не очищает атмосферы борьбы от ненужной злобы, опасного раздражения»... Положим, что всё это верно. Но скажите ради святого капитала: что может внести больше злобы и раздражения, печатное слово «Гудка» или живое дело нефтепромышленников, систематически рассчитывающих рабочих, вводящих 10-копеечный больничный сбор, отнимающих у рабочих народные дома, прибегающих к помощи кочи[61], кулачной расправе и т. д.? Почему г. К—за, этот «беззаветный» защитник «облагорожения экономической борьбы», не находит нужным обмолвиться хотя бы единым словом о раздражающих и озлобляющих действиях нефтепромышленников? Ведь те «тёмные» элементы, которые могут пойти на экономический террор, не читают нашу газету, ведь их скорее всего могут раздражать и озлоблять репрессии и прижимки нефтепромышленников,— так почему же г. К—за, так много говорящий против «Гудка», совершенно умалчивает о «делах тёмных» гг. нефтепромышленников? И не ясно ли после этого, что наглость г. К—за не знает границ?

Во-вторых, откуда взял г. К—за, что «Гудок» не старался «очищать атмосферу экономической борьбы от ненужной злобы и опасного раздражения»? А агитация «Гудка» против экономического террора и итальянской забастовки, против анархически-бунтарских забастовок в пользу организованных, против частичных выступлений в пользу общеклассового отстаивания своих интересов, — что это как не «очищение атмосферы борьбы от ненужной злобы и опасного раздражения»? Неужели не знает всего этого г. К—за? Или, быть может, он считает нужным прикинуться незнающим, разыгрывая роль краснобая капитала? Но к чему же тогда все эти красивые речи о «морали» и «человеческой совести»?

«Гудок» делает «вылазки против других организаций, партий, классов, газет, отдельных лиц, даже против «Промыслового Вестника»»,— продолжает обвинять г. К—за. Совершенно верно, г. К—за, вы нечаянно сказали правду, «Гудок» в самом деле ведёт борьбу против других классов и их органов! Но неужели можно требовать чего-либо другого от газеты рабочих, эксплуатируемых всеми другими классами и группами?

Полноте разыгрывать «ангела невинного» и скажите прямо, без ужимок: неужели вы не знаете, что орган нефтепромышленников «Нефтяное Дело» и его хозяин, совет съезда, созданы именно для «вылазок» против класса рабочих, против партии рабочих, против газет рабочих? Неужели не помните последних распоряжений совета съезда о 10-копеечном сборе, о поднятии цен на порции, о сокращении школ и бараков, об отобрании у рабочих народных домов и т. д.? И не старается ли оправдать эти азиатские распоряжения орган нефтепромышленников «Нефтяное Дело»? Или, быть может, это не «вылазки» против рабочих, а «облагорожение преступной воли», урегулирование экономической борьбы и т. д.? Но как же прикажете тогда действовать рабочей газете по отношению к нефтепромышленникам, эксплуатирующим рабочих, по отношению к их организации, надувающей рабочих, по отношению к их органу, развращающему рабочих, по отношению, например, к К—зе, делающему смешные потуги на «философское» обоснование азиатски-диких шагов нефтепромышленников? Неужели так-таки не понимает г. К—за необходимость классовой борьбы между рабочими и хозяевами? О, конечно! Г. К—за прекрасно понимает всё это: ведь он сам ведёт борьбу против пролетариата и его организации! Но, во-первых, он говорит против борьбы со стороны рабочих, а не против борьбы вообще; во-вторых, ведь нефтепромышленники не борются, а только «облагораживают борьбу»; в-третьих, ведь К—за не против рабочих, — он всецело за рабочих в пользу... нефтепромышленников; в-четвёртых, ведь К—за «получает»,— надо, знаете, считаться и с этим...

Очевидно, смелость г. К—зы успешно может конкурировать с его «совестью» в их способности расширяться по мере надобности.

Так обстоит дело в передовице г. К—за с частностями против пролетариата и его организации.

* * *

Перейдём теперь ко второй части его статьи.

В этой части своей статьи автор говорит о причинах экономического террора. При этом «выясняется», что причиной является «темнота умов» и «преступность воли» отсталых слоёв рабочего класса. «Темнота» же и «преступность» объясняется тем, что рабочие союзы и газеты не ведут с достаточной энергией просвещающую и облагораживающую работу среди рабочих. Конечно, добавляет г. К—за, «программы (союзов?) не одобряют экономического террора», но одного только «программного неодобрения недостаточно, коль скоро мы видим, что жизнь пошла по ложному пути. Здесь необходима активная борьба... всех партий и союзов» «с народившимся злом». «Только тогда,— поясняет свою мысль г. К—за,— когда... все друзья рабочих, без различия их партийной группировки, поведут энергичную борьбу против... экономического террора, **только тогда** исчезнут убийства» и т. д.

Итак, рабочие темны и потому решаются часто на убийства, но они темны потому, что их союзы и газеты не стараются их «просвещать и облагораживать»,— стало быть, во всём виноваты рабочие союзы и газеты.

Так поёт г. К—за.

Мы не будем останавливаться на путанице, царящей в голове г. К—зы об экономическом терроре — мы имеем

в виду его невежественное заявление о том, что экономический террор является вопросом программы. Мы хотим только заметить одно: 1) если г. К—за, упоминая о «программном терроре», говорит о союзах, неужели он не знает, что в России вообще союзы не имеют программы,— ведь это знает каждый рабочий! 2) если же он имеет в виду партии, неужели не знает того, что знает каждый гимназист, что экономический террор является тактическим, а не программным вопросом! К чему же все эти разглагольствования о программе? Удивляемся, как это не сумели нанять гг. нефтепромышленники лучшего, хотя бы менее невежественного «идеолога».

Не будем останавливаться и на другом, уже бестолковом (а не невежественном только!), заявлении г. К—зы о том, что по поводу экономического террора «жизнь пошла по ложному пути» и что «нам» надо бороться с жизнью. Заметим только, что плохо было бы наше дело, если бы именно жизнь пошла по ложному пути, **а не отдельные, отставшие от жизни лица.** Сила нашей агитации именно в том и состоит, что борьбу с экономическим террором требует сама жизнь, всесильная, развивающаяся жизнь. Если г. К—за не понимает этого, мы ему советуем переселиться куда-нибудь на другую планету, быть может, там ему удастся применить свою бестолковую теорию о борьбе с развивающейся жизнью...

Перейдём лучше к «анализу» г. К—зы.

И прежде всего мы хотели бы спросить: неужели в самом деле думает г. К—за, что именно союзы и газеты рабочих являются причиной экономического террора?

Что значит «просвещать» рабочих? Ведь это значит учить рабочих сознательной, планомерной борьбе! (С этим согласен г. К—за!) Но кто другой мог заняться этим делом, как не союзы и газеты рабочих с их устной и печатной агитацией за организованную борьбу?

Что значит «облагораживать» экономическую борьбу? Ведь это значит направлять её против **порядков**, ни в коем случае не против **лиц!** (С этим согласен и К—за!) Но кто же занимается этим делом, кроме рабочих союзов и газет?

И разве не нефтепромышленники сводят борьбу с классом рабочих на борьбу с отдельными рабочими, выхватывая и рассчитывая наиболее сознательных рабочих?

И если г. К—за в самом деле убеждён в правоте своего обвинения против рабочих союзов и газет, то почему он обращается со своим советом именно к этим союзам и газетам? Неужели он не знает, что организации, «делающие вылазки против других классов, газет, лиц» и т. д., не будут действовать по совету г. К—за? Для чего же он занимается толчением воды!

Очевидно, он сам не верит в своё обвинение.

И если г. К—за, несмотря на это, всё-таки говорит против союзов, то это для того, чтобы отвлечь внимание читателя от настоящей причины, скрыть от него настоящих «виновников».

Но нет, г. К—за! Вам не удастся скрыть от читателя действительные причины экономического террора!

Не рабочие и не их организации,— а раздражающие и озлобляющие действия гг. нефтепромышленников являются настоящей причиной «экономических убийств».

Вы указываете на «темноту» и «невежество» известных слоёв пролетариата. Но где бороться с «темнотой»

и «невежеством», как не в школах и на лекциях? Почему же сокращают гг. нефтепромышленники количество школ и лекций? И почему вы, «искренний» сторонник борьбы с «темнотой», не возвышаете голоса против нефтепромышленников, отбирающих у рабочих школы и лекции?

Вы говорите об «облагораживании» нравов. Почему же вы, милостивый государь, молчали, когда гг. нефтепромышленники отбирали у рабочих народные дома, эти центры народных развлечений?

Вы поёте об «облагораживании экономической борьбы». Но почему вы молчали, когда наёмники капитала убили рабочего Ханлара[62] (Нафталанское общество), когда «Борн», Каспийское товарищество, Шибаев, Мирзоев, Молот, Мотовилиха, Биеринг, Мухтаров, Мальников и другие рассчитали наиболее передовых рабочих, когда Шибаев, Мухтаров, Молот, «Руно», Кокорев на Биби-Эйбате и др. избивали рабочих?

Вы говорите о «преступной воле» рабочих, о «ненужном озлоблении» и т. д. Но где вы скрывались, когда гг. нефтепромышленники озлобляли рабочих, дёргая за душу самых чувствительных, самых легковоспламеняющихся из них — нефирменных и безработных? А знаете ли вы, *милостивый государь*, что именно эту часть рабочих обрекли на голод известный 10-копеечный больничный сбор и повышение цен на порции в столовых совета съезда?

Вы говорите об ужасах «крови и слёз», вызванных экономическим террором. Но знаете ли, сколько крови и слёз проливается по поводу массы увечных рабочих, не находящих себе место в больницах совета съезда? Почему сокращают гг. нефтепромышленники количество

бараков? И почему вы не кричите по этому поводу точно так же, как вы кричите против рабочих союзов и газет?

Вы поёте о «совести» и т. д. Почему безмолвствует ваша стеклянная совесть по поводу всех этих репрессий гг. нефтепромышленников?

Вы говорите... но довольно! Кажется ясно, что основной причиной «экономических убийств» являются не рабочие и не их организации, а раздражающие и озлобляющие действия гг. нефтепромышленников.

Не менее ясно и то, что г. К—за является жалким наёмником гг. нефтепромышленников, сваливающим всё на рабочие организации и старающимся, таким образом, оправдать в глазах «публики» действия своих хозяев.

* * *

Перейдём теперь к третьей части статьи г. К—за.

В третьей части своей статьи г. К—за говорит о мерах борьбы с экономическим террором, причём его «меры» вполне соответствуют его «философии» «о причинах» экономического террора.

Послушаем великого философа из Баку.

«Необходима активная борьба с народившимся злом и нужно выкинуть лозунг этой борьбы. Таким лозунгом для всех партий и организаций, союзов и кружков в настоящий момент должен быть: «долой экономический террор!» Только тогда, когда будет смело выкинут чистый белый флаг с этим лозунгом, только тогда... исчезнут убийства».

Так философствует г. К—за.

Как видите, г. К—за до конца остаётся верен своему богу — капиталу.

Во-первых, всю «вину» за «экономические убийства» он снял (философски снял!) с нефтепромышленников и свалил на рабочих, их союзы и газеты. Этим он целиком «оправдал» в глазах так называемого «света» **азиатски**-наступательную тактику гг. нефтепромышленников.

Во-вторых, — и это самое главное для нефтепромышленников — он «выдумал» самое дешёвое средство против «убийств», не требующее от нефтепромышленников никаких затрат — усиленную агитацию союзов и газет против экономического террора. Этим он ещё раз подчеркнул, что нефтепромышленники не должны уступать рабочим, не должны «тратиться».

И дёшево, и мило! могут воскликнуть гг. нефтепромышленники, слушая г. К—за.

Конечно, гг. нефтепромышленники могли бы с «удобством наплевать» на мнение так называемого «света». Но что они могут иметь против, если какой-нибудь К—за, в интересах «общечеловеческой совести», берётся оправдать их в глазах «света»?

И наоборот, как им не радоваться, когда, вслед за таким оправданием, тот же К—за предлагает самое «верное» и самое дешёвое средство против экономического террора? Пусть себе агитируют союзы и газеты совершенно свободно и беспрепятственно, лишь бы здравствовали карманы нефтепромышленников. Ну, разве это не либерально!.. И как же после этого не выпускать им на литературную сцену своего «соловья-разбойника», г. К—зу.

Между тем, стоит немного подумать, стоит только стать на точку зрения сознательных рабочих, чтобы сразу понять всю смехотворность предлагаемой г. К—за меры.

Дело здесь вовсе не в одних союзах и газетах — союзы и газеты давно ведут агитацию против экономического террора, и, несмотря на это, «убийства» всё-таки не исчезают. Дело в гораздо большей степени в тех раздражающих и озлобляющих действиях гг. нефтепромышленников, в тех экономических репрессиях, в тех прижимках, в той **азиатски**-наступательной тактике гг. нефтепромышленников, которые питают и будут питать занимающие нас «экономические убийства».

Скажите на милость: что может сделать **одна только агитация** союзов и газет, хотя бы и очень влиятельных, **при озлобляющих действиях** гг. нефтепромышленников, отбирающих у рабочих одно завоевание за другим и тем толкающих наиболее бессознательных из них на «экономические убийства»! Ясно, что одна только антитеррористическая агитация, хотя бы и с «чистым белым флагом», не в силах уничтожить их.

Очевидно, для «исчезновения» «экономических убийств» необходимы меры более глубокие, чем простая агитация, и прежде всего отказ нефтепромышленников от прижимок и репрессий, удовлетворение справедливых требований рабочих... Только тогда, когда нефтепромышленники откажутся от своей **азиатски**-наступательной тактики в виде сокращения заработной платы, отбирания народных домов, сокращения школ и бараков, десятикопеечного больничного сбора, поднятия цен на порции, систематического рассчитывания передовых рабочих, кулачной расправы с ними и т. д., только тогда, когда нефтепромышленники определённо станут на путь культурных европейских отношений к рабочим массам и их союзам, признав в них

«равноправную» силу,— только тогда будет создана почва для «исчезновения» «убийств».

Всё это до того ясно, что не стоит и доказывать.

Но г. К—за не понимает этого, да и не может, собственно, не хочет понять, ибо это не «выгодно» для гг. нефтепромышленников, ибо это потребовало бы от них известных затрат, ибо это открыло бы всю правду о «виновниках» экономических «убийств»...

Вывод один: К—за является лакеем капитала.

Но что же, однако, следует из этого, из лакейской роли К—за?

А из этого следует вот что: то, что говорит г. К—за, принадлежит не ему самому, а нефтепромышленникам, «вдохновляющим» его. Стало быть, статья К—за не его философия, а философия гг. нефтепромышленников. Очевидно, устами К—за говорят сами нефтепромышленники, К—за только передаёт их «думы, желания и настроения».

В этом и только в этом следует видеть интерес разбираемой статьи г. К—за.

К—за, как Коза, К—за, как «личность»,— для нас абсолютное ничтожество, невесомая материя, не имеющая никакой ценности. И напрасно г. К—за жалуется на «Гудок», делающий якобы «вылазки» против его «личности»: смеем уверить г. К—за, что «Гудок» никогда не интересовался его так называемой «личностью».

Но К—за, как безличное нечто, К—за, как отсутствие «личности», К—за, как простое выражение мнений и настроения гг. нефтепромышленников,— для нас безусловно представляет известную ценность. С этой точки зрения и рассматриваем как самого К—за, так и его статью.

Очевидно, г. К—за поёт не даром. Если он в первой части своей статьи яростно нападает на союзы, стараясь дискредитировать их, если он во второй части статьи обвиняет союзы в культивировании экономического террора, ни единым словом не упоминая об азиатских распоряжениях нефтепромышленников, если он в третьей части статьи указывает на антитеррористическую агитацию, как на единственную меру против «убийств», оставляя в стороне наступательную тактику своих хозяев, то это значит, что нефтепромышленники не намерены вступать на путь уступок рабочим массам.

Нефтепромышленники будут наступать, нефтепромышленники должны наступать, а вы, рабочие и союзы, извольте отступать — вот что говорит нам статья г. К—за, вот что говорят нам нефтепромышленники устами своего «соловья-разбойника».

Такова мораль статьи г. К—за.

Нам, рабочим, нашим организациям и газетам остаётся зорко следить за гг. нефтепромышленниками, не поддаваться на их вызывающие действия, и твёрдо и спокойно, как и прежде, итти по пути превращения нашей стихийной борьбы в борьбу строго классовую, планомерную, ведущую к определённой цели.

Что же касается лицемерных воплей разных наёмников капитала, то мы можем оставить их без внимания.

Газета «Гудок» №№ 28, 30 и 32; 21 апреля, 4 и 18 мая 1908 г.
Подпись: К. Като

Печатается по тексту газеты

ПРЕССА[63]

ЛАКЕЙСТВУЮЩИЕ «СОЦИАЛИСТЫ»

Наряду с другими газетами, издающимися в Тифлисе, существует и грузинская газета, называемая «Наперцкали»[64]. Она — газета новая, но вместе с тем слишком старая, ибо она является продолжением всех имевшихся до сих пор меньшевистских газет в Тифлисе, начиная с «Схиви» 1905 года. «Наперцкали» редактирует старая группа меньшевистских оппортунистов. Но дело, конечно, не только в этом. Дело, главным образом, в том, что оппортунизм этой группы является каким-то особенным, сказочным. Оппортунизм — ведь это беспринципность, политическая бесхарактерность, и вот, мы заявляем, что ни у одной из меньшевистских групп не замечалась такая беззастенчивая бесхарактерность, как у тифлисской. В 1905 году эта группа признавала роль **пролетариата**, как вождя революции (см. «Схиви»). В 1906 году она изменила свою «позицию», заявив, что «на рабочих нечего надеяться... инициатива может исходить только от **крестьян**» (см. «Схиви»). В 1907 году она ещё раз изменила свою «позицию», сказав, что «главенство в революции должно

принадлежать либеральной буржуазии» (см. «Азри»[65]) и т. д. и т. п.

Но никогда ещё беспринципность упомянутой группы не доходила до такого бесстыдства, как теперь, летом 1908 года. Мы имеем в виду оценку убийства идейного поработителя обездоленных, так называемого экзарха, на страницах «Наперцкали». История этого убийства общеизвестна. Какая-то группа, убив экзарха, убила ещё жандармского ротмистра, возвращавшегося с протоколом с «места преступления», и затем напала на процессию из хулиганов, сопровождавших труп экзарха. Группа эта, очевидно, не хулиганская, но и не революционная, ибо никакая революционная группа не решится на такой акт в настоящий момент собирания сил, рискуя подорвать дело сплочения пролетариата. Позиция социал-демократии по отношению к таким группам общеизвестна: выяснив условия возникновения таких групп и борясь с этими условиями, она в то же время борется идейно и организационно и с самими группами, дискредитируя их в глазах пролетариата, отмежёвывая от них пролетариат. Не так поступает «Наперцкали». Ничего не выясняя и ничего не давая, она изрыгает несколько пошлых либеральных фраз против террора вообще и затем советует читателям, да и не только советует, но и обязывает их, ни больше ни меньше, как **доносить** полиции на такие группы, **выдавать** их полиции! Это позор, но это факт, к сожалению. Послушайте «Наперцкали»:

«Представить перед судом убийц экзарха — таково единственное средство навсегда смыть с себя пятно... Такова обязанность передовых элементов» (см. «Наперцкали» № 5).

Социал-демократы в роли добровольных доносчиков — вот до чего довели нас меньшевистские оппортунисты из Тифлиса!

Политическая бесхарактерность оппортунистов не с неба падает. Она вытекает из неудержимого стремления приспособляться ко вкусам буржуазии, понравиться «господам», вырвать у них похвалу. Такова психологическая основа оппортунистической тактики приспособления. И вот для того, чтобы блеснуть перед «господами», чтобы понравиться им, чтобы, по крайней мере, миновать их гнев по поводу убийства экзарха,— наши меньшевистские оппортунисты лакейски кривляются перед ними, беря на себя роль полицейских ищеек!

Дальше этого не может пойти тактика приспособления!

ФАРИСЕЙСТВУЮЩИЕ ЗУБАТОВЦЫ

В ряду других городов Кавказа, дающих оригинальные типы оппортунизма, стоит и Баку. В Баку тоже имеется группа, ещё более правая и потому более беспринципная, чем тифлисская. Мы имеем в виду не «Промысловый Вестник», вступивший в незаконное сожительство с буржуазной «Сегодня» — о нём достаточно писалось в нашей печати. Мы говорим о шендриковской группе «Правое Дело», родоначальнице бакинских меньшевиков. Правда, эта группа давно не существует в Баку, она принуждена была переселиться в Петербург, преследуемая бакинскими рабочими и их организациями. Но она присылает свои писания в Баку, она пишет только о бакинских делах, она ищет сторонников именно в Баку, она старается «завоевать» бакинский пролетариат. Не мешало бы поэтому поговорить

о ней. Итак, перед нами лежит «Правое Дело» № 2—3. Перелистываем — и перед нами открывается старая картина старой тёплой компании гг. Шендриковых [66]. Вот Илья Шендриков, известный «рукопожатель» г. Джунковского, старый закулисных дел мастер. Вот и Глеб Шендриков, бывший эсер, бывший меньшевик, бывший «зубатовец», теперь человек в отставке. А вот знаменитая тараторщица «всечистая» Клавдия Шендрикова, дама приятная во всех отношениях. Нет недостатка и в разных «последователях», вроде Грошевых и Калининых, когда-то игравших роль в движении, а теперь отставших от жизни, живущих одними лишь воспоминаниями. Даже тень покойного Лёвы всплывает перед нами... Словом, картина полная!

Однако, кому всё это нужно, для чего навязываются рабочим бесславные тени тёмного прошлого? Не поджигать ли вышки приглашают они рабочих? Или ругать партию и топтать её в грязь? Итти на совещание без рабочих и затем обделать делишки с г. Джунковским?

Нет! Шендриковы хотят «спасти» бакинских рабочих! Они «видят», что после 1905 года, т. е. после изгнания рабочими Шендриковых «рабочие очутились на краю пропасти» (см. «Правое Дело», стр. 80), и вот, Шендриковы написали «Правое Дело», чтобы «спасти» рабочих, вывести их из «тупика». Для этого они предлагают вернуться к старому, отречься от приобретений последних трёх лет, стать спиной к «Гудку» и «Промысловому Вестнику», махнуть рукой на существующие союзы, послать к чорту социал-демократию и, выгнав из рабочих комиссий всех нешендриковцев, сплотиться вокруг **камеры соглашения.** Не нужно

больше забастовок, не нужно и нелегальных организаций — рабочим нужна только камера соглашения, где Шендриковы и Гукасовы[67] будут «решать вопросы» с разрешения г. Джунковского...

Так они хотят вывести из «тупика» бакинское рабочее движение!

Точь-в-точь как хамелеон из «Нефтяного Дела», г. К—за (см. «Нефтяное Дело» № 11).

Но разве не так же «спасали» рабочих: Зубатов в Москве, Гапон в Петербурге, Шаевич в Одессе? И разве все они не оказались отъявленнейшими врагами рабочих?

Так кого же хотят надуть среди бела-дня эти фарисеи-«спасители»?

Нет, гг. Шендриковы,— хотя вы и утверждаете вместе с К—за, что бакинский пролетариат ещё «не созрел», что он ещё «должен выдержать экзамен (перед кем выдержать?) на аттестат зрелости» (см. «Правое Дело», стр. 2),— но вам всё-таки не удастся обмануть его!

Бакинский пролетариат достаточно сознателен для того, чтобы сорвать с вас маску и указать вам подобающее место!

Кто вы, откуда вы?

Вы не социал-демократы, ибо вы выросли и живёте в борьбе с социал-демократией, в борьбе с партийностью!

Вы и не профессионалисты, ибо вы топчете в грязь рабочие союзы, естественно проникнутые духом социал-демократии!

Вы те же гапоновцы и зубатовцы, фарисейски скрывающиеся под маской «друзей народа»!

Вы внутренние и потому самые опасные враги пролетариата!

Долой шендриковцев! Спиной к шендриковцам!

Вот как мы отвечаем на ваше «Правое Дело», гг. Шендриковы!

Вот как ответит бакинский пролетариат на ваши фарисейские заигрывания с ним!..

Газета «Бакинский Пролетарий» № 5, 20 июля 1908 г.
Подпись: К о ...

Печатается по тексту газеты

СОВЕЩАНИЕ И РАБОЧИЕ

Кампания по совещанию приостановлена. Переговоры между сторонами прерваны[68]. Старое, но вечно новое, совещание ещё раз сорвано. Совет уполномоченных, организационная комиссия, выработка требований, доклады в массах, широкое объединение рабочих вокруг своих комиссий, комиссий вокруг союзов, союзов вокруг социал-демократии,— всё это прервано и отброшено в область прошлого. Забыты и старые фарисейские речи об «урегулировании производства» путём совещания, об «облагорожении отношений» между рабочими и хозяевами. Старый клоун из Тифлиса, г. Джунковский, объявляет «представление» закрытым. Истасканный лакей капитала, г. Кара-Мурза, хлопает ему в ладоши. Занавес падает и перед нами открывается давно известная картина: нефтепромышленники и рабочие остаются на старых позициях в ожидании новых бурь, новых столкновений.

Немного только «непонятно»: ведь вчера ещё нефтепромышленники умоляли рабочих итти на совещание, покончить с «анархией частичных забастовок», «сговориться» с ними, а власти, в лице пресловутого

Джунковского, приглашали к себе влиятельных рабочих, устраивали с ними официальные переговоры, убеждали их в выгодности коллективного договора,— и вдруг такая резкая перемена,— совещание объявляется излишним, коллективный договор вредным, «анархия частичных забастовок» желательной!

Что это значит, чем объяснить эту «странность», кто же, наконец, является «виновником» срыва совещания?

Виноваты, конечно, рабочие, отвечает г. Джунковский: мы ещё не начинали переговоров, а они лезут с ультимативным требованием о союзах, пусть рабочие откажутся от союзов и тогда у нас будет совещание, в противном случае нам не нужно совещания!

Согласны, повторяют хором нефтепромышленники, именно рабочие виноваты, пусть откажутся они от союзов, нам не нужно союзов!

А ведь они правы, ведь в самом деле рабочие виноваты, повторяет за врагами рабочих союз без рабочих, «союз механического производства»: отчего бы в самом деле не отказаться рабочим от союзов, не лучше ли было бы сначала поторговаться, отказавшись от своих требований, а потом заговорить о требованиях?

Так, так, поддакивает союзу без рабочих газета без читателей, «Промысловый Вестник»: порядочные рабочие сначала торгуются, а потом говорят об ультиматумах, сначала сдают позиции, а потом их обратно завоёвывают, у бакинских же рабочих не хватило этой порядочности, они оказались слишком непорядочными, почти бойкотистами.

А мы ведь это знали, ведь мы всё это давно предвидели, глубокомысленно замечают дашнаки и

социалисты-революционеры: вот если бы рабочие прокричали бойкот, совершенно порвав с союзами, да ударили бы прямо в забастовку без всякой подготовки и сплочения каких-то там широких масс, то они бы поняли, что без «земли и воли» не быть совещанию и что «в борьбе обретёшь ты право своё»[69]...

Так говорят «друзья» и недруги бакинского пролетариата.

Нужно ли доказывать необоснованность этих обвинений против бакинского пролетариата? Стоит только противопоставить друг другу дашнаков и социалистов-революционеров, обвиняющих рабочих **в любви** к совещанию, механикам и нефтепромышленникам, обвиняющим тех же рабочих **в бойкоте** совещания,— стоит, я говорю, противопоставить друг другу эти взаимно исключающие взгляды, чтобы сразу понять всю вздорность и лживость упомянутых обвинений...

Но кто же в таком случае является настоящим «виновником» срыва совещания?

Бросим беглый взгляд на историю совещания. Нефтепромышленники не первый раз приглашают рабочих на совещание,— мы переживаем уже четвёртое совещание (1905, 1906, 1907, 1908 гг.). Всегда нефтепромышленники первые призывали на совещание и всегда власти помогали им «сговориться» с рабочими, заключить коллективный договор. У нефтепромышленников была своя цель: они хотели за маленькие уступки гарантировать себя от забастовок, обеспечить себе непрерывность тартания нефти. Власти ещё более были заинтересованы в «тишине и спокойствии» в нефтяном царстве, не говоря уже о том, что очень многие из членов правительства являются акционерами крупнейших

нефтяных фирм, что налоги на нефтяную промышленность составляют одну из важнейших доходных статей государственного бюджета, что бакинский мазут питает «отечественную промышленность», ввиду чего малейшая заминка в нефтяной промышленности необходимо отражается на состоянии промышленности России.

Но это не всё. Не говоря уже обо всём сказанном выше, мир в Баку важен для правительства ещё в том отношении, что массовые выступления бакинского пролетариата как нефтяного, так и связанного с ним морского, заражающе действуют на пролетариат других городов. Вспомните факты. Первая общая забастовка в Баку, весной 1903 года, открыла собой знаменитые июльские забастовки-демонстрации южных городов России[70]. Вторая общая забастовка в ноябре — декабре месяцах 1904 года[71] послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России. В 1905 году, быстро оправившись от армяно-татарской резни, бакинский пролетариат вновь врывается в бой, заражая своим энтузиазмом «весь Кавказ». Наконец, начиная с 1906 года, уже после отступления революции в России, Баку всё ещё не «унимается», до настоящего времени пользуется на деле некоторыми свободами и ежегодно, лучше чем где бы то ни было в России, празднует пролетарскую маёвку, вызывая в других городах чувство благородной зависти... После всего этого не трудно понять, почему власти старались не раздражать бакинских рабочих, каждый раз поддерживая нефтепромышленников в их попытках совещаться с рабочими, «сговориться» с ними, заключить коллективный договор.

Но мы, большевики, каждый раз отвечали бойкотом.

Почему?

Потому, что нефтепромышленники хотели совещаться и заключить договор не с массой, не на глазах у массы,— а с кучкой лиц, за спиной массы: они хорошо знают, что только таким путём можно обмануть многотысячную массу нефтяных рабочих.

В чём суть **нашего** совещания? Наше совещание — это переговоры о требованиях между нефтяным пролетариатом и нефтяной буржуазией. Если переговоры приводят к соглашению, то совещание оканчивается коллективным договором на известный срок, обязательным для обеих сторон. **Говоря вообще**, мы ничего **не** имеем против совещания, ибо оно, при известных условиях, на почве общих требований, **может** объединить рабочих в единое целое. Но совещание может объединить рабочих только в том случае: 1) если массы примут в нём самое активное участие, свободно будут обсуждать свои требования, контролировать своих делегатов и т. д.; 2) если массы будут иметь возможность, в случае необходимости, поддержать свои требования общей забастовкой. Могут ли рабочие активно совещаться, обсуждать требования и т. д. без известной свободы собраний на промыслах и заводах, без свободно собирающегося Совета уполномоченных, без руководства союзов? Конечно, нет! Можно ли поддержать свои требования зимой, когда навигация закрыта и вывоз нефти прекращается, когда хозяева дольше, чем когда бы то ни было, могут сопротивляться общей забастовке? Опять-таки нет! Между тем все имевшиеся до сих пор совещания приурочивались именно к зиме и предлагались именно без свободы обсуждения требований, без свободного Совета уполномоченных, без вмешательства союзов, рабочие массы и их организации тщательно устранялись со сцены, всё дело передавалось кучке шендриковски-настроенных «индивидов». Дескать, вы там, господа рабочие, выбирайте делегатов, а потом можете расходиться по домам! Совещание **без** рабочих, совещание **для обмана** рабочих — вот что нам предлагалось в продолжение трёх лет. **Такие** совещания достойны лишь бойкота, и мы, большевики, объявили им бойкот...

Рабочие не сразу поняли всё это и потому, в 1905 году, пошли на первое совещание. Но они принуждены были уйти с совещания, сорвав его.

Рабочие ошиблись и в 1906 году, идя на второе совещание. Но они снова принуждены были бросить совещание, ещё раз сорвав его.

Всё это говорило о том, что сама жизнь осуждала и исправляла ошибки рабочих, толкая последних на путь бойкота закулисных, обманных, шендриковских совещаний.

Меньшевики, приглашавшие рабочих на **такие** совещания, бессознательно содействовали нефтепромышленникам в деле обмана рабочих...

Но в 1907 году дело приняло другой оборот. Опыт двух совещаний, с одной стороны, усиленная агитация большевиков, с другой,— сделали своё дело: на предложение властей и нефтепромышленников итти на совещание (уже на третье совещание!) рабочие ответили решительным отказом.

С этого момента открывается новая полоса в бакинском рабочем движении...

Но значит ли это, что рабочие боялись совещания? Конечно, нет! Им ли, пережившим грандиозные забастовки, бояться переговоров с нефтепромышленниками?

Значит ли это, что рабочие убегали от коллективного договора? Конечно, нет! Им ли, пережившим «декабрьский договор», бояться коллективного договора?

Бойкотируя совещание в ноябре 1907 года, рабочие тем самым говорили, что они достаточно зрелы для того, чтобы не позволить больше врагам рабочих морочить их шендриковски-закулисным совещанием.

И вот, когда власти и нефтепромышленники, видя призрак бойкота, спросили нас — при каких же, наконец, условиях мы могли бы пойти на совещание, мы ответили, что лишь при условии самого широкого участия рабочих масс и их союзов во всём ходе совещания. Только тогда, когда рабочим дадут возможность 1) свободно обсуждать свои требования, 2) свободно собирать будущий Совет уполномоченных, 3) свободно пользоваться услугами своих союзов, 4) свободно выбирать момент открытия совещания, — только тогда пойдут рабочие на совещание. Причём во главу угла выставлялся пункт о признании союзов. Сами же пункты назывались гарантиями. Тут впервые была пущена знаменитая формула: **совещание с гарантиями или никакого совещания!**

Изменяли ли мы тем самым тактике бойкота старых, шендриковских совещаний без рабочих? Ни на йоту! Бойкот старых совещаний оставался в полной неприкосновенности, — мы провозглашали только новое совещание, совещание с гарантиями, и только такое совещание!

Нужно ли доказывать правильность такой тактики, нужно ли доказывать, что лишь при такой тактике сумели бы мы превратить совещание из оружия обмана рабочих в оружие сплочения их вокруг союзов в единую многотысячную армию, могущую постоять за свои требования?

Даже меньшевики, механический союз, «Промысловый Вестник», даже они не могли устоять против такой позиции, провозгласив вслед за нами ультимативность пункта о союзах. У нас имеются в руках документы, говорящие о том, что меньшевики не соглашались не только на совещание, но и на выборы уполномоченных без предварительного удовлетворения пункта о союзах, без выдачи союзам разрешительных записок. Всё это происходило **до** переговоров в организационной комиссии, **до** Совета уполномоченных, **до** выбора уполномоченных. Конечно, теперь они могут заявить, что «ультимативность должна явиться только **в конце** переговоров», что они «**с самого начала** боролись с ультимативностью требований» (см. «Промысловый Вестник» № 21), но ведь это обычные, давно известные «кувырканья» бесхарактерных оппортунистов из лагеря меньшевиков, лишний раз доказывающие выдержанность нашей тактики!

Даже эсеры и дашнаки, предавшие анафеме «всё и вся совещательское», даже они «склонили головы» перед нашей тактикой, решив принять участие в подготовительной работе по совещанию!

Рабочие поняли правильность нашей позиции и в подавляющем большинстве голосовали за неё. Из тридцати пяти тысяч опрошенных рабочих за эсеров и дашнаков (безусловный бойкот) голосовало только

8 тысяч, за меньшевиков (безусловное совещание) — 8 тысяч, за нашу тактику, за тактику совещания с гарантиями — 19 тысяч.

Таким образом, рабочие не приняли тактику меньшевиков, тактику совещания без рабочих, без гарантий. Рабочие не приняли и тактику дашнако-эсеров, тактику заоблачного бойкота и неорганизованной общей забастовки. Рабочие высказались за совещание с гарантиями, за планомерное использование всего хода совещания в целях организации общей забастовки.

Вот где секрет срыва совещания!

Нефтепромышленники в один голос высказались за совещание без гарантий. Этим они одобрили тактику меньшевиков. Мы заявляем, что это самое лучшее доказательство ошибочности позиции меньшевиков.

Но так как рабочие отвергли совещание без гарантий, то нефтепромышленники перевернули свою тактику и... сорвали совещание, забойкотировали его. Тем самым они выразили солидарность тактике дашнако-эсеров. Мы заявляем, что это самое лучшее доказательство негодности позиции дашнако-эсеров.

Тактика бакинского пролетариата оказалась единственно правильной.

Потому и нападают на неё все силы нефтяной буржуазии. В то время, как нефтяная буржуазия вполне одобряет меньшевистское совещание без гарантий, а на худой конец сама хватается за бойкот дашнако-эсеров, она ни за что не хочет мириться с бакинским пролетариатом, провозглашающим совещание с гарантиями!

Оно и понятно. Представьте только такую картину: удовлетворяются известные пункты — гарантии; поднимается самое широкое обсуждение рабочих требований; Совет уполномоченных всё более и более укрепляется в массах; в ходе выработки требований массы сплачиваются вокруг своего совета, а через него вокруг союзов; пятидесятитысячная масса, организованная в единую армию, предъявляет нефтепромышленникам требования; нефтепромышленники принуждены сдаться без боя, или считаться с серьёзно организованной общей забастовкой, поднятой в самый неудобный для них момент,— ну разве это выгодно для нефтяной буржуазии? Как же после этого не лаяться и не мяукать буржуазным зверюшкам из «Нефтяного Дела» и «Баку» [72]? Так долой же его, это самое совещание, раз оно неосуществимо без проклятых гарантий — говорят нефтепромышленники, срывая совещание.

Вот где причина срыва совещания властями и нефтепромышленниками.

Так говорит история совещания.

А «Промысловый Вестник», забыв всё это, продолжает петь о «бестактности руководителей», неумно повторяя и пережёвывая передовицы «Баку» и «Нефтяного Дела»! Даже грузинская газета тифлисских меньшевиков сочла нужным «возвысить свой голос», подпевая бакинским кадетам [73]! Жалкие подголоски!

Какова должна быть, однако, наша тактика ввиду нового положения вещей?

Нефтепромышленники сорвали совещание. Они вызывают на общую забастовку. Значит ли это, что мы должны ответить немедленной общей забастовкой? Конечно, нет! Не говоря уже о том, что нефтепромышленники уже успели собрать громадные запасы нефти, что они давно готовятся к отпору общей забастовке, мы

не должны забывать, что сами мы ещё не готовы для такой серьёзной борьбы. Мы должны пока что решительно отказаться от общей экономической забастовки.

Целесообразной формой отступления, соответствующей моменту, должна быть признана лишь забастовка по фирмам. Меньшевики, отрицающие чуть ли не из «принципа» целесообразность таких забастовок (см. брошюру Л. А. Рина [74]), глубоко заблуждаются. Опыт весенних забастовок показывает, что, при активном вмешательстве союзов и нашей организации, забастовка по фирмам может оказаться одним из самых верных средств для сплочения пролетариата. Тем крепче мы должны ухватиться за это средство: мы не должны забывать, что наша организация будет расти лишь по мере активного вмешательства во все дела борьбы пролетариата.

Такова наша ближайшая тактическая задача.

Власти, сорвав совещание, хотят вконец уничтожить так называемую «бакинскую свободу». Значит ли это, что мы должны совершенно уйти в подполье, предоставив поле деятельности чёрным силам? Конечно, нет! Как бы ни свирепствовала реакция, как бы ни разрушала она наши союзы и организации, она не может уничтожить промыслово-заводских комиссий, не вызвав «анархии и столкновений» на заводах и промыслах. Нашей обязанностью является укрепить эти комиссии, заразив их духом социализма и объединив по фирмам. А для этого в свою очередь необходимо, чтобы наши заводские и промысловые ячейки систематически выступали во главе таких комиссий, объединившись в свою очередь через своих представителей тоже по фирмам, междурайонно.

Таковы наши ближайшие организационные задачи.

Выполняя же эти ближайшие задачи и укрепляя тем самым союзы и нашу организацию, мы сумеем спаять воедино многотысячную массу нефтяных рабочих для будущих битв с нефтяным капиталом.

Напечатано в приложении к газете «Бакинский Пролетарий» № 5, 20 июля 1908 г.

Подпись: К о б а

Печатается по тексту приложения к газете «Бакинский Пролетарий»

ПАРТИЙНЫЙ КРИЗИС И НАШИ ЗАДАЧИ

Ни для кого не тайна, что партия наша переживает тяжёлый кризис. Уход членов из партии, сокращение и слабость организаций, оторванность последних друг от друга, отсутствие объединённой партийной работы,— всё это говорит о том, что партия больна, что она переживает серьёзный кризис.

Первое, что особенно угнетает партию — это оторванность её организаций от широких масс. Было время, когда наши организации насчитывали в своих рядах тысячи, а вели за собой сотни тысяч. Тогда партия имела прочные корни в массах. Теперь не то. Вместо тысяч в организациях остались десятки, в лучшем случае, сотни. Что же касается руководства сотнями тысяч, то об этом не стоит и говорить. Правда, партия наша пользуется широким **идейным** влиянием на массы, её знают массы, её уважают массы. Этим прежде всего и отличается партия «после революции» от партии «до революции». Но этим собственно и исчерпывается всё влияние партии. Между тем одного идейного влияния далеко ещё недостаточно. Дело в том, что широта **идейного** влияния разбивается об узость **организационного**

закрепления,— вот где источник оторванности наших организаций от широких масс. Достаточно указать на Петербург, где в седьмом году насчитывалось около 8 тысяч членов, а теперь едва наберётся 300—400 членов,— чтобы сразу понять всю серьёзность кризиса. Мы уже не говорим о Москве, Урале, Польше, Донецком бассейне и т. д., переживающих такое же состояние.

Но это ещё не всё. Партия страдает не только оторванностью от масс, но и оттого, что её организации ничем не связаны друг с другом, не живут одной партийной жизнью, оторваны друг от друга. Петербург не знает, что делается на Кавказе, Кавказ не знает, что делается на Урале и т. д., каждый уголок живёт своей особой жизнью. Говоря строго, нет уже фактически той единой, живущей одной общей жизнью, партии, о которой мы все с гордостью говорили в пятом-шестом-седьмом годах. Мы переживаем самое безобразное кустарничество. Существующие заграничные органы «Пролетарий» [75] и «Голос» [76], с одной стороны, «Социал-Демократ» [77], с другой, не связывают и не могут связать рассеянных по России организаций, не могут дать им единую партийную жизнь. Да и странно было бы думать, что заграничные органы, стоящие вдали от русской действительности, смогут связать воедино работу партии, давно уже прошедшей стадию кружковщины. Правда, между оторванными друг от друга организациями существует много общего, **идейно** их связывающего,— у них имеется одна общая, выдержавшая критику революции, программа, общие, одобренные революцией, практические принципы, славные революционные традиции. В этом именно и заключается

второе важное различие партии «после революции» от партии «до революции». Но этого ещё недостаточно. Дело в том, что идейное единство партийных организаций далеко ещё не спасает партию от их организационной раздроблённости и оторванности друг от друга. Достаточно указать на то, что даже простое письменное осведомление не поставлено в партии на сколько-нибудь желательную высоту. Мы уже не говорим о действительном связывании партии в единый организм.

Итак: 1) оторванность партии от широких масс и 2) оторванность её организаций друг от друга — такова суть кризиса, переживаемого партией.

Не трудно понять, что причиной всего этого является кризис самой революции, временное торжество контрреволюции, затишье после выступлений, потеря, наконец, всех тех полусвобод, которыми пользовалась партия в продолжение пятого-шестого годов. Партия развивалась, расширялась и укреплялась пока революция подвигалась вперёд, пока существовали свободы. Революция отступила, свобод не стало, — и партия начала хиреть, открылось бегство интеллигентов из партии, а потом и наиболее колеблющихся рабочих. В частности, бегство интеллигентов ускорялось ростом партии, собственно передовых рабочих, переросших своими сложными запросами скудный умственный багаж «интеллигентов пятого года».

Отсюда, конечно, далеко ещё не следует, что до наступления будущих свобод партия должна прозябать в кризисе, как это ошибочно думают некоторые. Ведь, во-первых, наступление самих свобод во многом зависит от того, сумеет ли партия выйти из кризиса здоровой и обновлённой: свободы не падают с неба, они

берутся, между прочим, благодаря хорошо организованной рабочей партии. Во-вторых, известные всем законы борьбы классов говорят нам, что всё более усиливающаяся организованность буржуазии неминуемо должна повлечь за собой соответствующую организованность пролетариата. А ведь всякому известно, что предварительное обновление нашей партии, как единственно рабочей, является необходимым условием роста организованности нашего пролетариата, как класса.

Следовательно, оздоровление партии до наступления свобод, освобождение её от кризиса не только возможно, но и неизбежно.

Весь вопрос в том, чтобы найти способы этого оздоровления, открыть те пути, при помощи которых партия 1) свяжется с массой и 2) объединит в единый организм оторванные друг от друга организации.

* * *

Итак, как может выйти из кризиса наша партия, что нужно предпринять для этого?

Сделать партию возможно легальной и сплотить её вокруг легально-думской фракции, говорят нам одни. Но как её сделать возможно легальной, когда самые безобидные легальные учреждения, вроде культурных обществ и т. д., терпят жестокие гонения? Неужели путём отказа от её революционных требований? Но ведь это значило бы похоронить партию, а не обновить её! Кроме того, каким образом может думская фракция связать партию с массой, когда она сама оторвана не только от масс, но и от партийных организаций?

Ясно, что такое решение вопроса ещё больше запутает его, затруднив партии выход из кризиса.

Передать самим рабочим возможно больше партийных функций и тем освободить партию от непостоянных интеллигентских элементов, говорят нам другие. Нет сомнения, что освобождение партии от ненужных гостей и сосредоточение функций в руках самих же рабочих во многом помогло бы делу обновления партии. Но не менее ясно и то, что одна только «передача функций» при старой системе организации, при старых способах партийной работы, при «руководстве» из-за границы не сможет связать партию с массой и спаять её в единое целое.

Очевидно, полумерами ничего серьёзного не сделаешь,— необходимо отыскать коренные средства для коренного исцеления больной партии.

Партия страдает прежде всего оторванностью от масс, её надо во что бы то ни стало связать с этой массой. Но это возможно, при наших условиях, прежде всего и главным образом на почве тех вопросов, которые особенно волнуют широкие массы. Возьмём хотя бы факт обнищания масс и наступление капитала. Над головами рабочих ураганом прошли грандиозные локауты, а сокращение производства, произвольные расчёты, уменьшение платы, удлинение рабочего дня и, вообще, наступление капитала продолжаются до сих пор. Трудно представить, какие боли, какое напряжение мысли вызывает всё это среди рабочих, какая масса «недоразумений» и конфликтов возникает между рабочими и хозяевами, какая масса интересных вопросов появляется на этой почве в головах рабочих. Пусть же наши организации, наряду с общеполитической работой, неустанно вмешиваются во все эти мелкие столкновения, пусть связывают их с великой борьбой классов и,

поддерживая массы в их повседневных протестах и запросах, демонстрируют на живых фактах великие принципы нашей партии. Ведь для всякого должно быть ясно, что только на такой почве можно расшевелить «прижатые к стене» массы, только на этой почве можно «сдвинуть» их с проклятой мёртвой точки. А «сдвинуть» их с этой точки — это именно и значит сплотить их вокруг наших организаций.

Фабричные и заводские партийные комитеты — вот те органы партии, которые могли бы с наибольшим успехом развить такую работу в массах. Передовые рабочие, входящие в фабрично-заводские комитеты,— вот те живые люди, которые могли бы сплотить вокруг партии окружающие их массы. Необходимо только, чтобы фабрично-заводские комитеты неустанно вмешивались во все дела борьбы рабочих, отстаивали их повседневные интересы и связывали последние с коренными интересами класса пролетариев. Фабрично-заводские комитеты, как основные бастионы партии — такова задача.

Далее, в интересах того же сближения с массой необходимо, чтобы и остальные, высшие организации партии строились применительно к защите не только политических, но и экономических интересов масс. Необходимо, чтобы от внимания организации не ускользала ни одна сколько-нибудь важная отрасль производства. А для этого необходимо, чтобы при постройке организации принцип территориальный дополнялся принципом производственным, т. е. чтобы, например, фабрично-заводские комитеты различных отраслей производства группировались в различные подрайоны, по производству, с тем чтобы эти подрайоны территориально объединялись в районы и т. д. Не беда,

если количество подрайонов слишком разрастётся,— зато организация выиграет в прочности и стойкости своего фундамента, она теснее свяжется с массой.

Ещё больше значения имеет в деле разрешения кризиса состав партийных организаций. Необходимо, чтобы опытнейшие и влиятельнейшие из передовых рабочих находились во всех местных организациях, чтобы дела организации сосредоточивались в их крепких руках, чтобы они, и именно они, занимали важнейшие посты в организации от практических и организационных вплоть до литературных. Не беда, если занявшие важные посты рабочие окажутся недостаточно опытными и подготовленными, пусть даже спотыкаются на первых порах,— практика и советы более опытных товарищей расширят их кругозор и выработают из них в конце концов настоящих литераторов и вождей движения. Не надо забывать, что Бебели не падают с неба, они вырабатываются лишь в ходе работы, в практике, а наше движение теперь более чем когда-либо нуждается в русских Бебелях, в опытных и выдержанных вождях из рабочих.

Вот почему нашим организационным лозунгом должно быть: «шире дорогу передовикам во все сферы партийной работы», «побольше простору для них»!

Само собой понятно, что, кроме желания и инициативы руководить, передовикам нужны ещё серьёзные знания. Рабочих же со знаниями у нас мало. Но здесь именно и пригодится помощь опытных и деятельных интеллигентов. Необходимо создать высшие кружки, «собеседования» передовиков, хотя бы по одному в районе, и систематически «проходить» теорию и практику марксизма,— всё это значительно пополнило бы

пробелы передовиков, выработав из них будущих лекторов и идейных руководителей. Одновременно с этим необходимо почаще выступать передовикам с рефератами на своих заводах и фабриках, «практиковаться во-всю», не останавливаясь перед опасностью «провалиться» в глазах аудитории. Надо раз навсегда отбросить излишнюю скромность и боязнь перед аудиторией, надо вооружиться дерзостью, верой в свои силы: не беда, если промахнёшься на первых порах, раза два споткнёшься, а там и привыкнешь самостоятельно шагать, как «Христос по воде».

Словом, 1) усиленная агитация на почве повседневных нужд, связываемых с общеклассовыми нуждами пролетариата, 2) организация и укрепление фабрично-заводских комитетов, как наиболее серьёзных районных пунктов партии, 3) «передача» важнейших партийных функций в руки передовиков, 4) организация «собеседований» передовиков — таковы те пути, благодаря которым наши организации смогут сплотить вокруг себя широкие массы.

Нельзя не отметить, что сама жизнь намечает указанные пути для разрешения партийного кризиса. Центральный район и Урал давно обходятся без интеллигентов, там сами рабочие орудуют делами организации. В Сормове, Луганске (Донецкий бассейн), Николаеве — там рабочие издавали в восьмом году листки, в Николаеве, кроме листков,— и нелегальный орган. А в Баку организация систематически вмешивалась и вмешивается во все дела борьбы рабочих, не пропускала и не пропускает почти ни одного столкновения рабочих с нефтепромышленниками, ведя, конечно, наряду с этим общеполитическую агитацию. Этим, между прочим, и

объясняется, что Бакинская организация до сих пор сохранила связи с массой.

Так обстоит дело со способами связывания партии с широкими рабочими массами.

Но партия страдает не только оторванностью от масс. Она страдает ещё оторванностью своих организаций друг от друга.

Перейдём к этому последнему вопросу.

* * *

Итак, как связать между собой оторванные друг от друга местные организации, как собрать их в одну связную, живущую единой жизнью, партию?

Можно было бы подумать, что устраиваемые иногда общепартийные конференции разрешат задачу, объединят организации. Или издающиеся за границей «Пролетарий», «Голос» и «Социал-Демократ» в конце концов соберут, сплотят партию. Нет сомнения, что как одни, так и другие имеют немалое значение для связывания организаций. До сих пор, по крайней мере, конференции и заграничные органы являлись единственным средством объединения оторванных друг от друга организаций. Но, во-первых, конференции, устраиваемые к тому же очень редко, могут связать организации лишь на время и потому не так прочно, как это нужно, вообще: в промежутках между конференциями связи порываются, и фактическое кустарничество остаётся по-старому. Во-вторых, что касается заграничных органов, не говоря уже о том, что они попадают в Россию в весьма ограниченном количестве,— они естественно отстают от хода партийной жизни в России, не в состоянии своевременно заметить

и затронуть волнующие рабочих вопросы — и потому — не могут прочными узами связать воедино наши местные организации. Факты говорят, что со времени Лондонского съезда партия смогла устроить две конференции [78] и издать десятки номеров заграничных органов, и всё-таки дело связывания наших организаций в действительную партию, дело разрешения кризиса едва-едва подвинулось вперёд.

Следовательно, конференции и заграничные органы, весьма важные для связывания партии, недостаточны, однако, для разрешения кризиса, для прочного объединения местных организаций.

Очевидно, нужна радикальная мера.

А такой мерой могла бы явиться одна лишь общерусская газета, газета, стоящая в центре партийной работы и издающаяся в России.

Объединить рассеянные по России организации возможно лишь на общей партийной работе. Общая же работа невозможна без объединения опыта местных организаций в одном общем центре, откуда бы обобщённый партийный опыт распространялся потом по всем местным организациям. Общерусская газета могла бы явиться именно таким центром, центром, руководящим партийной работой, объединяющим и направляющим её. Но чтобы она могла действительно руководить работой, для этого необходимо, чтобы к ней систематически притекали с мест запросы, заявления, письма, корреспонденции, жалобы, протесты, планы работы, вопросы, волнующие массы, и т. д.; чтобы между газетой и местами существовала самая тесная связь, самые прочные нити; чтобы газета, располагая, таким образом, достаточным количеством материала, могла своевременно

заметить, затронуть и осветить необходимые вопросы, выжать из материала необходимые указания, лозунги и сделать их достоянием всей партии, всех своих организаций...

Без таких *условий нет* руководства партийной работой, без руководства работой — нет прочного связывания организаций в одно целое!

Вот почему мы подчёркиваем необходимость именно общерусской (а не заграничной) и именно руководящей (а не просто популярной) газеты.

Нечего и говорить, что единственным учреждением, могущим взять в руки организацию и ведение такой газеты,— является Центральный Комитет партии. Задача руководства партийной работой и без того составляет обязанность Центрального Комитета. Но она плохо исполняется в настоящее время, результатом чего является почти полная разобщённость местных организаций. Между тем хорошо поставленная общерусская газета могла бы явиться в руках ЦК самым действительным оружием для действительного сплочения партии и руководства партийной работой. Мало того, мы утверждаем, что только таким путём может превратиться ЦК из фиктивного центра в действительный, общепартийный центр, на деле связывающий партию и на деле задающий тон её работе. Ввиду этого организация и ведение общерусской газеты составляет прямую задачу Центрального Комитета.

Итак, общерусская газета, как орган, объединяющий и сплачивающий партию вокруг Центрального Комитета — такова задача, таков путь разрешения кризиса, переживаемого партией.

Резюмируем всё сказанное. Вследствие кризиса революции, наступил кризис и в партии — организации потеряли прочные связи с массой, партия раздробилась на отдельные организации.

Необходимо связать наши организации с широкими массами — эта задача местная.

Необходимо связать упомянутые организации между собой, вокруг Центрального Комитета партии,— эта задача центральная.

Для разрешения местной задачи необходима, наряду с общеполитической агитацией, агитация экономическая на почве острых повседневных нужд, систематическое вмешательство в борьбу рабочих, создание и укрепление фабрично-заводских партийных комитетов, сосредоточение в руках передовых рабочих возможно больше партийных функций, организация «собеседований» передовиков для воспитания выдержанных и вооружённых знаниями вождей рабочих.

Для разрешения же центральной задачи необходима общерусская газета, связывающая местные организации с Центральным Комитетом партии и объединяющая их в одно целое.

Только при разрешении этих задач может выйти партия из *кризиса* здоровой и обновлённой, только при выполнении этих условий может взять на себя партия ответственную роль достойного авангарда геройского русского пролетариата.

Таковы пути для разрешения партийного кризиса.

Нечего и говорить, что чем полнее будут использованы партией окружающие её легальные возможности, от думской трибуны и профессиональных союзов до

кооперативов и похоронных касс, тем скорее будет выполнена задача разрешения кризиса, задача обновления и оздоровления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Газета «Бакинский Пролетарий» №№ 6 и 7; 1 и 27 августа 1909 г.
Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ

Тяжёлое время переживают бакинские рабочие. Наступление нефтепромышленников, начавшееся весной прошлого года, всё ещё продолжается. Старые завоевания рабочих отбираются без остатка. А рабочим «приходится» молчать, терпеть «без конца».

Заработная плата сокращается путём прямой убавки, или отнятия квартирных, наградных и т. п. Рабочий день удлиняется, поскольку трёхсменная работа заменяется двухсменной, а сверхурочные и отрядные работы делаются фактически обязательными. Так называемое «сокращение штата» продолжается по-старому. Рабочих — особенно сознательных — рассчитывают за пустяки, а то и без всякого повода. «Чёрные списки» применяются самым бесцеремонным образом. Система «постоянных» рабочих заменяется системой «временных», марочных, которых всегда можно лишить заработка из-за пустяков. «Система» штрафов и побоев действует во-всю. Промыслово-заводские комиссии не признаются больше. Закон об увечьях обходится самым наглым образом. Медицинская помощь доведена до минимума. «Каторжный закон»

десятикопеечного больничного сбора продолжает действовать. Гигиена и санитария в загоне. Хромает школьное дело. Нет народных домов. Нет вечерних курсов. Нет лекций. Есть только расчёты и ещё раз расчёты! До чего дошла наглость нефтепромышленников, видно из того, что многие крупные фирмы, например «Каспийское товарищество», во избежание квартирных, прямо запрещают «своим» рабочим жениться без разрешения фирменной администрации. И всё это сходит нефтяным королям. И они продолжают издеваться над рабочими, чувствуя свою силу, видя успешность хитро задуманной наступательной тактики.

А успешность наступления нефтепромышленников далеко не случайна. Она вполне обусловливается многими благоприятными для этого внешними обстоятельствами. Это — прежде всего, общее затишье в России, создавшаяся контрреволюционная обстановка, представляющая благоприятную атмосферу для наступления капитала. Нечего и говорить, что при других условиях нефтепромышленникам пришлось бы приумерить свои аппетиты. Затем, чисто лакейская услужливость местной администрации во главе с погромщиком Мартыновым, готовой на всё в угоду нефтепромышленникам,— вспомним хотя бы «мирзоевское дело». Далее, слабая организованность рабочих, в значительной мере обусловленная непостоянным характером состава промысловой массы. Для всякого ясна важность промысловых рабочих в борьбе с нефтепромышленниками, между тем именно они и являются наиболее связанными с деревней, наименее «способными» к организованной борьбе. Наконец, раздроблённость заработной платы (состоящей, между прочим, из наградных,

квартирных, дорожных, банных и т. п.), облегчающая сокращение последней. Нечего и доказывать, что прямое сокращение заработной платы не так легко, как замаскированное сокращение её по частям, в виде постепенного отбирания наградных, квартирных, дорожных и т. п., при иллюзии оставления «самой» заработной платы в прежних размерах.

Естественно, что всё это в связи с ростом опыта и организованности нефтепромышленников значительно облегчает дело наступления капитала в нефтяном царстве.

Когда прекратится это бешеное наступление нефтяных королей, есть ли пределы их наглости — это зависит от того, встретят ли они сильный, организованный отпор со стороны рабочих.

Ясно пока одно, что нефтепромышленники хотят «окончательно» сломить рабочих, «раз навсегда» отбить охоту бороться, «во что бы то ни стало» превратить «своих» рабочих в послушных рабов. Такую цель преследовали они ещё весной прошлого года, когда, сорвав совещание, попытались спровоцировать рабочих на неорганизованную общую забастовку, чтобы сразу покончить с ними. Эту же цель преследуют они теперь, злостно-систематически наступая на рабочих и часто вызывая их на стихийные выступления.

Рабочие пока-что молчат, безмолвно переносят удары нефтепромышленников, накопляя в груди злобу. Но имея в виду, с одной стороны, что нефтепромышленники всё более наглеют, без конца отбирая оставшиеся крохи, доводя рабочих до обнищания, издеваясь над ними и провоцируя на стихийные вспышки; что, с другой стороны, терпение у рабочих всё более

иссякает, уступая место глухому, всё усиливающемуся ропоту против нефтепромышленников,— имея в виду всё это, можно с уверенностью сказать, что взрыв негодования нефтепромышленных рабочих является прямой неизбежностью в ближайшем будущем. Одно из двух: либо рабочие будут в самом деле «без конца» терпеть, опустившись до положения рабски покорных китайских кули — либо они подымутся против нефтепромышленников, расчистив дорогу к лучшей жизни. Всё более подымающееся в массах негодование свидетельствует о том, что рабочие неизбежно пойдут по второму пути, по пути борьбы с нефтепромышленниками.

А положение нефтяной промышленности таково, что оно вполне допускает не только оборонительную борьбу рабочих, не только удержание старых позиций, но и переход в наступление, но и завоевание новых позиций, дальнейшее увеличение заработной платы, дальнейшее сокращение рабочего дня и т. д.

В самом деле, если барыши нефтепромышленников сказочно велики в настоящее время по сравнению с барышами других предпринимателей России и Европы; если нефтяной рынок не только не сокращается, а, наоборот, растёт, захватывая новые области (например Болгарию); если количество фонтанов всё увеличивается; если цены на нефть не только не падают, а, наоборот, имеют тенденцию к повышению,— то не ясно ли, что рабочие имеют полную возможность разломать цепи рабского терпения, сбросить ярмо постыдного молчания, поднять знамя контрнаступления на нефтепромышленников и отвоевать у них новые, лучшие условия труда?..

Но помня всё это, не надо забывать и то, что предстоящая общая забастовка будет самой серьёзной, самой длительной и упорной из всех забастовок, до сих пор имевших место в Баку. Надо иметь в виду, что если в предыдущих забастовках благоприятствовали нам 1) общий подъём в России, 2) обусловленная этим относительная «нейтральность» местной администрации, 3) неопытность и неорганизованность нефтепромышленников, терявших голову при первой забастовке,— то теперь нет у нас ни того, ни другого, ни третьего. Общий подъём сменился общим затишьем, подбадривающим нефтепромышленников. Относительная «нейтральность» местной администрации — полною её готовностью пустить в ход все средства «усмирения». Неопытность и дезорганизованность нефтепромышленников — их организованностью. Более того, нефтепромышленники до того навострились в борьбе, что сами вызывают рабочих на забастовки. Они не прочь спровоцировать их даже на общую забастовку, лишь бы она была неорганизованной, дающей возможность «зараз скрутить» рабочих.

Всё это говорит о том, что рабочим предстоит серьёзная и трудная борьба с организованными врагами. Борьба неизбежна. Победа возможна, несмотря на множество неблагоприятных условий. Необходимо только, чтобы борьба рабочих была не стихийной, не разрозненной — а организованной, планомерной и сознательной.

Только при этом условии можно будет рассчитывать на победу.

Мы не знаем, когда именно начнётся общая забастовка — во всяком случае не тогда, когда угодно

будет нефтепромышленникам. Знаем пока одно, что надо теперь же открыть упорную подготовительную работу к общей забастовке, вкладывая в неё всю силу своего ума, энергии, храбрости.

Усиление нашей сплочённости, нашей организованности — таково знамя нашей подготовительной работы.

Поэтому надо теперь же приступить к массовому сплочению рабочих вокруг социал-демократии, вокруг союзов. Надо, прежде всего, покончить с расколом в организации, объединив обе фракции в единое целое. Надо покончить также с расколом в союзах, объединив их в один сильный союз. Необходимо оживить промыслово-заводские комиссии, заразить их духом социализма, связать их с массами и через них самим связаться со всей нефтяной армией. Необходимо приступить к выработке общих требований, могущих сплотить рабочих в одну сильную армию. Необходимо постоянно вмешиваться во все столкновения рабочих с нефтепромышленниками и тем на деле сплачивать рабочих вокруг социал-демократии. Словом, надо готовиться без устали, во-всю, чтобы достойно встретить трудную, но славную грядущую общую забастовку.

Мы призываем к дружной работе по подготовке к общей экономической забастовке.

Газета «Бакинский Пролетарий» № 7, 27 августа 1909 г.
Подпись: К. Ко...

Печатается по тексту газеты

ИЗ ПАРТИИ[79]

Ниже мы помещаем резолюцию Бакинского комитета о разногласиях в редакции «Пролетария». Разногласия эти не новость, по поводу них давно идёт полемика в нашей заграничной прессе. Говорят даже о расколе во фракции большевиков. Между тем бакинские рабочие мало или совершенно незнакомы с содержанием этих разногласий. Мы считаем поэтому необходимым предпослать резолюции некоторые пояснения.

Прежде всего о расколе во фракции большевиков. Мы заявляем, что во фракции нет и не было никакого раскола, есть только разногласия по вопросу о легальных возможностях. А разногласия такого сорта всегда были и будут в такой богатой и живой фракции, как большевистская. Всякому известно, что во фракции были в одно время довольно серьёзные разногласия по вопросу об аграрной программе, о партизанских выступлениях, о союзах и партии, и, несмотря на то, фракция не кололась, так как по другим крупным тактическим вопросам во фракции царила полная солидарность. То же самое надо сказать и о данном случае. Стало быть, толки о расколе во фракции — чистейшая выдумка.

Что касается самих разногласий, в расширенной редакции «Пролетария»[80], состоящей из 12-ти человек, наметилось два течения: большинство редакции (10 человек против 2 человек) думает, что легальные возможности в виде союзов, клубов, особенно думской трибуны должны быть использованы в интересах укрепления партии, что партия не должна отзывать думскую фракцию из Думы, что она должна, наоборот, помогать фракции исправить свои ошибки и вести правильную открытую социал-демократическую агитацию с думской трибуны. Меньшинство редакции (двое), вокруг которого группируются так называемые отзовисты и ультиматисты, наоборот, думает, что легальные возможности не представляют особой ценности, оно с недоверием смотрит на думскую фракцию, не находит нужным поддерживать фракцию и не прочь при известных условиях даже отозвать её из Думы.

Бакинский комитет находит, что точка зрения меньшинства редакции не отвечает интересам партии и пролетариата, и потому решительно высказывается за позицию большинства редакции, представителем которого является товарищ Ленин.

РЕЗОЛЮЦИЯ БАКИНСКОГО КОМИТЕТА О РАЗНОГЛАСИЯХ В РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»

Бакинский комитет обсудил положение дел в расширенной редакции «Пролетария» по печатным документам, присланным обеими частями редакции, и пришёл к следующему заключению.

1) С точки зрения существа дела позиция большинства редакции по вопросам о думской и внедумской работе является единственно правильной. БК полагает, что только такая позиция может быть названа действительно большевистской, большевистской по духу, а не по букве только.

2) «Отзовизм», как течение во фракции, является результатом вредной для партии недооценки легальных возможностей, особенно думской трибуны. БК утверждает, что при настоящих условиях затишья, при отсутствии других более серьёзных средств открытой социал-демократической агитации, работа с думской трибуны может и должна являться одной из важных отраслей партийной работы.

3) «Ультиматизм», как постоянное напоминание думской фракции о партийной дисциплине, — не составляет никакого течения во фракции большевиков. Поскольку же он старается занять положение особого течения, ограничивающегося демонстрацией прав ЦК по отношению к думской фракции, — «ультиматизм» является худшим видом «отзовизма». БК утверждает, что только неустанная работа ЦК во фракции и над фракцией может сделать последнюю действительно партийной и дисциплинированной. БК полагает, что факты последних месяцев из деятельности думской фракции доказывают всё это с очевидностью.

4) Так называемое «богостроительство», как литературное течение, и вообще, привнесение религиозных элементов в социализм, — является результатом ненаучного и потому вредного для пролетариата толкования основ марксизма. БК подчёркивает, что марксизм сложился и выработался в определённое мировоззрение не благодаря союзу с религиозными элементами, а в результате беспощадной борьбы с ними.

5) Исходя из всего сказанного, БК считает, что беспощадная идейная борьба с указанными течениями, группирующимися вокруг меньшинства редакции, является одной из настоятельных очередных задач партийной работы.

6) С другой стороны, исходя из того, что обе части редакции, несмотря на указанные разногласия, в вопросах большей важности для фракции солидарны между собой (оценка момента, роль пролетариата и других классов в революции и т. д.),— БК полагает, что единство фракции, а значит, и совместная работа обеих частей редакции, является возможной и необходимой.

7) Ввиду этого БК не согласен с организационной политикой большинства редакции и протестует против всяких «извержений из нашей среды» сторонников меньшинства редакции. БК равно протестует против поведения т. Максимова, заявившего о неподчинении решениям редакции и тем давшего новый повод для новых, более сильных трений.

8) Как практическую меру для ликвидации создавшегося ненормального положения БК предлагает конференцию большевиков, параллельную конференции общепартийной [81].

По вопросам о «школе в NN» и об отношении к «левым меньшевикам» БК воздерживается пока от принятия определённых резолюций за неимением достаточного количества материалов.

2 августа 1909 г.

Газета «Бакинский Пролетарий» № 7, 27 августа 1909 г. *Печатается по тексту газеты*

О ДЕКАБРЬСКОЙ ЗАБАСТОВКЕ И ДЕКАБРЬСКОМ ДОГОВОРЕ

(По поводу пятой годовщины)

Товарищи!

Сегодня исполнилось 5 лет со дня объявления в районах Баку общей экономической забастовки в декабре 1904 г.

В эти дни исполнится 5 лет со времени выработки рабочими и нефтепромышленниками знаменитого декабрьского договора, нашей «мазутной конституции».

Мы с гордостью вспоминаем эти дни, ибо они являются днями нашей победы, днями поражения нефтепромышленников!

Перед нами встаёт известная всем нам славная картина, когда тысячные массы бастующих рабочих, окружив «Электрическую Силу», диктовали своим делегатам декабрьские требования, а представители нефтепромышленников, приютившиеся в «Электрической Силе» и осаждённые рабочими,— «выражали свою солидарность», подписывали договор, «соглашались на всё»...

Это была действительная победа бедняков-пролетариев над богачами-капиталистами, победа, положившая начало «новым порядкам» в нефтяной промышленности.

До декабрьского договора мы работали в среднем 11 часов в день,— после же договора установили 9 часов работы, постепенно вводя для рабочих по добыче восьмичасовой рабочий день.

До декабрьского договора мы получали в среднем около 80 копеек,— после же договора повысили плату до рубля с копейками в день.

До декабрьской забастовки нам не выдавали ни квартирных денег, ни квартирного довольствия,— благодаря же забастовке мы добились для мастеровых как того, так и другого, оставалось только распространить их на остальных рабочих.

До декабрьской забастовки на промыслах и заводах царил полный произвол лакеев капитала, безнаказанно избивавших и штрафовавших нас,— благодаря же забастовке установился известный порядок, известная «конституция», в силу которой мы получили возможность выражать свою волю через своих делегатов, сообща договариваться с нефтепромышленниками, сообща устанавливать с ними взаимные отношения.

Из «амшары»[32] и «вьючного животного» мы сразу превратились в людей, борющихся за лучшую жизнь!

Вот что нам дали декабрьская забастовка и декабрьский договор!

Но это не всё. Основное, что дала нам декабрьская борьба — это вера в свои силы, уверенность в победе, готовность к новым битвам, сознание того, что цепи капиталистического рабства можно будет разбить «своей лишь собственной рукой»...

С тех пор мы всё время подвигались вперёд, увеличивая заработную плату, распространяя квартирные на промысловых, упрочивая «мазутную конституцию»,

добиваясь частичного признания промыслово-заводских комиссий, организуясь в союзы, сплачиваясь вокруг социал-демократии...

Но всё это продолжалось недолго. После отступления революции и усиления контрреволюции, особенно с начала 1908 года, нефтепромышленники, фарисейски ссылаясь на сокращение добычи и нефтяного рынка, начинают отбирать старые завоевания. Они отбирают наградные и квартирные. Вводят двухсменную работу с 12-ю часами работы вместо трёхсменной с 8-ю часами. Они сокращают медицинскую помощь. Они уже отобрали народные дома и отбирают школы, откладывая на них жалкие гроши, в то время как на полицию ежегодно тратят свыше 600 тысяч рублей. Мы уже не говорим о восстановлении побоев и штрафов, об уничтожении комиссий, о гонениях на союзы со стороны слуг царского правительства — лакея крупного капитала...

Таким образом за последние 2 года не только заставили нас отказаться от дальнейшего улучшения нашего положения, но и ухудшили старое положение, отобрали старые завоевания, отбросив нас к старым, до-декабрьским временам.

И вот теперь, 13 декабря, в день пятой годовщины победоносной декабрьской забастовки, когда нефтепромышленники трепетали перед нами, а мы, наступая, завоёвывали новые права,— именно сегодня встаёт перед нами серьёзный вопрос, волнующий массы нефтяных рабочих: долго ли ещё мы будем молчать, есть ли предел нашему терпению, и не следует ли нам порвать цепи молчания и поднять знамя общей экономической забастовки за наши кровные требования?

Судите сами. Добыча этого года достигла 500 миллионов пудов — цифра, до которой не доходила добыча ни одного из последних четырёх годов. Цены на нефть отнюдь не падают, ибо средняя цена за год получается та же, что и в прошлом году,— 21 копейка. Фонтанной нефти, не требующей затрат,— всё больше и больше. Рынок расширяется изо дня в день, отказываясь от каменного угля и переходя на нефть. Вывоз нефти безостановочно растёт. Между тем, чем более улучшаются дела нефтепромышленников, чем больше «прибыли» выжимают из рабочих, тем несноснее становятся они по отношению к последним, тем сильнее давят рабочих, тем усерднее рассчитывают сознательных товарищей, тем решительнее отбирают последние крохи!

Не ясно ли, товарищи, что положение нефтяной промышленности делается всё более благоприятным для общей борьбы нефтяных рабочих, а вызывающие действия нефтепромышленников неминуемо толкают рабочих к такой борьбе?

Ибо, товарищи, одно из двух: либо мы будем без конца терпеть, опустившись до положения бессловесных рабов,— либо подымемся на общую борьбу за наши общие требования.

Всё наше прошлое и настоящее, наша борьба и наши победы говорят за то, что мы изберём второй путь, путь общей забастовки за повышение заработной платы и восьмичасовой рабочий день, за посёлки и квартирные, за народные дома и школы, за медицинскую помощь и вознаграждение увечных, за права промыслово-заводских комиссий и союзов.

И мы возьмём своё, товарищи, несмотря на неслыханные репрессии, несмотря на растущую организованность

нефтепромышленников, мы скрутим наших хозяев, как скрутили их 5 лет назад, если усилим подготовительную работу к общей забастовке, если укрепим наши промыслово-заводские комиссии, если расширим наши союзы, если сплотимся вокруг социал-демократии.

Социал-демократия повела нас к победе в декабре 1904 года, она же поведёт нас к будущим победам через организованную общую забастовку.

Так говорит опыт славной декабрьской борьбы.

Так пусть же сегодняшний день, день открытия победоносной забастовки в декабре четвёртого года, вдохновит нас к дружной и упорной работе по подготовке к общей забастовке!

Пусть наше общее сочувствие к этому дню послужит нефтепромышленникам зловещим предзнаменованием грядущей общей забастовки, руководимой социал-демократией!

Да здравствует грядущая общая забастовка!

Да здравствует Социал-Демократия!

Бакинский комитет РСДРП

13 декабря 1909 г.

Издано отдельной прокламацией

Печатается по тексту прокламации

ПИСЬМА С КАВКАЗА[83]

I

БАКУ

ПОЛОЖЕНИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

После некоторого «успокоения» в стране, после урожая в России и оживления работ в центрально-промышленном районе, нефтяная промышленность вступила в фазу некоторого подъёма. Благодаря рискованности частичных забастовок (ввиду жестоких политических репрессий и растущей организованности нефтепромышленников) недобор нефти, обусловленный забастовками, понизился до какого-нибудь полумиллиона пудов (в 1908 г. равнялся 11, а в 1907 г.— 26 млн. пудов). Отсутствие забастовок и ровный ход тартания послужили одним из благоприятных условий для увеличения количества фонтанной нефти. Создавшаяся же (относительная) прочность в положении нефтяной промышленности вернула ей утерянный за последние годы рынок. Добыча нефти в этом году повысилась до 500 миллионов пудов — цифра, до которой не доходила добыча ни одного из последних четырёх годов (в прошлом году 467 млн. пудов). Благодаря увеличению спроса на жидкое топливо со стороны центрально-промышленного района и переходу с донецкого угля на нефть Юго-Восточной, Рязанско-Уральской

и Московско-Казанской железных дорог, вывоз нефти в этом году значительно обогнал вывоз прошлого года. Цены на нефть, вопреки воплям нефтепромышленников, не падают, а остаются старые, ибо средняя цена за год получается та же, что и в прошлом году (21 копейка). А благословенные скважины то и дело разражаются фонтанами, награждая нефтепромышленников дождём нефти.

Словом, «дела» нефтепромышленников поправляются.

Между тем экономические репрессии не только не ослабевают, а, наоборот, ещё более усиливаются. Отбираются «наградные» и квартирные. Трёхсменная работа (8 часов работы) заменяется двухсменной (12 часов работы), а сверхурочные отрядные работы вводятся в систему. Медицинская помощь и расходы на школы доводятся до минимума (а на полицию тратится нефтепромышленниками свыше 600 тысяч рублей ежегодно!). Столовые и народные дома уже отобраны. Промыслово-заводские комиссии и профессиональные союзы совершенно игнорируются, расчёты сознательных товарищей идут по-старому. Штрафы и побои возобновляются.

Слуги царской власти, полиция и жандармерия,— целиком к услугам нефтяных королей. Наводнение нефтяных районов Баку шпионами и провокаторами, массовая высылка рабочих за малейшую стычку с нефтепромышленниками, полное разрушение фактических «свобод» — привилегий Баку — и аресты за арестами,— такова картина «конституционной» работы местной администрации. Оно и понятно: во-первых, она «по природе» не может не душить всякую, хотя бы самую элементарную «свободу»; во-вторых, она обязана так

поступать ещё потому, что нефтяная промышленность, ежегодно доставляющая казне не менее 40 миллионов рублей «доходу» в виде попудной платы и долевого отчисления с казённых участков, акциза и тарифа за провоз,— «нуждается» в спокойствии, в непрерывности тартания. Мы уже не говорим о том, что всякая заминка в нефтяной промышленности угнетающе отражается на центрально-промышленном районе, а это, в свою очередь, расстраивает «дела» правительства. Правда, в недавнем прошлом правительство считало нужным допускать некоторую «свободу» в нефтяных районах, устраивая «совещание» рабочих и нефтепромышленников. Но это было в прошлом, когда шансы контрреволюции казались ещё не выясненными,— тогда политика заигрываний с рабочими была наиболее выгодной политикой. Теперь уже положение выяснилось, контрреволюция «окончательно» утвердилась,— и политика зверских репрессий заняла место политики заигрываний, погромщик Мартынов заместил сладкопевца Джунковского.

Между тем рабочие окончательно разочаровываются в целесообразности частичных забастовок, они всё решительнее поговаривают об общей экономической забастовке. Тот факт, что «дела» нефтепромышленников поправляются, а прижимки всё-таки растут — до глубины души возмущает, настраивает их на боевой лад. И чем решительнее отбираются старые завоевания, тем полнее зреет в головах рабочих идея общей забастовки, тем с бо́льшим нетерпением «ждут» они «объявления» забастовки.

Организация учла как положение нефтяной промышленности, благоприятное для забастовки, так и

забастовочное настроение рабочих и решила открыть подготовительную работу к общей забастовке. В настоящее время Бакинский комитет занят опросом масс и выработкой общих требований, могущих сплотить весь нефтяной пролетариат. В требования по всей вероятности войдут: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена сверхурочных и отрядных работ, усиление медицинской помощи, посёлки и квартирные, народные дома и школы, признание комиссий и союзов. Организация и её исполнительный орган, Бакинский комитет, полагают, что, несмотря на усиление контрреволюции и растущую организованность нефтепромышленников, рабочим удастся взять своё, если они противопоставят вражеским силам свою классовую организованность в виде объединения промыслово-заводских комиссий, расширения и укрепления союзов, сплочения вокруг социал-демократии. Выбор момента зависит от многоразличных условий, которые заранее трудно учесть. Ясно пока одно, что забастовка неизбежна и готовиться к ней следует, не теряя «ни одной минуты»...

ПРОМЫСЛОВОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Оживление нефтяной промышленности — не единственное важное явление в жизни бакинского пролетариата. Другим не менее важным событием является открывшаяся у нас недавно «земская кампания». Мы говорим о промысловом самоуправлении в нефтяных районах Баку. После известных «предположений» министерства внутренних дел о земстве на окраинах и соответствующего «циркуляра» кавказского наместника о практических мерах введения земства на

Кавказе, нефтепромышленники занялись выработкой проекта промыслового самоуправления. Основы проекта, которые, без сомнения, утвердит очередной (28-й) съезд нефтепромышленников, приблизительно таковы. Промысловый район (Балаханы, Романы, Сабунчи, Сураханы, Биби-Эйбат) выделяется в особую от города и уезда земскую единицу, называемую промысловым самоуправлением. Функции промыслового самоуправления: водоснабжение, освещение, проведение дорог, трамвай, медицинская помощь, народные дома, школы, устройство боен и бань, рабочих посёлков и т. п. Само самоуправление организуется в общем по типу «положения» 1890 г. 12 июня[84] с той разницей, что по «положению» половинное количество членов земства обязательно обеспечивается дворянству, тут же, за неимением дворянства (выделив промысловый район от уезда, нефтепромышленники обезопасили себя от преобладания землевладельцев, создав своё собственное преобладание), то же количество обеспечивается даже не всем, а 23 крупным нефтепромышленникам. Из 46 мест в самоуправлении 6 мест предоставляется представителям ведомств и общественных учреждений; 4 места стотысячному рабочему населению; 18 мест — платящим $^2/_3$ всех налогов, т. е. 23 крупным нефтепромышленникам (весь бюджет около 600 тысяч рублей); 9 мест — платящим $^1/_6$ налогов, т. е. 140—150 средним нефтепромышленникам, находящимся в вассальной зависимости от крупных; остальные 9 мест — мелкой торгово-промышленной буржуазии (около 1 400 человек).

Как видите, перед нами, с одной стороны, привилегированные капиталисты, с другой — чисто промышленное

земство, долженствующее представлять из себя арену резких столкновений между трудом и капиталом.

Организуя такое именно земство, нефтепромышленники хотят: во-первых, переложить со своего «съезда» большинство культурно-хозяйственных функций на промысловое самоуправление, превратив «съезд» в чистый синдикат; во-вторых, — привлечь к участию в расходах на нужды промыслового рабочего населения и остальную буржуазию, владельцев подсобных предприятий, подрядного бурения и т. п. Что же касается четырёх голосов для рабочих, выбирающих «согласно положения 3-ей Государственной думы» (уполномоченные от рабочей курии, а потом 4 выборщика), — то это не только не представляет жертвы со стороны нефтепромышленников, но даже очень выгодно: четыре рабочих голоса для декорации самоуправления — это так «либерально» и... дёшево, что нефтяные короли свободно могли пойти на это.

С другой стороны, нет сомнения, что поскольку промысловое самоуправление объединит в одно целое нефтепромышленную и, так сказать, «подсобную» буржуазию, постольку же оно должно объединить разрозненных до сих пор нефтепромышленных рабочих и рабочих подсобных предприятий, давая им возможность демонстрировать свои общие требования через четырёх своих представителей.

Учитывая всё это, Бакинский комитет в своей резолюции о промысловом самоуправлении решил использовать проектируемое самоуправление **в смысле участия в нём**, в целях агитации за общеэкономические нужды рабочих и усиленной организации последних.

Далее, в видах расширения рамок избирательной системы и исходя из того, что промысловое самоуправление в общем займётся теми же волнующими рабочих вопросами, которыми занимались созывавшиеся до сих пор совещания,— а в последних рабочим всегда предоставлялось равное с нефтепромышленниками количество голосов,— организация требует в своей резолюции равного количества рабочих голосов в самоуправлении, подчёркивая там же, что борьба внутри самоуправления может иметь силу лишь постольку, поскольку она поддерживается борьбой вне самоуправления и служит интересам последней.

Кроме того, принимая во внимание невыгодное для рабочих решение губернского совещания о выделении из района промыслового самоуправления селений: Балаханы, Сабунчи, Романы — в сущности рабочих посёлков,— организация требует введения последних в район промыслового самоуправления.

Наконец, в общей части резолюции, указывая на всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, как необходимое условие свободного развития местных самоуправлений и свободного проявления существующих классовых противоречий, Бакинский комитет подчёркивает необходимость свержения царской власти и созыва всенародного Учредительного собрания, как предварительного условия для создания последовательно-демократических местных самоуправлений...

Промысловое самоуправление пока в стадии формирования. Проект комиссии нефтепромышленников должен быть утверждён съездом нефтепромышленников, далее через канцелярию наместника поступит в министерство внутренних дел, потом в Государственную

думу и т. д. Тем не менее, организация решила теперь же открыть кампанию, созывать собрания на промыслах и заводах в целях разоблачения нефтепромышленников, популяризации в широких массах своей платформы, агитации за всенародное Учредительное собрание. В этих же целях она не откажется как от «участия» в съезде нефтепромышленников, так и от использования думской трибуны, снабдив предварительно нашу фракцию необходимыми материалами.

ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Ввиду некоторых специфически-бакинских условий на промыслах (некоторая возможность собираться, не вполне ещё уничтоженная администрацией; существование промыслово-заводских комиссий), положение организации в Баку выгодно отличается от такового в других частях России. Кроме того, наличность так называемых легальных возможностей тоже облегчает работу. Ввиду этого связей у организации довольно много. Но связи остаются неиспользованными вследствие недостатка сил и средств. Нужна устная и, главным образом, печатная агитация на татарском, армянском и русском языках, но за недостатком средств (и сил) приходится ограничиваться русским языком, между тем как, например, мусульмане рабочие занимают важнейший пост в производстве (тартание) и их относительно больше в количественном отношении, чем русских или армян. «Бакинский Пролетарий» (орган Бакинского комитета) [85], издающийся на русском языке, 3 месяца уже не выходил за неимением, главным образом, средств. На последнем своём заседании

Бакинский комитет принял предложение Тифлисского комитета об издании общего органа по возможности на четырёх или трёх языках (русский, татарский, грузинский, армянский). Членов (в строгом смысле слова) у нашей организации не больше 300. Объединение с тт. меньшевиками (около 100 членов) ещё не перешло в сферу осуществления — пока замечаются только пожелания, ну, а одни только пожелания ещё не ликвидируют раскола. ...Пропаганда идёт только в высших кружках, называемых у нас «собеседованиями». Система лекционная. Чувствуется большой недостаток серьёзной пропагандистской литературы... Плохо действует на партийную массу оторванность от партии, полная неосведомлённость о делах партийных организаций в России. Общерусский орган, регулярно устраиваемые общепартийные конференции и систематические объезды членов ЦК могли бы помочь делу. Из решений общеорганизационного характера, принятых Бакинским комитетом, наиболее важными являются два: об общепартийной конференции и общерусском органе *. По первому вопросу Бакинский комитет считает необходимым возможно скорейший созыв конференции для разрешения назревших, главным образом, организационных вопросов. Наряду с ней Бакинский комитет считает также необходимой конференцию большевиков для ликвидации создавшегося за последние месяцы ненормального положения внутри фракции. По второму вопросу Бакинский комитет, констатируя разобщённость организаций друг от друга и полагая, что только **общерусский орган,** издающийся

* См. настоящий том, стр. 197—200. *Ред.*

в России, мог бы связать партийные организации в единое целое,— предлагает партии заняться организацией такой газеты.

«ЛЕГАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ»

Если наша организация сравнительно легко справилась с кризисом, если она не прерывала никогда своей деятельности и всегда так или иначе отзывалась на все вопросы дня,— то этим она во многом обязана окружающим её «легальным возможностям», до сих пор продолжающим своё существование. Конечно, «легальные возможности» в свою очередь обязаны своим существованием особенным условиям нефтяной промышленности, её особенной роли в общенациональном хозяйстве, но сейчас не об этом речь... Из «легальных возможностей» в Баку — особенно интересны промыслово-заводские комиссии. Комиссии эти выбираются всеми без исключения рабочими данной фирмы без различия национальности и политических убеждений. Их функции — переговоры от имени рабочих с администрацией фирмы по вопросам промыслово-заводского характера. В прямом смысле они ещё не являются легальными организациями, но косвенно и фактически они вполне легальны, ибо существуют на основании «декабрьского договора», целиком вошедшего в «расчётные книжки» рабочих, издаваемые с разрешения властей. Значение промыслово-заводских комиссий для нашей организации понятно: через них наша организация получает возможность организованно влиять на всю массу нефтяных рабочих, необходимо только, чтобы комиссии отстаивали перед массой решения организации. Правда, значение комиссий теперь уже не так

велико, ибо с ними не считаются больше нефтепромышленники, но с комиссиями «считаются» рабочие, а это для нас важнее всего...

Кроме комиссий существуют ещё союзы, собственно два союза: «нефтепромышленных рабочих» (около 900 членов) и «механических рабочих» (около 300 членов). Союз «по добыче» можно игнорировать, ибо его значение слишком незначительно. Мы ничего не говорим о союзах в других профессиях, не имеющих прямого отношения к нефтяной промышленности, а также о нелегальном союзе моряков (около 200 членов) с влиянием эсеров, хотя последний и имеет значение для нефтяной промышленности. Из двух названных союзов, первый (влияние большевиков) особенно популярен среди рабочих. Он построен по принципу производственному и объединяет рабочих всех разрядов нефтяного труда (по добыче, бурению, механические, нефтеперегонные, чернорабочие). Такой тип организации диктуется условиями борьбы, делающими нецелесообразной забастовку, например, механических рабочих независимо от рабочих по добыче и т. п. Это поняли рабочие* и массами начали покидать союз «механических рабочих». Дело в том, что союз «механических рабочих» (влияние меньшевиков), построенный на профессиональных началах, отвергает принцип производственный, предлагая вместо одного общего три отдельных союза (механический, по добыче, по переработке

* Этого ещё не понял Дмитриев, который в своей книге «Из практики профессионального движения» «доказывает» необходимость трёх союзов на основании «анализа» не условий борьбы нефтяных рабочих, а... техники труда: профессии, мол, разные, а потому и союзы должны быть разные...

нефти). Но принцип организации по профессиям давно отвергнут бакинской практикой. Этим, между прочим, и объясняется прогрессивное падение союза «механических рабочих». Впрочем, сознают это и руководители союза, допуская в члены союза и не механических рабочих и ломая тем самым свой собственный принцип. Не будь фальшивого самолюбия у названных руководителей, союз «механических рабочих» давно бы слился с союзом «нефтепромышленных рабочих», открыто признав свою ошибку.

Кстати о слиянии. Два года уже ведутся «переговоры» о слиянии союзов, но пока ни к чему не пришли, так как: 1) меньшевистские руководители сознательно тормозят слияние, боясь затеряться в большинстве большевиков; 2) фракции, под влиянием которых действуют союзы, пока ещё не объединились. Да и с кем объединяться? 80—100 «членов», числящихся, быть может, у меньшевиков, пока сами ещё не объединены. По крайней мере за последние 8 месяцев мы не знаем от меньшевистского «руководящего коллектива» ни одного листка, ни одного выступления, несмотря на то, что за это время нефтяные районы пережили такие важные кампании, как общезабастовочная, земская, алкогольная и т. п. Организация меньшевиков фактически отсутствует, ликвидирована. Говоря просто, не с кем объединяться. А такое положение вещей естественно тормозит дело слияния союзов...

Оба союза беспартийны. Но это не мешает поддерживать самые тесные связи с партийной организацией.

Влияние союзов на массы не мало, особенно союза «нефтепромышленных рабочих». А это само собой

облегчает дело сплочения наиболее живых элементов вокруг нашей организации.

Из остальных «легальных возможностей» достойными внимания являются клубы (эсдэковское влияние) и потребительский кооператив «Труд»[86] (эсеро-эсдэковское влияние), как центры средоточия наиболее живых элементов бакинского пролетариата. Об их отношениях к организации, особенно клуба «Знание—сила»[87], действующего во всех нефтяных районах (клуб «Наука» действует только в городе),— можно сказать то же самое, что и о союзах...

Последние 2 недели были заняты алкогольной кампанией, потребовавшей работы почти всех легальных аппаратов. Позиция Бакинского комитета по данному вопросу выражена в его резолюции. В последней алкоголизм рассматривается, как неизбежное зло при капитализме, которое может быть уничтожено лишь с падением капитализма, с торжеством социализма. Причём существующие самодержавно-крепостнические порядки, низводя рабочих и крестьян до положения бесправных рабов и отнимая у них возможность удовлетворения культурных потребностей, тем самым в сильнейшей степени способствуют распространению пьянства среди трудящихся слоёв. Мы уже не говорим о том, что представители «власти» и прямо поощряют пьянство, как источник пополнения казны. Ввиду всего этого, БК утверждает, что ни проповедь «либералов», организующих съезды по борьбе с пьянством и «общества трезвости», ни внушения попов не смогут ослабить, тем более уничтожить, пьянство, порождённое неравенством в жизни и усугублённое самодержавными порядками. В пределах капиталистических порядков возможна

и необходима лишь борьба, ставящая своей целью не уничтожение пьянства, а доведение его до минимума. Но *для* успешности такой борьбы необходимо прежде всего свержение царской власти и завоевание демократической республики, дающие возможность свободного развития классовой борьбы и организации пролетариата в городе и деревне, поднятия его культурного уровня и широкой подготовки его сил к великой борьбе за социализм. БК рассматривает предстоящий съезд по борьбе с пьянством[88], как средство агитации за демократические и социалистические требования русского пролетариата и предлагает нашему делегату бороться с оппортунистическими членами съезда, затушёвывающими классовые задачи пролетариата...

20 декабря.

Впервые напечатано в газете «Социал-Демократ» № 11, 13 (26) февраля 1910 г.
Подпись: К. С.

Раздел «Легальные возможности» написан 20 декабря 1909 г.
Подпись: К. Стефин

Печатается по тексту газеты. Раздел «Легальные возможности» печатается по рукописи

II
ТИФЛИС

В смысле развития промышленности Тифлис представляет прямую противоположность Баку. Если Баку интересен как центр нефтяной промышленности, то Тифлис может быть интересен лишь как административно-торговый и «культурный» центр Кавказа. Всех промышленных рабочих в Тифлисе около 20 тысяч, т. е. меньше, чем солдат и полицейских. Единственное крупное предприятие — мастерские железных дорог (около 3 500 рабочих). В остальных предприятиях по 200, 100 и, большей частью, по 40—20 человек. Зато Тифлис буквально заполняют торговые заведения и связанный с ними «торговый пролетариат». Слабая зависимость от крупных рынков России, вечно живых и лихорадочных, накладывает на Тифлис отпечаток застойности. Отсутствие же резких классовых столкновений, свойственных лишь крупным промышленным центрам, превращает его в нечто вроде болота, ждущего толчка извне. Этим именно и объясняется, что меньшевизм, настоящий «правый» меньшевизм, так долго продержался в Тифлисе. То ли дело Баку, где резко классовая позиция большевиков находит живой отклик среди рабочих! То, что в Баку «само собой ясно», в Тифлисе становится ясным лишь в результате продолжительных дискуссий,— непримиримые речи большевиков перевариваются с большим трудом. Этим именно и объясняется «особая склонность» тифлисских большевиков к дискуссиям и, наоборот, желание меньшевиков по возможности «избавиться» от дискуссий. Но из сказанного вытекает только то, что работа революционных социал-демократов по социалистическому просвещению тифлисского пролетариата очень часто и неизбежно будет выливаться в форме идейной борьбы с меньшевизмом. Ввиду этого особый интерес приобретает хотя бы беглый анализ той идейной атмосферы, с которой прежде всего приходится бороться и которую создают тифлисские меньшевики, пока ещё преобладающие в Тифлисе. Атмосфера эта может быть квалифицирована как ликвидаторская, ликвидаторская не только в организационном смысле, но и в тактическом, но и в программном. С характеристики этой атмосферы и начнём наш беглый очерк положения партийных дел в Тифлисе.

ЛИКВИДАТОРСТВО ПРОГРАММНОЕ

Органом, в котором находит себе отражение «общественное мнение» меньшевиков, является грузинская меньшевистская пресса. Кредо тифлисских меньшевиков выражено в статьях «Злободневные вопросы» (см. №№ «Азри» и «Дасацкиси» [89]). Автором этих статей является влиятельнейший из тифлисских меньшевиков т. Ан [90].

Перейдём к изложению этих статей, подготовлявших идейно ликвидаторство в Тифлисе.

В упомянутых статьях автор предпринимает «переоценку всех ценностей» и приходит к выводу, что партия (особенно большевики) заблуждалась, что касается некоторых её программных, особенно же тактических положений. По мнению автора, необходимо «коренным образом изменить всю партийную тактику», чтобы сделать возможным «объединение сил буржуазии и пролетариата» — единственный залог победы революции. Впрочем, пусть говорит сам автор.

«Большевики доказывали,— говорит автор,— что он (пролетариат) должен осуществить (в буржуазной революции) весь минимум своей программы. Но ведь осуществление социальной части этого минимума повело бы к тому, что сковало бы производство буржуазии, вызвало бы протест всей буржуазии, положив начало грандиозной контрреволюции... Кто осмелится утверждать, что осуществление восьмичасового рабочего дня соответствует интересам современной неразвитой буржуазии?» Ясно, что «осуществление программы-минимум большевиков является простой декламацией» (см. «Азри» № 17, февраль 1908 г.).

Конечно, об осуществлении всей программы-минимум говорили не одни большевики, и никакой большевистской программы-минимум не знает история, кроме общепартийной,— но в данном случае не это интересно. Важно то, что ввиду «неразвитости буржуазии» и вытекающей отсюда контрреволюционной опасности наш автор ополчается против «социальной части» программы, как «простой декламации», подлежащей, очевидно, ликвидации.

Никакого анализа действительного положения промышленности (т. Ан, очевидно, неправильно выражается, называя отсталость промышленности «неразвитостью буржуазии».— **К. Ст.**), никаких цифр, никаких сколько-нибудь серьёзных данных не найдёте у т. **Ана.** Он просто исходит из голого положения о том, что буржуазия не потерпит осуществления 8-часового рабочего дня, между тем как без «объединения сил пролетариата и буржуазии» победа революции невозможна,— стало быть, долой «социальную часть» программы...

Мы не станем доказывать вздорность утверждений автора, утверждений, то и дело выдвигаемых против социал-демократов либералами нашего времени. По-нашему, совершенно достаточно их процитировать, чтобы сразу уловить физиономию тифлисских меньшевиков...

Но наш автор вооружается не только против «социальной части» программы. Он также не милует и её политическую часть, хотя не так прямо и открыто. Выслушаем его:

«Борьба одного только пролетариата или одной только буржуазии * ни в коем случае не сломает реакцию... Ясно, что объединение их сил, та или иная их комбинация и направление их к одной общей цели составляют **единственный путь** (курсив наш) победы над реакцией»... «Поражение реакции, завоевание конституции и проведение последней в жизнь зависит от сознательного объединения сил буржуазии и пролетариата и направления их к общей цели»... При этом «пролетариат должен шествовать так, чтобы своей непримиримостью не ослабить общее *движение*». Но так как «ближайшим требованием буржуазии может быть лишь умеренная конституция», то, очевидно, обязанностью пролетариата является отбросить свою «радикальную конституцию», если он не хочет «ослабить общее движение своей непримиримостью» и расстроить «сознательное направление сил буржуазии и пролетариата к одной общей цели», словом, если он не хочет подготовить победу контрреволюции (см. «Дасацкиси» № 4, 1908 г.).

* Под «буржуазией» автор везде подразумевает «среднюю» либеральную буржуазию, «идеологами которой являются кадеты».— **К. Ст.**

Вывод ясен: долой демократическую республику, да здравствует «общее движение» и... «умеренная конституция», конечно, «в интересах победы» революции...

Перед нами, как видите, плохой пересказ известной статьи бывшего с.-д. Васильева в «Товарище» 1906 г. об «объединении классов», о временном забвении классовых задач пролетариата, о снятии демократической республики и т. п. Разница в том, что Васильев говорил прямо, ясно, а т. Ан стыдится говорить достаточно ясно.

У нас нет в настоящее время ни времени, ни охоты разбирать весь этот либеральный лепет, давно уже разобранный и оценённый в своей основе в русской социал-демократической печати. Мы хотели бы лишь назвать вещи их собственными именами: программные упражнения нашего автора, принятые тифлисскими меньшевиками за «новый» фракционный манифест, являются ликвидацией программы-минимум партии, ликвидацией, требующей приспособления нашей программы к программе кадетов.

От «новой» программы тифлисских меньшевиков перейдём к их «новой тактике».

ЛИКВИДАТОРСТВО ТАКТИЧЕСКОЕ

Тов. **Ан** особенно недоволен тактикой партии, которую необходимо, по его мнению, «коренным образом изменить» (см. «Дасацкиси» № 4). Бо́льшую часть своих статей посвящает он поэтому критике этой тактики. Он особенно нападает на известную «формулу Плеханова» («революция в России победит как рабочее движение, или вовсе не победит» [91]), отождествляя её

с положением о гегемонии пролетариата, и решает, что она не выдерживает критики. «Формулу» эту он предлагает заменить «новым» (старым!) положением об «объединении сил буржуазии и пролетариата» в интересах «общего движения»... «к одной общей цели». Слушайте:

«Положение о руководящей роли пролетариата в буржуазной революции не оправдывается ни теорией Маркса, ни историческими фактами».

Ссылка на теорию:

«Пролетариат не может своими же собственными руками построить порядки своих собственных врагов. Стало быть, руководство буржуазной революцией со стороны пролетариата является невозможностью».

Ссылка на исторические факты:

«Наша революция была в то же время нашим рабочим движением, несмотря на это, революция не победила. Ясно, что формула Плеханова не оправдалась» (см. «Азри» № 17).

Коротко и ясно. Приходится только жалеть германскую социал-демократию, признавшую (должно быть, по легкомыслию!) ещё в своём приветственном письме Лондонскому съезду, что руководящая роль пролетариата в нашей революции вполне оправдывается как «теорией Маркса», так и «историческими фактами». Мы уже не говорим о нашей (несчастной!) партии...

Чем же заменяет наш автор руководящую роль пролетариата, что он предлагает взамен?

«Борьба одного только пролетариата, — говорит т. **Ан**, — или одной только буржуазии ни в коем случае не сломит реакцию... Ясно, что объединение их сил, та или иная их комбинация и направление их к одной общей цели составляют единственный

путь победы над реакцией». При этом «пролетариат должен шествовать так, чтобы своей непримиримостью не ослабить общее движение»... (см. «Дасацкиси» № 4). Ибо, уверяет автор, **«чем слабее** классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, тем победоноснее (курсив везде наш.— **К. Ст.**) буржуазная революция, конечно, при прочих равных условиях» (см. «Азри» № 15).

О каких «прочих равных условиях» говорит автор — аллах ведает. Ясно только одно, что он проповедует ослабление классовой борьбы в интересах... революции. Подтверждённое опытом всей нашей революции положение о том, что победа этой революции будет тем полнее, чем больше обопрётся революция на классовую борьбу пролетариата, ведущего за собой деревенскую бедноту против помещиков и либеральных буржуа,— это положение осталось для нашего автора тайной за семью печатями. «Объединение сил пролетариата с силами буржуазии» — вот в чём находит т. Ан единственный залог торжества революции.

Но что это за буржуазия, на которую так много надежд возлагает наш автор? Слушайте:

«Реакционеры,— говорит наш автор,— особенно сильно борются с партией кадетов... так как... будущие господа России выделятся из того самого среднего класса, идеологию которого выражают кадеты. Вырвать у реакционеров государственную власть способна только созревшая для господства средняя буржуазия, этот класс является их прямым конкурентом и потому реакционеры боятся его больше всего». Вообще «во всех революциях реакционное сословие не столько боялось революционеров, сколько **умеренной** буржуазии. Почему? Потому, что только этот класс является приёмщиком бразд правления из рук старого режима, как это мы говорили выше. Следовательно, этот именно класс призван благодаря своей **умеренной** конституции сделать новый строй приемлемым для громадного большинства и, таким образом, уничтожить почву под реакцией» (см. «Азри» № 24). Но так как «буржуазия без пролетариата не сможет поставить новые порядки», то поэтому «*пролетариату придётся поддерживать* буржуазную оппозицию» (см. «Дасацкиси» № 4).

Итак, «умеренная» кадетская буржуазия с её «умеренной» монархической конституцией — вот кто будет, оказывается, спасать нашу революцию.

А крестьянство, какова его роль в революции?

«Конечно,— говорит наш автор,— крестьянство вмешается в движение и придаст ему стихийный характер, но решающую роль будут играть только два современных класса»: умеренная буржуазия и пролетариат (см. «Дасацкиси» № 4).

Итак, на крестьянство, оказывается, нечего особенно рассчитывать.

Теперь всё ясно. Для торжества революции *нужна* умеренная кадетская буржуазия с умеренной конституцией. Но одна она не способна победить, ей нужна помощь пролетариата. Пролетариат должен ей помочь, ибо ему не на кого рассчитывать, вплоть до крестьянства, кроме умеренной буржуазии. Но для этого он должен отбросить свою непримиримость и, протянув руку умеренной буржуазии, повести общую борьбу за умеренную кадетскую конституцию. Остальное само собой приложится. Партия, видящая залог торжества революции в борьбе рабочих и крестьян против умеренной буржуазии и крепостников,— заблуждается.

Словом, вместо руководящей роли пролетариата, ведущего за собой крестьян,— руководящая роль кадетской буржуазии, ведущей за нос пролетариат.

Такова «новая» тактика тифлисских меньшевиков.

Разбирать всю эту пошло-либеральную рухлядь, по-нашему, нет необходимости. Необходимо только отметить, что «новая» тактика тифлисских меньшевиков является ликвидацией подтверждённой революцией партийной тактики, ликвидацией, требующей превращения пролетариата в хвостик умеренной кадетской буржуазии.

Впервые напечатано в «Дискуссионном Листке» (Приложение к газете «Социал-Демократ») № 2, 25 мая (7 июня) 1910 г.

Подпись: К. Ст.

РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ БАКИНСКИМ КОМИТЕТОМ 22 ЯНВАРЯ 1910 г.

(К предстоящей общепартийной конференции)

I

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ И ФАКТИЧЕСКОМ СПЛОЧЕНИИ ПАРТИИ

Состояние пришибленности и оцепенения, овладевшее одно время движущими силами русской революции, начинает проходить.

Провал политики царской власти на Балканах, в Персии и Дальнем Востоке; смешные потуги правительства успокоить крестьян при помощи закона 9 ноября[92], обезземеливающего бедных и обогащающего богатых; полная неудовлетворительность «рабочей политики» правительства, лишающей рабочих элементарных свобод и отдающей их в жертву хищникам капитала; растущая задолженность казны и частичная распродажа России заграничному капиталу; полный развал административных аппаратов, выразившийся в воровстве интендантов и железнодорожных воротил, в шантаже сыскных полиций, в мошенничестве охранок и т. д., — всё это, делая для масс очевидной неспособность контрреволюции справиться с дремлющими силами революции, способствует замечающемуся в последние месяцы среди рабочих оживлению, возбуждает среди них интерес к политической жизни страны, зарождает вопросы: что же делать, куда итти и т. д.?

Перед партией встаёт жгучий вопрос о необходимости широкой политической партийной агитации. Попытки же пользующихся свободой печати либеральствующих контрреволюционеров приручить массы путём легальных «съездов» и «обществ» и подорвать среди них влияние социал-демократии — превращают вопрос о необходимости партийно-политической агитации в вопрос жизни и смерти партии.

Между тем оторванность наших организаций друг от друга и отсутствие (руководящего) практического центра, регулярно действующего в России и на деле объединяющего местные организации в единую партию, исключают возможность осуществления действительно партийной (а не кустарно-групповой) политической агитации, ставят партию перед невозможностью противопоставить что-либо серьёзное систематической травле со стороны «либералов» и роняют тем самым партию в глазах рабочих.

Мы уж не говорим о том, что такое положение вещей, вместо того, чтобы вести к использованию «легальных возможностей», может повлечь за собой самое настоящее использование разрозненных и потому слабых нелегальных организаций «легальными возможностями», конечно, в ущерб интересам социал-демократии.

Ввиду всего этого, выработку мер для фактического сплочения партии, а, стало быть, и для осуществления партийно-политической агитации Бакинский комитет считает вопросом очередным и неотложным.

БК полагает, что в ряду необходимых мер главное место должны занять:

1) перемещение (руководящего) практического центра в Россию;

2) организация связанной с местами общерусской руководящей газеты, издающейся в России и редактируемой упомянутым практическим центром;

3) организация в важнейших центрах рабочего движения местных органов печати (Урал, Донецкий бассейн, Петербург, Москва, Баку и т. д.).

БК твёрдо убеждён, что проведение в жизнь вышеупомянутых мер могло бы сплотить в социал-демократическую партию все действительно партийные элементы без различия фракций, создало бы возможность широкой политической агитации и существенно облегчило бы дело широкого использования «легальных возможностей» в целях расширения и укрепления нашей партии.

БК предлагает поэтому Центральному Комитету партии немедленно созвать общепартийную конференцию, на обсуждение которой и ставит вышеупомянутые вопросы.

II

О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ НА ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Бакинский комитет, рассмотрев организационный план («Очередная задача», № 50 «Пролетария») созыва общепартийной конференции, находит, что к участию должны быть привлечены (помимо установленного представительства) представители от действующих и действительно существующих партийных нелегальных организаций, причём главное внимание должно быть обращено на крупные центры, где сосредоточены громадные массы пролетариата.

Необходимость такого рода представительства излишне обосновывать (см. специальную резолюцию по вопросу порядка дня конференции).

Признавая необходимость расширенного состава конференции, Бакинский комитет, тем не менее, решительно высказывается против особого представительства от групп, работающих в легальных «организациях».

БК считает, что особое представительство от таких групп ничего существенного не внесёт в работы конференции, как в том случае, когда группа входит в партийную местную организацию, подчиняясь её руководству, так и в том случае, когда группа только считает себя социал-демократической,— но руководства местной организации не признаёт. В первом случае представительство партийной организации устраняет необходимость какого бы то ни было иного, особого представительства. Во втором случае особое представительство противоречит самому характеру конференции, которая должна быть безусловно партийной.

Издано отдельным листком *Печатается по тексту листка*

АВГУСТ БЕБЕЛЬ, ВОЖДЬ ГЕРМАНСКИХ РАБОЧИХ

Кто не знает Бебеля, маститого вождя германских рабочих, когда-то «простого» токаря, а теперь знаменитого политического деятеля, перед критикой которого, как перед ударами молота, не раз отступали «коронованные особы», патентованные учёные, слову которого, как слову пророка, внимает многомиллионный пролетариат Германии?

22 февраля сего года исполнилось 70 лет со дня его рождения.

В этот день борющийся пролетариат всей Германии, Интернациональное Бюро Социалистов, организованные рабочие всех стран земного шара торжественно праздновали 70-летний юбилей старого Бебеля.

Чем же заслужил Бебель такой почёт, что сделал он для пролетариата?

Как выбрался Бебель из рабочих низов, как он из «простого» токаря превратился в великого борца всемирного пролетариата?

Какова история его жизни?

Детство Бебеля прошло в нищете и лишениях. Ещё трёх лет лишается он кормильца-отца, бедного

чахоточного унтер-офицера. Чтобы найти детям другого кормильца, мать Бебеля второй раз выходит замуж, уже за тюремного надзирателя. Мать с детьми из казармы, где она жила до сих пор, перебирается в здание тюрьмы.

Но через 3 года умирает и второй муж. Оставшаяся без кормильца семья перебирается на родину, в провинциальную глушь, где она живёт впроголодь. Бебеля, как бедного, принимают в «школу для бедных», которую он с успехом кончает на 14-ом году. Но за год до окончания школы его постигает новое несчастье — он лишается матери — последней своей опоры. Круглый сирота, предоставленный самому себе, не имея возможности продолжать образование, Бебель поступает в ученики к знакомому токарю.

Начинается однообразная, каторжная жизнь. С пяти часов утра до семи вечера Бебель проводит в мастерской. Некоторое разнообразие вносят в его жизнь книги, чтению которых он посвящает всё свободное время. Для этого он записывается в библиотеку на те 5—6 копеек в неделю, которые зарабатывает, таская воду для своей хозяйки ежедневно утром, до начала работы.

Очевидно нищета и лишения не только не разбили юного Бебеля, не только не убили в нём стремления к свету, а наоборот — ещё больше закалили его волю, усилили жажду знания, зародили в нём вопросы, ответов на которые он жадно искал в книгах.

Так в борьбе с нуждой вырабатывался будущий неутомимый борец за освобождение пролетариата.

На 18-ом году Бебель кончает срок ученичества и вступает в жизнь самостоятельным токарем. На 20-ом

году он уже присутствует на собрании рабочих в Лейпциге и слушает речи рабочих-социалистов. Это было первое собрание, где Бебель встретился лицом к лицу с рабочими ораторами. Бебель не был ещё социалистом, он сочувствовал либералам, но он искренно радуется самостоятельному выступлению рабочих, он им завидует — у него возгорается желание сделаться таким же, как они, рабочим оратором.

С этого времени у Бебеля начинается новая жизнь — у него есть уже определённый путь. Бебель проникает в рабочие организации и усиленно работает в них. Скоро он делается влиятельным, его выбирают в комитет рабочих профессиональных союзов. Работая в союзах, он борется с социалистами, действует заодно с либералами, но, борясь с социалистами, он постепенно убеждается в их правоте.

На 26-ом году он уже социал-демократ. Известность Бебеля растёт так быстро, что через год (1867 г.) его выбирают председателем комитета союзов и первым депутатом от рабочих в парламент.

Так Бебель, борясь и побеждая, преодолевая шаг за шагом окружающие его препятствия,— выбирается, наконец, из рабочих низов, превращается в вождя борющихся рабочих Германии.

С этого времени Бебель уже открыто выступает за социал-демократию. Его ближайшая цель — война с либералами, высвобождение рабочих из-под их влияния, объединение рабочих в свою рабочую социал-демократическую партию.

Бебель достигает своей цели в следующем, 1868 году, на Нюрнбергском съезде. Умелая беспощадная атака со стороны Бебеля на этом съезде повела к тому, что

либералы потерпели полное поражение, а на развалинах либерализма родилась германская социал-демократия.

Освобождение рабочих может быть делом лишь самих же рабочих, говорил Бебель на съезде, поэтому рабочие должны порвать с буржуазными либералами и объединиться в собственную рабочую партию,— и громадное большинство съезда, вопреки кучке либералов, повторяло за ним великие слова Карла Маркса.

Для полного освобождения рабочих необходимо, чтобы рабочие всех стран объединялись, говорил Бебель, поэтому надо присоединиться к Международному Товариществу Рабочих,— и большинство съезда единодушно повторяло за ним слова великого учителя.

Так родилась социал-демократическая рабочая партия Германии. Бебель был её повивальной бабкой.

С тех пор жизнь Бебеля сливается с жизнью партии, его печали и радости — с печалями и радостями партии. Сам же Бебель делается любимцем и вдохновителем германских рабочих, ибо, товарищи, нельзя не любить человека, который так много сделал для того, чтобы поставить рабочих на собственные ноги, освободить их от опеки буржуазных либералов и дать им собственную рабочую партию.

1870-й год принёс молодой партии первое испытание. Начиналась война с Францией, германское правительство требовало денег на войну от парламента, членом которого являлся и Бебель, приходилось высказываться определённо за или против войны. Бебель понимал, конечно, что война выгодна только врагам пролетариата, между тем, все слои германского общества от буржуа до рабочих охватываются ложным

патриотическим жаром, отказ в деньгах правительству называют изменой отечеству. Но Бебель, не считаясь с «патриотическими» предрассудками, не боясь плыть против течения, громогласно заявляет с парламентской трибуны: я, как социалист и республиканец — не за войну, а за братство народов, не за вражду с французскими рабочими, а за объединение с ними наших германских рабочих. Упрёки, насмешки, презрение — таков был ответ даже со стороны рабочих на смелое выступление Бебеля. Но Бебель, верный принципам научного социализма, ни на минуту не опускает знамени до предрассудков своих собратьев,— наоборот, он всячески старается поднять их до ясного сознания пагубности войны. Впоследствии рабочие поняли свою ошибку и ещё больше возлюбили своего стойкого, сильного Бебеля. Зато правительство наградило его двумя годами тюрьмы, где он, однако, не зевал, написав знаменитую книгу «Женщина и социализм».

Конец 70-х и 80-е годы приносят партии новые испытания. Встревоженное ростом социал-демократии германское правительство издаёт «исключительные законы против социалистов», разрушает партийные и союзные организации, закрывает все без исключения с.-д. газеты, уничтожает свободу собраний и союзов, вчера ещё легальную с.-д. партию отбрасывают в подполье. Всем этим правительство хотело спровоцировать с.-д. на неудачные, пагубные выступления, деморализовать и разрушить её. Нужна была особая стойкость и беспримерная прозорливость, чтобы не потерять голову, во-время изменить тактику, разумно приспособиться к новым условиям. Многие из социал-демократов поддались провокации и ударились в анархизм.

Другие совершенно опошлились и опустились до либералов. Но Бебель неизменно стоял на посту, ободрял одних, умерял неразумный пыл других, разоблачал фразёрство третьих и умело направлял партию по истинному пути всё вперёд, только вперёд. Через 10 лет правительство должно было уступить растущей силе рабочего движения и отменило «исключительные законы». Линия Бебеля оказалась единственно правильной.

Конец 90-х годов и девятисотые годы принесли партии ещё одно испытание. Поощрённые промышленным подъёмом и сравнительной лёгкостью экономических побед, умеренные элементы социал-демократии стали отрицать необходимость непримиримой классовой борьбы и социалистической революции. Не нужно непримиримости, не нужно революции, говорили они, нужно сотрудничество классов, нам нужны соглашения с буржуазией и правительством, чтобы вместе с ними ремонтировать существующие порядки,— поэтому давайте голосовать за бюджет буржуазного правительства, давайте участвовать в существующем буржуазном правительстве. Этим самым умеренные подрывали основы научного социализма, революционную тактику социал-демократии. Бебель понял всю опасность положения и, вместе с другими вождями партии, объявляет умеренным непримиримую войну. На Дрезденском ъезде (1903 г.) он разбивает наголову германских зождей умеренных, Бернштейна и Фольмара, провозгласив необходимость революционных методов борьбы. 3 следующем году в Амстердаме, перед лицом социаистов всех стран, он разбивает уже международного эждя умеренных, Жана Жореса, ещё раз провозгласив

необходимость непримиримой борьбы. С тех пор он не давал покоя «умеренным врагам партии», нанося поражение за поражением в Иене (1905 г.), Нюрнберге (1908 г.). В результате партия выходит из внутренней борьбы единой и сильной, поразительно окрепшей, колоссально выросшей, обязанная всем этим, главным образом, тому же Августу Бебелю...

Но Бебель не довольствуется деятельностью только в рамках партии. Его громовые речи в германском парламенте, бичующие затхлых дворян, срывающие маску с либералов, пригвождающие к позорному столбу «имперское правительство», его многолетняя деятельность в профессиональных союзах — всё это говорит за то, что Бебель, как верный страж пролетариата, появлялся везде, где только кипела борьба, где только нужна была его бурная пролетарская энергия.

Вот за что так уважают Бебеля германские и международные социалисты.

Конечно, были у Бебеля и ошибки — у кого их не бывает (только мёртвые не ошибаются),— но все мелкие ошибки бледнеют в сравнении с крупными заслугами перед партией, которая теперь, после 42-летнего руководства Бебеля, насчитывает свыше 600 тысяч членов, имеет около 2 миллионов профессионально-организованных рабочих, располагает доверием 3—4 миллионов избирателей, одним мановением руки устраивает стотысячные демонстрации в Пруссии.

И знаменательно — дни юбилейного торжества в честь Бебеля совпали с днями наиболее яркого выражения мощи германской социал-демократии, с днями беспримерно организованных многолюдных демонстраций за всеобщее избирательное право в Пруссии.

Бебель имеет полное право сказать, что он недаром поработал.

Такова жизнь и деятельность старого Бебеля, да, очень старого, но слишком юного душой, по-старому стоящего на посту и ждущего новых битв, новых побед.

Только борющийся пролетариат мог родить такого живого, вечно юного, вечно вперёд смотрящего Бебеля, как и он сам.

Только теория научного социализма могла дать широкий простор кипучей натуре Бебеля, неутомимо рвущегося к разрушению старого, гнилого, капиталистического мира.

Бебель своей жизнью и деятельностью свидетельствует о силе и непобедимости пролетариата, о неизбежности торжества социализма...

Пошлём же привет, товарищи, дорогому учителю — токарю, Августу Бебелю!

Да послужит он примером для нас, русских рабочих, особенно нуждающихся в Бебелях рабочего движения.

Да здравствует Бебель!

Да здравствует Международная Социал-Демократия!

Бакинский комитет РСДРП

Издано отдельной прокламацией 23 марта 1910 г.

Печатается по тексту прокламации

ПИСЬМО В ЦК ПАРТИИ ИЗ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОЙ ССЫЛКИ

Товарищ Семён! Вчера я получил от товарищей ваше письмо. Прежде всего горячий привет Ленину и др. А потом по поводу вашего письма и вообще о «проклятых вопросах».

По моему мнению линия блока (Ленин — Плеханов) единственно правильная: 1) она, и только она, отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов; 2) она, и только она, ускоряет процесс освобождения легальных организаций из-под гнёта ликвидаторов, вырывая яму между рабочими-меньшевиками и ликвидаторами, рассеивая и убивая последних. Борьба за влияние в легальных организациях является злобой дня, необходимым этапом на пути к возрождению партии, а блок составляет единственное средство для очищения таких организаций от мусора ликвидаторства.

В плане блока видна рука Ленина,— он мужик умный и знает, где раки зимуют. Но это ещё не значит, что всякий блок хорош. Троцковский блок (он бы сказал — «синтез») — это тухлая беспринципность,

маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу. Логика вещей строго принципиальна по своей природе и она не потерпит амальгам. Блок Ленин — Плеханов потому и является жизненным, что он глубоко принципиален, основан на единстве взглядов по вопросу о путях возрождения партии. Но именно потому, что это блок, а не слияние,— именно потому большевикам нужна своя фракция. Очень может быть, что в ходе работы большевики окончательно приручат плехановцев, но это лишь может быть. Спать и надеяться на такой исход, хотя бы и очень вероятный, нам, во всяком случае, не следует. Чем сплочённее будут действовать большевики, чем организованнее будут выступать, тем больше шансов на возможность приручения. Мы должны поэтому неустанно ковать на всех наковальнях. О вперёдовцах ничего не говорю, так как теперь они менее интересны, чем ликвидаторы и плехановцы. Если когда-нибудь очухаются — хорошо, конечно, а нет — бог с ними, пусть варятся в своём собственном соку.

Так я думаю о загранице.

Но это не всё и не главное даже. Главное — организация работы в России. История нашей партии показывает, что вопросы разногласий разрешаются не в прениях, а главным образом в ходе работы, в ходе применения принципов. Поэтому задача дня — организация русской работы вокруг строго определённого принципа. Ликвидаторы сразу поняли дело (нюх у них очень развит) и начали примащиваться (уже примостились) в легальных рабочих организациях, причём имеют, оказывается, свой нелегальный русский центр,

направляющий и т. д. работу. А мы всё «готовимся», пребываем в стадии репетиций. По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите её как хотите — «русской частью Цека» или вспомогательной группой при Цека — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. Теперь на местах среди работников царит неизвестность, одиночество, оторванность, у всех руки опускаются. Группа же эта могла бы оживить работу, внести ясность. А это расчистило бы путь к действительному использованию легальных возможностей. С этого, по-моему, и пойдёт дело возрождения партийности. Не мешало бы организовать предварительно совещание работников, признающих решения пленума[93], конечно, под руководством Цека. Всё это после «реформы» центральных учреждений[94] и при условии согласия со стороны плехановцев. Очень может быть, что это совещание и даст подходящих людей для вышеназванной центральной группы. Польза такого совещания ясна, по-моему, и во многих других отношениях. А действовать придётся неуклонно и беспощадно, не боясь нареканий со стороны ликвидаторов, троцкистов, вперёдовцев. Если плехановцы и ленинцы сплотятся на почве работы в России, они могут не обращать внимания на какие бы то ни было нарекания.

Так я думаю о работе в России.

Теперь о себе. Мне остаётся шесть месяцев[95]. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда

в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно. «Мысль»[96] № 1 читал. Воображаю, сколько ясности и бодрости внесёт среди рабочих даже один только факт совместного выступления вчерашних противников, сколько смуты и хаоса посеет в рядах ликвидаторов. И всякий порядочный человек скажет, что это будет недурно.

В ссылке имеется порядочная публика и было бы очень хорошо снабжать её периодическими нелегальными изданиями. Пришлите «Социал-Демократ» № 17 и дальше, а также «Приложение» к «Социал-Демократу». У нас нет «Рабочей Газеты»[97] ни № 1, ни № 2, нет и «Голоса Социал-Демократа». «Звезду»[98], должно быть, получим. Адреса для посылок: 1) Сольвычегодск, Вологодской губернии, Ивану Исааковичу Богомолову; 2) Сольвычегодск, Вологодской губернии, Петру Михайловичу Серафимову. Адрес для переписки со мной: Сольвычегодск, Вологодской губернии, дом Григорова,— Николай Александрович Вознесенский.

С товарищеским приветом ***К. С.***

Заказным не надо присылать. Пишите о делах у вас, очень прошу.

Написано 31 декабря 1910 г. *Печатается по копии письма*

ЗА ПАРТИЮ![99]

Оживляется в стране интерес к политической жизни и заодно с этим настаёт конец кризису нашей Партии. Мёртвая точка оцепенения начинает проходить. Состоявшаяся недавно общепартийная конференция[100] — явный признак возрождения Партии. Окрепшая вместе с ростом русской революции и разгромленная вместе с падением последней, Партия наша неминуемо должна была стать на ноги с политическим пробуждением страны. Оживление в основных отраслях промышленности и рост прибылей капиталистов наряду с падением реальной заработной платы рабочих; свободное развитие экономических и политических организаций буржуазии наряду с насильственным разрушением легальных и нелегальных организаций пролетариата; подъём цен на жизненные продукты и рост помещичьих прибылей наряду с разорением крестьянского хозяйства; охватившая свыше 25 миллионов населения голодовка, демонстрирующая беспомощность «обновлённого» контрреволюционного режима,— всё это не могло не подействовать на трудящиеся слои и, прежде всего, на пролетариат в смысле пробуждения в них интереса

к политической жизни. Одним из ярких выражений этого пробуждения является, между прочим, состоявшаяся в январе этого года конференция Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Но оживление в умах и сердцах не может замкнуться в себе самом,— при нынешних политических условиях оно неминуемо должно перейти в открытые массовые выступления.

Необходимо улучшить жизнь рабочих, нужно поднять заработную плату, сократить рабочий день, надо в корне изменить положение рабочих на заводах, фабриках и рудниках. Но как сделать всё это, как не путём всё ещё запрещённых частичных и общих экономических выступлений?

Нужно завоевать право свободной борьбы с хозяевами, право забастовки, союзов, собраний, слова, печати и т. д.: без этого борьба рабочих за улучшение своей жизни будет затруднена до крайних пределов. Но как сделать всё это, как не путём открытых политических выступлений, путём демонстраций, политических забастовок и т. д.?

Нужно оздоровить страну, болеющую хроническим голодом, нужно положить конец нынешнему положению вещей, при котором десятки миллионов тружеников земли принуждены периодически подвергаться голодовке со всеми её ужасами: немыслимо сложа руки смотреть на то, как голодные отцы и матери со слезами на глазах «сбывают за бесценок» своих дочерей и сыновей! Нужно в корне уничтожить нынешнюю хищническую финансовую политику, разоряющую скудное крестьянское хозяйство и при каждом неурожае неизбежно толкающую миллионы крестьян на путь опустошительной

голодовки! Нужно спасти страну от нищенства и деморализации! Но можно ли сделать всё это, не опрокинув снизу доверху всё здание царизма? И как ниспровергнуть царское правительство со всеми крепостническими пережитками, как не путём широкого народного революционного движения, руководимого признанным историей вождём его, социалистическим пролетариатом?..

Но для того, чтобы грядущие выступления не были разрознены и беспорядочны, чтобы пролетариат мог с честью выполнить высокую роль объединителя и руководителя будущих выступлений,— для всего этого, кроме революционного сознания широких слоёв народа и классового самосознания пролетариата, необходима ещё наличность сильной и гибкой пролетарской партии, могущей объединять отдельные усилия местных организаций в одно общее усилие и тем направить массовое революционное движение на главные укрепления врагов. Наладить партию пролетариата, Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию,— вот что особенно необходимо для того, чтобы пролетариат мог с достоинством встретить грядущие революционные выступления.

Настоятельная необходимость сплочения Партии ещё ярче выступает ввиду приближающихся выборов в четвёртую Государственную думу.

Но как наладить Партию?

Необходимо укрепить прежде всего местные партийные организации. Разбитые на мелкие и мельчайшие группы, окружённые морем отчаяния и неверия в дело, лишённые интеллигентных сил и нередко взрываемые провокаторами — кто не знаком с этой

неприглядной картиной жизни местных организаций? Нужно и можно положить конец этому разброду сил! Начавшееся пробуждение рабочих масс, с одной стороны, и состоявшаяся недавно конференция, как выражение этого пробуждения, с другой стороны,— значительно облегчают дело ликвидации такого разброда. Сделаем же всё от нас зависящее для ликвидации организационного разброда! Пусть в каждом городе и в каждом промышленном пункте группируются социал-демократические рабочие, все, без различия фракций, все, верящие в необходимость нелегальной Российской Социал-Демократической Рабочей Партии,— пусть все они группируются в местные партийные организации! Пусть станки, объединяющие рабочих в одну армию эксплуатируемых,— пусть те же станки спаяют их в единую партию борцов против эксплуатации и насилия!.. Нет необходимости, при этом, гоняться за большим количеством членов: при нынешних условиях работы это может оказаться даже опасным. Всё дело в качестве товарищей, всё дело в том, чтобы сгруппированные в местные организации влиятельные товарищи сознавали важность дела, которому они служат, и стойко вели свою работу по линии революционной Социал-Демократии. И пусть сформированные таким образом местные организации не замыкаются в себя самих, пусть непрестанно вмешиваются они во все дела борьбы пролетариата от самых «мелких» и обыденных до самых крупных и «необыкновенных», пусть не ускользает от их влияния ни одно столкновение труда с капиталом, ни один протест рабочих масс против зверств царского правительства: следует всегда помнить, что только таким путём можно будет достичь укрепления

и оздоровления местных организаций. Вот почему, между прочим, необходимо им иметь самые живые связи с открытыми массовыми организациями рабочих, с союзами и клубами, и всячески содействовать их развитию.

И пусть товарищей рабочих не смущает трудность и сложность задач, падающих исключительно на них ввиду отсутствия интеллигентных сил,— нужно раз навсегда отбросить эту никому не нужную скромность и боязнь «непривычной» работы, нужно иметь смелость браться за сложные партийные дела! Не беда, если при этом откроются некоторые ошибки: раза два споткнёшься, а там и привыкнешь свободно шагать. Бебели не падают с неба, они вырастают лишь снизу в ходе партийной работы во всех её областях...

Но местные организации, хотя бы и крепкие и влиятельные, взятые в отдельности, ещё не составляют Партию. Для этого нужно их ещё собрать воедино, связать в одно целое, живущее одной, общей жизнью. Разрозненные местные организации, не только не связанные друг с другом, но и не знающие о взаимном существовании, организации, всецело предоставленные самим себе, действующие на свой страх и риск и нередко ведущие противоположные линии в работе,— всё это знакомые картины кустарничества в Партии. Связать местные организации друг с другом и собрать их вокруг Центрального Комитета Партии — это именно и значит порвать с кустарничеством и проложить дорогу делу налаживания пролетарской партии. Влиятельный Центральный Комитет, живыми корнями связанный с местными организациями, систематически информирующий последние и связывающий их между собой, Центральный Комитет, неустанно вмешивающийся во все дела

общепролетарских выступлений, Центральный Комитет, располагающий, для целей широкой политической агитации, выходящей в России нелегальной газетой,— вот в какую сторону должно пойти дело обновления и сплочения Партии.

Нечего и говорить, что один только Центральный Комитет не в силах справиться с этой трудной задачей: товарищам из местных организаций следует помнить, что без их систематической поддержки с мест Центральный Комитет неминуемо превратится в пустое место, а партия — в фикцию. Поэтому дружная работа Центра и местных организаций — вот необходимое условие обновления Партии, вот к чему мы призываем товарищей.

Итак, за Партию, товарищи, за возрождающуюся нелегальную Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию!

Да здравствует единая Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Центральный Комитет РСДРП

Издано отдельной прокламацией в марте 1912 г.

Печатается по рукописи

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВОЕ МАЯ![101]

Товарищи!

Ещё в прошлом столетии решили рабочие всех стран ежегодно праздновать сегодняшний день, день Первого мая. Это было в 1889 году, когда на Парижском конгрессе социалистов всех стран постановили рабочие именно сегодня, в день Первого мая, когда природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость обновления, а природа предаётся пляске и ликованию,— они решили именно сегодня заявить всему миру громко и открыто, что рабочие несут человечеству весну и освобождение от оков капитализма, что рабочие призваны обновить мир на основе свободы и социализма.

У каждого класса имеются свои излюбленные праздники. Дворяне завели свои праздники, и на них они провозглашают «право» обирания крестьян. Буржуа имеют свои, и на них они «оправдывают» «право» эксплуатации рабочих. Есть праздники и у попов, и на них они восхваляют существующие порядки, где труженики гибнут в нищете, а тунеядцы утопают в роскоши.

Должен быть свой праздник и у рабочих, и на нём они должны провозгласить: всеобщий труд, всеобщую свободу, всеобщее равенство всех людей. Этот праздник — праздник Первого мая.

Так решили рабочие ещё в 1889 году.

С тех пор боевой клич рабочего социализма всё сильнее раздаётся на митингах и демонстрациях в день Первого мая. Всё шире разливается океан рабочего движения, захватывая новые страны и государства от Европы и Америки до Азии, Африки и Австралии. Слабый когда-то международный союз рабочих вырос в продолжение всего нескольких десятков лет в грандиозное интернациональное братство, имеющее регулярные конгрессы и объединяющее миллионы рабочих всех концов мира. Высокими волнами вздымается море пролетарского гнева и всё грознее наступает на колеблющиеся твердыни капитализма. Разыгравшаяся недавно великая забастовка углекопов в Англии, Германии, Бельгии, Америке и т. д., забастовка, нагнавшая страх на эксплуататоров и царей всего мира,— явный признак того, что социалистическая революция не за горами...

«Мы не чтим златого кумира!» Не нужно нам царства буржуа и угнетателей! Проклятие и смерть капитализму с его ужасами нищеты и кровопролитий! Да здравствует царство труда, да здравствует социализм!

Вот что̀ провозглашают в сегодняшний день сознательные рабочие всех стран.

И уверенные в своей победе, спокойные и сильные, гордо шествуют они по пути к обетованной земле, по пути к светлому социализму, шаг за шагом осуществляя великий призыв Карла Маркса: «рабочие всех стран, объединяйтесь!»

Так празднуют Первое мая рабочие свободных стран.

Русские рабочие с тех пор, как они начали приходить к сознанию своего положения, не желая отстать от своих товарищей, всегда присоединялись к общему хору своих заграничных товарищей, празднуя заодно с ними Первое мая, несмотря ни на что, несмотря на зверские репрессии царского правительства. Правда, за последние 2—3 года, в период контрреволюционной вакханалии и партийного развала, промышленной депрессии и мертвящего политического равнодушия среди широких масс, русские рабочие лишились возможности по-старому праздновать свой светлый рабочий праздник. Но начавшееся в последнее время оживление в стране, экономические забастовки и политические протесты среди рабочих по поводу хотя бы пересмотра дела втородумцев социал-демократов, нарождающееся недовольство среди широких слоёв крестьян, ввиду охватившей свыше 20 губерний голодовки, протесты сотен тысяч приказчиков против «обновлённого» строя российских зубров,— всё это говорит за то, что мертвящая спячка проходит, уступая место политическому оживлению в стране и прежде всего среди пролетариата. Вот почему в этом году русские рабочие могут и должны в сегодняшний день протянуть руку своим заграничным товарищам. Вот почему они должны в той или иной форме праздновать вместе с ними Первое мая.

Они должны сказать сегодня, что они заодно с товарищами свободных стран — не чтят и не будут чтить златого кумира.

Они должны кроме того добавить к общему требованию рабочих всех стран своё собственное, русское

требование о свержении царизма, об установлении демократической республики.

«Нам ненавистны тиранов короны!» «Цепи народа-страдальца мы чтим!» Смерть окровавленному царизму! Смерть дворянской поземельной собственности! Смерть хозяйской тирании на фабриках, заводах и рудниках! Земля — крестьянам! 8 часов работы — рабочим! Демократическая республика — всем гражданам России!

Вот что должны ещё провозгласить в сегодняшний день русские рабочие.

Это ложь и лакейство перед Николаем последним, когда русские либералы уверяют себя и других, что царизм упрочился в России и он способен удовлетворить основные нужды народа.

Это обман и фарисейство, когда русские либералы поют на все голоса, что революция умерла, и мы живём в «обновлённом» строе.

Посмотрите вокруг себя: разве многострадальная Россия похожа на «обновлённую», «благоустроенную» страну?

Вместо демократической конституции — режим виселиц и дикого произвола!

Вместо всенародного парламента — чёрная Дума чёрных помещиков!

Вместо «незыблемых основ гражданской свободы», вместо свободы слова, собраний, печати, союзов и стачек, обещанных ещё в манифесте 17 октября — мёртвая рука «усмотрений» и «пресечений», закрытые газеты, высланные редакторы, разрушенные союзы, разогнанные собрания!

Вместо неприкосновенности личности — избиения в тюрьмах, издевательства над гражданами, кровавая расправа с забастовщиками на Ленских приисках!

Вместо удовлетворения крестьянских нужд — политика дальнейшего обезземеления крестьянских масс!

Вместо упорядоченного государственного хозяйства — воровство в интендантствах, воровство в железнодорожных управлениях, воровство в лесном хозяйстве, воровство в морском ведомстве!

Вместо порядка и дисциплины в правительственном механизме — подлоги в судах, шантаж и вымогательства в сыскных полициях, убийства и провокация в охранных отделениях!

Вместо международного величия русского государства — позорный провал русской «политики» в делах Ближнего и Дальнего Востока, роль палача и разорителя в делах истекающей кровью Персии!

Вместо успокоения и благоденствия обывателей — самоубийства в городах и ужасающая голодовка 30-миллионного крестьянства в деревнях!

Вместо оздоровления и очищения нравов — неслыханный разврат в монастырях, в этих твердынях официальной морали!

И как завершение картины — зверский расстрел сотен тружеников на Ленских приисках!..

Разрушители добытых свобод, поклонники виселиц и расстрелов, авторы «усмотрений» и «пресечений», воры-интенданты, воры-инженеры, грабители-полицейские, убийцы-охранники, развратники-Распутины — вот они, «обновители» России!

И есть ещё на свете люди, осмеливающиеся утверждать, что в России всё благополучно, революция умерла!

Нет, товарищи: там, где голодают миллионы крестьян, а рабочих расстреливают за забастовку — там

революция будет жить, пока не сотрётся с лица земли позор человечества — русский царизм.

И мы должны сказать в сегодняшний день, в день Первого мая, в той или иной форме, на митингах, массовках или тайных собраниях — где как целесообразнее будет,— что клянёмся бороться за полное свержение царской монархии, что приветствуем грядущую русскую революцию, освободительницу России!

Так протянем же руку нашим товарищам за границей и провозгласим вместе с ними:

Долой капитализм!

Да здравствует социализм!

Подымем знамя русской революции и напишем на нём:

Долой царскую монархию!

Да здравствует демократическая республика!

Товарищи! Мы празднуем сегодня Первое мая! **Да здравствует Первое мая!**

Да здравствует Международная Социал-Демократия!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Центральный Комитет РСДРП

Издано отдельной прокламацией в апреле 1912 г.

Печатается по рукописи

НОВАЯ ПОЛОСА

Вслед за экономическими выступлениями рабочих — политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату — протесты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов.

В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве,— везде, во всех концах России подымают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей.

«Мы живы, кипит наша алая кровь огнём неистраченных сил»!..

Третью ступень проходит рабочее движение в своём возрастающем оживлении. И это после контрреволюционных вакханалий.

Года два назад рабочие ещё пробовали сопротивляться всё возраставшим нападениям ненасытных хозяев. Стачки обороны, а местами и наступательные забастовки — вот в чём выражалось оживление движения. Это была первая ступенька. Московский район был застрельщиком.

Года полтора назад рабочие переходят к наступательным забастовкам. Выставляются новые экономические требования, добиваются условий 1905—1906 годов, отобранных у рабочих за время контрреволюционного разгула. Это была вторая ступенька. Застрельщиками были западные окраины.

Теперь пошла третья ступень, период политического движения.

Со ступеньки на ступеньку!

И этого надо было ожидать. Подъём в основных отраслях промышленности и рост капиталистических барышей наряду с падением реальной заработной платы; рост профессиональных и политических организаций буржуазии наряду с разрушением рабочих организаций; подъём цен на жизненные продукты и рост помещичьих доходов наряду с голодом 30 миллионов крестьян, когда гонимые нуждой отцы и матери принуждены продавать своих дочерей и сыновей,— всё это не могло не внести политического оживления в ряды рабочего класса.

Ленские выстрелы послужили лишь сигналом.

Очевидно, «на Шипке не совсем спокойно». Это чувствуют и представители власти, спешно готовящиеся к «умиротворению» страны. Это отражается, повидимому, даже на делах нашей внешней политики...

А известия о политических забастовках-протестах всё продолжают поступать.

Нет сомнения, что подземные силы освободительного движения заработали...

Привет вам, первые ласточки!

Петербургская газета «Звезда» № 30, 15 апреля 1912 г.
Подпись: К. С.

Печатается по тексту газеты

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ФАРИСЕИ

«Речь» ещё раз «ошиблась»! Она, оказывается, «не ожидала» от «правительства» «бестактных» объяснений по поводу ленских зверств. Она, видите ли, «надеялась», что министр Макаров призовёт «к законной ответственности» господ Трещенко. И вдруг — заявление Макарова о том, что Трещенко прав, а рабочих будут и впредь расстреливать!

«Мы ошиблись», с лживым сокрушением замечает по этому поводу либеральная «Речь» (см. «Речь» от 12 апреля).

Бедные кадеты, который раз они «ошибаются» в своих расчётах на правительство!

Ещё не так давно они «думали»,что в России имеется конституция; и они на всех языках клялись перед Европой, что «наше объединённое правительство» «вполне конституционно». Это было в Лондоне, вдали от России. Но стоило им вернуться в Россию, в страну «усмотрений» и «пресечений», чтобы признать свою «ошибку» и «разочароваться».

Ещё не так давно они «верили», что Столыпину удалось поставить страну на путь парламентского

«обновления». Но стоило Столыпину пустить в ход знаменитую 87 статью [102], — и кадеты снова пошли петь об «ошибках» и «недоразумениях».

Давно ли кадеты проводили параллель между русским правительством (вспомните забастовку портовых рабочих) и английским в их отношении к забастовкам? Но стоило разыграться ленской драме, чтобы кадеты ещё раз пропели своё фарисейское «мы ошиблись».

И знаменательно: «ошибки» и «разочарования» всё растут, а кадетская тактика заигрывания с правительством остаётся без изменения!

Бедные, бедные кадеты! Они, очевидно, «рассчитывают» на наивных читателей, верящих в их искренность.

Они «думают», что население не замечает их лакейского кривляния перед врагами освобождения России.

Они ещё не знают, что если до сих пор то и дело «ошибались» они в своих видах на правительство, то теперь им предстоит «разочароваться» в массах населения, которые поймут, наконец, их контрреволюционный характер и повернутся к ним спиной.

Кого же тогда будут обманывать господа кадеты?

Лакейство перед правительством, фарисейство перед страной — за что же их называют «партией народной свободы»?

Петербургская газета «Звезда» № 30, 15 апреля 1912 г.
Подпись: С.

Печатается по тексту газеты

БЕСПАРТИЙНЫЕ ЧУДАКИ

Беспартийный прогрессизм вошёл в моду. Такова уж природа русского интеллигента — ей нужна мода. Увлекались санинством, занимались декадентством, — теперь очередь за беспартийностью.

Что такое беспартийность?

В России существуют помещики и крестьяне, интересы их противоположны, борьба между ними — неизбежное явление. Но беспартийность проходит мимо этого факта, она склонна замалчивать противоречия интересов.

В России существуют буржуа и пролетарии, победа одного из этих классов означает поражение другого. Но беспартийность замазывает противоположность интересов, она закрывает глаза на факт их борьбы.

У каждого класса имеется своя партия, с особой программой, с особой физиономией. Партии руководят борьбой классов: без партий была бы не борьба, а хаос, отсутствие ясности, смешение интересов. Но беспартийность не любит ясности и определённости, она предпочитает туманность и беспрограммность.

Замазывание классовых противоречий, замалчивание борьбы классов, отсутствие физиономии, борьба с программностью, стремление к хаосу и смешению интересов — такова беспартийность.

Чего добивается беспартийность?

— Объединения необъединимого, осуществления неосуществимого.

Объединить в союз буржуа и пролетариев, перекинуть мост между помещиками и крестьянами, сдвинуть воз с помощью лебедя, рака и щуки — вот к чему стремится беспартийность.

Беспартийность чувствует своё бессилие в деле объединения необъединимого и потому вздыхает:

«Ах если бы, да кабы
во рту росли грибы!»

Но грибы не растут во рту, и беспартийность каждый раз остаётся на бобах, в чудаках.

Человек безголовый, или — точнее — с репой на плечах вместо головы — вот беспартийность.

Именно такую позицию занимает «прогрессивный» журнал «Запросы Жизни» [103].

«Правые партии уже приняли своё решение,— говорят «Запросы Жизни»,— они соединятся в одну реакционную массу для борьбы со всей прогрессивной оппозицией... Блоку правых, поэтому, должен быть противопоставлен блок левых, обнимающий все прогрессивные общественные элементы» (см. «Запросы Жизни» № 6).

Но кто такие эти «прогрессивные элементы»?

Это мирнообновленцы [104], кадеты, трудовики, социал-демократы. То есть «прогрессивные» буржуа, либеральствующие помещики, жаждущие помещичьей земли крестьяне и борющиеся с буржуа пролетарии.

И «Запросы Жизни» добиваются объединения этих «элементов»!

Не правда ли: это очень оригинально и... неумно.

И этот орган беспринципных людей собирается читать лекции социал-демократам о тактике на выборах в IV Думу?

Чудаки!..

Петербургская газета «Звезда» № 30, 15 апреля 1912 г.
Подпись: К. С — н

Печатается по тексту газеты

ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ!

«Петиции, которые прислали рабочие с требованием свободы... коалиций, нисколько не облегчили их положения, а, наоборот, в ответ на это требование рабочие получили расстрел»...

Из речи депутата Кузнецова

Это было не так давно — всего год назад — когда ревнители «легальной партии», господа ликвидаторы, с шумом и треском открыли так называемую петиционную кампанию.

«Публицистический» орган ликвидаторов, всем известное «Дело Жизни» [105], писал, что очередной задачей рабочего движения является борьба за право коалиций **путём петиций.**

«Научный» орган ликвидаторов, «Наша Заря» [106], «обосновывая» эту задачу, уверял рабочих, что петиции сорганизуют вокруг себя «широкие массы».

Но вот разыгралась на Ленских приисках кровавая драма, выступила на сцену живая жизнь с её неумолимыми противоречиями,— и петиционная тактика ликвидаторов разлетелась вврах. Законная забастовка, петиции, просьбы — всё пошло насмарку. «Обновлённый» строй показал своё настоящее лицо. А представитель этого строя, министр Макаров, как бы для большей ясности, заявил, что расстрел 500 рабочих — ещё не всё, что это только начало, что и впредь с божией помощью будет то же самое...

Не в бровь, а в глаз! С шумом выступившая петиционная тактика разбилась о жизнь! Политика петиций оказалась бессильной!

Не петициям, стало быть, суждено разрешить вековую тяжбу между старой и новой Россией...

А многочисленные митинги и забастовки рабочих, поднятые во всех углах России, по поводу ленской бойни — разве они не говорят лишний раз о том, что рабочие не пойдут по пути петиций?

Послушайте-ка депутата от рабочих Кузнецова:

«В сущности петиции, которые рабочие прислали с требованием свободы коалиций, нисколько не облегчили их положения, а, наоборот, в ответ на эти требования рабочие получили расстрел»...

Вот что говорит депутат Кузнецов.

Да иначе и не может говорить депутат от рабочих, прислушивающийся к голосу родной для него рабочей среды.

Нет, не везёт ликвидаторам!..

Ну, а петиционная тактика? Куда ж её девать?

— Уж, конечно, куда-нибудь подальше от рабочих...

Да, да, уроки жизни, повидимому, не проходят даром даже для ликвидаторов. Петиционное опьянение, кажется, начинает проходить. Что ж, приветствуем их с протрезвлением, всей душой приветствуем!

Мы ведь давно твердим: жизнь всесильна, и она всегда побеждает...

Петербургская газета «Звезда» № 30, 15 апреля 1912 г.
Подпись: К. Салин

Печатается по тексту газеты

ОНИ ХОРОШО РАБОТАЮТ...

После ленских выстрелов — забастовки и протесты по России.

После думских «объяснений» министра Макарова — демонстрация в столице России.

Правительство хотело вогнать Россию в тиски кровавых «распоряжений».

Россия же оказалась сильнее правительства и решила итти своим путём...

Бросим ещё раз взгляд на историю ленских событий.

На Ленских приисках шла забастовка 6 000 рабочих. Забастовка мирная, организованная. Конечно, лживая «Речь» может говорить о «стихийном бунте» на Лене (см. № 103). Но мы судим не по лживой «Речи», а по «донесению» очевидца Тульчинского. А г. Тульчинский утверждает, что рабочие в тот день вели себя образцово, что «никаких камней и палок не было» у рабочих. А затем, адские условия работы на приисках, минимальные требования со стороны рабочих, добровольный отказ от требования восьми часов, готовность рабочих к дальнейшим уступкам — всё это знакомая картина мирной ленской забастовки.

Тем не менее правительство нашло нужным расстрелять рабочих, мирных, безоружных рабочих, с табачными кисетами в руках, с заявлениями в карманах об освобождении арестованных товарищей...

Трещенко не привлечён к ответственности,— не ясно ли, что он действовал по распоряжению свыше?

Решено привлечь рабочих, а не Трещенко,— разве не ясно, что кому-то нужна была кровь пролетариата?

Двух зайцев хотели убить в день выстрелов. Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов. Во-вторых, припугнуть рабочих других городов и местностей,— дескать, несите безропотно ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими.

В результате — не достигли ни того, ни другого.

Ленские людоеды не удовлетворены, ибо забастовка на приисках продолжается.

Рабочие же других городов не только не напуганы, а, наоборот, в знак протеста против расстрелов подымают забастовку за забастовкой.

Более того. На «объяснения» Макарова столица России, Петербург, ответила демонстрацией тысяч студентов и рабочих.

Наиболее чуткая часть русского общества, учащаяся молодёжь, протянула руку наиболее революционной части русского народа, пролетариату, и, подняв красные знамёна, провозгласила: да, «так было», но так уж не должно быть!

От мирной экономической забастовки на Лене — к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России — к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России,— вот

чего добились представители власти в своей борьбе с рабочими.

Да, хорошо «роет крот» освободительного движения, дальновидное русское правительство!

Ещё два-три таких «подвига», и можно будет с несомненностью сказать, что от крикливой фразы министра Макарова останется одно лишь жалкое воспоминание.

Работайте, господа, работайте!

Петербургская газета «Звезда» № 31, 17 апреля 1912 г.
Подпись: К. Солин

Печатается по тексту газеты

ТРОНУЛАСЬ!..

Закованная в цепях лежала страна у ног её поработителей.

Ей нужна была народная конституция,— а получила дикий произвол, меры «пресечений» и «усмотрений».

Она нуждалась в народном парламенте,— а преподнесли ей господскую Думу, Думу Пуришкевича и Гучкова.

Ей нужна была свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов,— а видит она вокруг себя одни лишь разрушенные рабочие организации, закрытые газеты, арестованных редакторов, разогнанные собрания, сосланных забастовщиков.

Она требовала земли для крестьян,— а преподнесли ей аграрные законы, бросившие крестьянские массы в ещё большую земельную нужду в угоду кучке сельских богатеев.

Ей обещали защиту «личности» и «собственности»,— а тюрьмы и ссылка переполнены «неблагонадёжными», а начальники сыскных полиций (вспомните Киев, Тифлис!) вступают в союз с бандитами и ворами для угнетения личности и расхищения собственности.

Ей обещали «благоденствие» и «преуспеяние», а крестьянское хозяйство всё падает, десятки миллионов крестьян голодают, цынга и тиф уносят тысячи жертв...

А страна всё терпела, терпела...

Те же, кто не могли терпеть, кончали самоубийством.

Но всё имеет конец,— настал конец и терпению страны.

Ленские выстрелы разбили лёд молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Всё, что было злого и пагубного в современном режиме, всё, чем болела многострадальная Россия — всё это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций.

В этом — и только в этом — следует искать объяснений последним событиям.

А верховоды Думы — октябристы, кадеты, прогрессисты [107] — ждут «объяснений» сверху, из уст представителей власти!

Октябристы «запрашивают», прогрессисты просто «спрашивают», кадеты «находят своевременным» говорить о каких-то Трещенко, жалких марионетках в руках событий!

И это в то время, когда Макаров уже бросил им своё хвастливое: «так было, так будет»!

В столице России бастуют десятки тысяч рабочих, войска приведены в боевое положение, из-за внутренних «осложнений» расстраиваются дела «нашей» внешней политики по вопросу о Дарданеллах,— а они ждут ответа сверху от «сфер»!

Слепые! Не видят, что в эти дни слово принадлежит пролетариату, а не представителям власти...

Петербургская газета «Звезда» № 32, 19 апреля 1912 г.
Подпись: К. С.

Печатается по тексту газеты

КАК ОНИ ГОТОВЯТСЯ К ВЫБОРАМ

Приближаются выборы в IV Думу [108], и враги освободительного движения мобилизуют силы.

Перед нами прежде всего контрреволюционные партии: крайние правые, националисты, октябристы. Все они так или иначе поддерживают правительство. На что они могут рассчитывать в предстоящей избирательной кампании? Уж, конечно, не на сочувствие широких слоёв населения: партии, связавшие свою судьбу с судьбой правительства ленских расстрелов,— не могут рассчитывать на сочувствие масс! Единственная их надежда — правительственные «распоряжения». А в «распоряжениях», как водится, не будет недостатка. Министерство внутренних дел уже разослало циркуляр губернаторам, где оно рекомендует «меры для обеспечения избрания в уполномоченные от волостей вполне благонадёжных и не принадлежащих к левым людей». А к чему на деле сведутся все эти «меры» — мы знаем из практики: устранение из списков левых кандидатов, искусственно создаваемые против них процессы, арест, высылка,— вот эти «меры»! С другой стороны, святейший синод советует епархиальным епископам

принять самое горячее участие в предстоящих выборах, проводить в Думу стойких защитников церковных интересов, с этой целью созвать предвыборные съезды епархиального духовенства, приступить к изданию специальных предвыборных газет и т. д.

Плохи, плохи дела правительственных партий, если даже отцам церкви приходится забрасывать из-за них «дела церковные» в угоду «дел мирских»!

Выборы под давлением духовных и светских губернаторов — вот, стало быть, на какие средства могут они рассчитывать.

Правда, есть ещё одно средство — это приклеить марку беспартийности и, обморочив избирателей, пролезть как-нибудь в Думу, чтобы потом сбросить маску. Именно к этому клонят «дело» ковенские националисты, выступившие на днях в маске беспартийности. Но средство это тонкое и, должно быть, не подойдёт к нашим неуклюжим зубрам...

Другое дело российские либералы: кадеты, мирнообновленцы, прогрессисты. Это публика вертлявая и ей, пожалуй, удалось бы до дна использовать марку беспартийности... А такая беспартийность нужна полинявшим кадетам, дозарезу нужна.

Дело в том, что за время III Думы обыватель научился критически смотреть на октябристов, кадетов. С другой стороны, люди «первой курии», крупные городские буржуа, «разочаровались» в октябристах, не «оправдавших» надежд. Есть, стало быть, возможность «выбить из седла» октябристов, конкурентов ка-дэ на министерские передние. Но как перебросить мост к «первой курии», как не через прогрессивных мирнообновленцев? Поэтому — да здравствует союз с

мирнообновленцами! Правда, для этого нужно «немножечко» поправеть, но что за беда: разве нельзя поправеть, раз это так выгодно?

Итак, равнение направо!

С другой стороны, «мелкий и средний городской люд» «второй курии», интеллигенция, приказчики и прочие, успел порядком полеветь, особенно в связи с разрастающимися ленскими событиями. Кадеты чувствуют за собой тяжкие политические грехи, они слишком часто пытались изменить делу «народной свободы», они и теперь с радостью устремились бы в министерские передние, если бы были уверены, что пустят — бог видит! Но именно поэтому городские демократические слои начинают косо поглядывать на ка-дэ. Надо ли ещё говорить, что выступать перед таким избирателем без маски, с собственной физиономией либеральных изменников — опасновато? Но что же в таком случае выдумать для полевевшего городского люда, уже отходящего от ка-дэ, но ещё не пришедшего к эс-дэ? Конечно, прогрессивный туман... то бишь — прогрессивную беспартийность. О, не думайте, что прогрессисты кадеты! Нет, они вовсе не кадеты, они будут только голосовать за кадетских кандидатов, они лишь «беспартийные» приказчики кадетов... И кадеты рекламируют «беспартийных» прогрессистов: нельзя иначе, надо хоть на словах полеветь в сторону... беспартийности!

Итак, равнение налево!

С одной стороны... с другой стороны... правее... левее... Такова политика партии либерального обмана народа, партии кадетов.

Морочить избирателя — вот на какое средство будут рассчитывать российские либералы.

И — это надо подчеркнуть — беспартийное шарлатанство может сыграть крупную роль на выборах. Оно может сыграть крупную роль, если социал-демократы не будут разоблачать либеральных господ в маске, если они не поведут энергичную кампанию в связи с наступающими выборами, если они не приложат всех имеющихся в их распоряжении сил к тому, чтобы городские демократические слои сплотились вокруг вождя освободительного движения, вокруг русского пролетариата.

Петербургская газета «Звезда» № 32, 19 апреля 1912 г.
Подпись: К. Солин

Печатается по тексту газеты

ВЫВОДЫ

Первая волна политического подъёма начинает отходить. Идут «последние» забастовки. Там и сям раздаются ещё голоса протестующих забастовщиков, но это будут «последние» голоса. Страна, пока что, начинает принимать «обычный» вид...

Какие уроки может извлечь пролетариат из последних событий?

Восстановим картину «дней движения».

4 апреля. Расстрел на Лене. Около 500 жертв убитых и раненых. В стране, видимо, спокойно. Настроение правительства твёрдое. Начинаются забастовки-протесты на юге.

10 апреля. Запрос в Думе. Число забастовок возрастает. Становится тревожно.

11 апреля. Ответ министра Макарова: «так было, так будет». Тимашёв «не вполне» согласен с Макаровым. Первое замешательство в рядах представителей власти. В Петербурге идут митинги и забастовки. В провинции движение усиливается.

15 апреля. В Петербурге демонстрация студентов и рабочих.

18 апреля. В Петербурге бастует свыше 100 000 рабочих. Устраиваются демонстрации рабочих. Власть теряет голову. Макаров не решается показаться в Думе. Тимашёв приносит извинение. Власть отступает. Уступка «общественному мнению».

Вывод ясен: молчанием, терпением невозможно добиться раскрепощения. Чем громче раздаётся голос рабочих, тем больше теряют голову силы реакции, тем скорее они отступают...

«Дни движения» — наилучшее поле для испытания политических партий. Партии нужно оценивать не по тому, что̀ они говорят, а по тому, как они ведут себя «в дни борьбы». Как же вели себя партии, называющие себя «народными», в эти дни?

Группа крайне-черносотенных помещиков, с Замысловскими и Марковыми во главе, с трудом скрывала свою радость по поводу ленских расстрелов. Помилуйте, власть показала силу и строгость — пусть знают «лодыри»-рабочие, с кем имеют дело! Они аплодировали Макарову. Они голосовали против запроса социал-демократической фракции в Думе. Их газета «Земщина» [109] всячески натравливала власть на ленских «агитаторов», на бастующих по России рабочих, на рабочую газету «Звезду».

Группа умеренно-черносотенных помещиков, с Балашовыми и Крупенскими во главе, в сущности, ничего не имела против расстрелов,— она жалела только, что власть действовала слишком прозрачно, открыто. Поэтому, проливая крокодиловы слёзы по поводу «убитых», она в то же время желала правительству «тактичности» в делах расстрелов. Она голосовала против запроса социал-демократической фракции, а её орган

«Новое Время» [110] предлагал власти «не церемониться» с «убеждёнными забастовщиками», демонстрантов подвергать «не лёгкому штрафу или аресту, а очень строгому наказанию», арестованных же «агитаторов» не выпускать больше из тюрем.

Партия консервативных помещиков и паразитических слоёв буржуазии, партия октябристов, с Гучковыми и Гололобовыми во главе, скорбела не о расстрелянных, а о том, что поддерживаемое ею министерство получило «неприятности» (забастовки) из-за «неправильного применения огнестрельного оружия» на Лене. Называя выступление Макарова «не вполне тактичным», она в своём органе, «Голос Москвы» [111], выражала уверенность в том, что правительство «неповинно в пролитой крови». Она провалила запрос социал-демократов. Она науськивала власти на «подстрекателей». Когда же Тимашёв взялся реабилитировать Макарова, она ему аплодировала, считая «инцидент» исчерпанным.

Партия либеральных помещиков и средних слоёв буржуазии, партия кадетов, с Милюковыми и Маклаковыми во главе, метая громы фраз против ленских расстрелов, находила, однако, что дело не в основах режима, а в лицах, вроде Трещенко и Белозёрова. Поэтому, пропев фарисейское «мы ошиблись» по поводу выступления Макарова, она вполне удовлетворилась «покаянным» выступлением Тимашёва и притихла. **С одной стороны**, она поддержала социал-демократическую фракцию, требовавшую суда страны над представителями власти. **С другой стороны**, она приветствовала представителей промышленной буржуазии, господ мирнообновленцев, просивших тех же представителей власти унять бастующих рабочих «культурными

мерами». А чтобы не осталось никаких сомнений насчёт её, партии ка-дэ, благонамеренности,— она взяла да и объявила в своей «Речи» ленскую забастовку «стихийным бунтом».

Вот как вели себя все эти «народные» партии в «дни движения».

Пусть запомнят это рабочие и воздадут им должное в «дни выборов» в IV Думу.

Только социал-демократия защищала в «дни борьбы» интересы рабочих, только она говорила всю правду.

Вывод ясен: социал-демократия — единственная защитница пролетариата. Все остальные упомянутые партии — враги рабочего класса с той, однако, разницей, что они различным образом борются с рабочими: кто — «культурными мерами», кто «не совсем культурными», а кто и «вовсе некультурными».

Теперь, когда первая волна подъёма проходит, тёмные силы, спрятавшиеся было за ширмой крокодиловых слёз, начинают снова появляться. «Земщина» призывает к «мерам» против рабочей печати. «Новое Время» приглашает не щадить «убеждённых» рабочих. А власти берутся за «дело», ещё и ещё арестовывая «неблагонадёжных». На что же они могут рассчитывать в своём «новом походе», откуда такая смелость у растерявшихся было властей?

Они могут рассчитывать только на одно: на невозможность каждый раз подымать массовые протесты, на неорганизованность рабочих, на их недостаточную сознательность.

Петербургская газета «Звезда» № 33, 22 апреля 1912 г.
Подпись: К. Солин

Печатается по тексту газеты

НАШИ ЦЕЛИ

Кто читает «Звезду» и знает её сотрудников, являющихся также сотрудниками «Правды» [112], тому не трудно понять, в каком направлении будет работать «Правда». Освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела — вот какие цели будет преследовать «Правда».

Ставя такие цели, мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихся среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немыслимо без разногласий,— только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»! Но это ещё не значит, что пунктов расхождения больше, чем пунктов схождения. Далеко нет! Как бы ни расходились передовые рабочие, они не могут забыть, что все они, без различия фракций,— одинаково эксплуатируемы, что все они, без различия фракций, одинаково бесправны. Поэтому «Правда» будет призывать, прежде всего и главным образом, к единству классовой борьбы пролетариата, к единству во что бы то

ни стало. Поскольку мы должны быть непримиримы по отношению к врагам, постольку же требуется от нас уступчивость по отношению друг к другу. Война врагам рабочего движения, мир и дружная работа внутри движения — вот чем будет руководствоваться «Правда» в своей повседневной работе.

Это особенно необходимо подчеркнуть теперь, когда ленские события и наступающие выборы в IV Думу с исключительной настойчивостью ставят перед рабочими вопрос о необходимости сплотиться в единую классовую организацию...

Вступая в работу, мы знаем, что путь наш усеян терниями. Достаточно вспомнить «Звезду», перенесшую кучу конфискаций и «привлечений». Но тернии не страшны, если сочувствие рабочих, окружающее теперь «Правду», будет продолжаться и впредь. В этом сочувствии будет она черпать энергию для борьбы! Мы бы желали, чтобы сочувствие это росло. Мы бы желали, кроме того, чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело: раза два споткнёшься, а там и научишься писать...

Итак, дружнее за работу!

Газета «Правда» № 1,
22 апреля 1912 г.

Статья без подписи

Печатается по тексту газеты

НАКАЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ СВОЕМУ РАБОЧЕМУ ДЕПУТАТУ[113]

Выдвинутые движением пятого года требования русского народа остались неразрешёнными.

Развитие реакции и «обновлённого строя» не только не удовлетворило этих требований, а — наоборот — ещё больше обострило их.

Рабочие часто лишены возможности не только бастовать,— ибо нет гарантии, что в них за это не будут стрелять; не только устраивать союзы и собрания,— ибо нет гарантии, что их за это не арестуют,— но и выбирать в Думу, так как их всё равно «разъяснят»[114] или вышлют: ведь «разъяснили» же на днях путиловцев и рабочих с Невского судостроительного завода!

Мы уже не говорим о голодающем десятками миллионов крестьянстве, отданном на произвол помещиков и земских начальников...

Всё это говорит о необходимости удовлетворения требований пятого года.

Состояние же экономической жизни России, уже появляющиеся признаки будущего промышленного кризиса и всё усиливающееся обнищание широких слоёв

крестьянства делают необходимость разрешения задач пятого года настоятельной.

Поэтому мы думаем, что Россия живёт накануне грядущих массовых движений, быть может, более глубоких, чем в пятом году. Об этом свидетельствуют ленские выступления, забастовки-протесты против «разъяснений» и т. д.

Застрельщиком этих движений будет, как и в пятом году, наиболее передовой класс русского общества, русский пролетариат.

Союзником же его может быть лишь многострадальное крестьянство, кровно заинтересованное в раскрепощении России.

Борьба на два фронта,— с феодально-бюрократическими порядками и с либеральной буржуазией, ищущей союза со старой властью,— вот какую форму должны принять будущие выступления народа.

И борьба эта будет победоносна лишь постольку, поскольку рабочий класс будет выступать во главе народного движения.

Но чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, он должен быть вооружён сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе.

Мы бы хотели, чтобы социал-демократическая фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере чёрной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надёжном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплочённой.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса России.

Издано отдельным листком в первой половине октября 1912 г. *Печатается по тексту листка*

ВОЛЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ

Результаты выборов по рабочей курии окончательно выяснены [115]. Из шести выборщиков — 3 ликвидатора и 3 сторонника «Правды». Кого из них наметить в депутаты? Кого, собственно, следовало бы наметить? Дало ли на этот счёт какие-либо указания собрание уполномоченных?

Ликвидаторы провели своих сторонников потому, что они скрыли от уполномоченных свои взгляды, замазали разногласия, играя в «единство». Их поддержали поверившие им на слово беспартийные уполномоченные, не любящие разногласий. Но как ни старались ликвидаторы замутить воду, в одном — и в самом главном — всё-таки сказалась воля уполномоченных. Это вопрос о наказе. Собрание уполномоченных приняло подавляющим большинством определённый наказ депутату, наказ сторонников «Правды».

В своём отчёте о выборах «Луч» [116] умалчивает об этом, но ему не удаётся скрыть от читателей правду, известную всем уполномоченным. Волю уполномоченных мы не дадим ему исказить.

Наказ — это директива депутату. Наказ делает депутата. Каков наказ, таков депутат. О чём же говорит наказ, выдвинутый крупными петербургскими заводами и принятый собранием уполномоченных?

Наказ говорит прежде всего о задачах пятого года, о том, что задачи эти остались неразрешёнными, что экономическое и политическое положение страны делает их разрешение неминуемым. Освобождение страны, по наказу, может быть достигнуто борьбой, борьбой на два фронта: против феодально-бюрократических пережитков, с одной стороны, и против изменнической либеральной буржуазии, с другой. Причём надёжным союзником рабочих может быть лишь крестьянство. Но борьба может быть победоносна лишь при условии гегемонии (руководящей роли) пролетариата. Чем больше сознания и организованности у рабочих, тем лучше они выполнят роль вождя народа. А так как думская трибуна является при данных условиях одним из лучших средств организации и просвещения масс, то рабочие и посылают в Думу депутата с тем, чтобы он, а также вся с.-д. фракция IV Думы защищали коренные задачи пролетариата, полные и неурезанные требования страны...

Таково содержание наказа.

Нетрудно понять, что наказ этот в корне расходится с «платформой» ликвидаторов,— он целиком антиликвидаторский.

И вот вопрос: если ликвидаторы всё-таки осмелятся выставить своего кандидата в депутаты, то как быть с наказом, который ведь должен проводить депутат, раз имеется об этом определённое решение съезда уполномоченных?

Антиликвидаторский наказ, проводимый ликвидатором,— дойдут ли до такого позора наши ликвидаторы?

Чувствуют ли они, что игра в «единство» загнала их в тупик?

Или, быть может, они намерены нарушить наказ, предать его забвению?

Но как быть тогда с волей уполномоченных, в защиту которой несомненно выступят рабочие Петербурга?

Осмелятся ли ликвидаторы попрать волю уполномоченных?

Они ещё говорят о победе, но чувствуют ли они, что наказ нанёс им смертельное поражение, подчеркнув, что депутатом может быть только антиликвидатор?

Газета «Правда» № 147,
19 октября 1912 г.
Подпись: К. Ст.

Печатается по тексту газеты

К ИТОГАМ ВЫБОРОВ ПО РАБОЧЕЙ КУРИИ ПЕТЕРБУРГА

1. ВЫБОРЫ УПОЛНОМОЧЕННЫХ

Наиболее характерной чертой в настроении рабочих, в сравнении с 1907 годом, является большой подъём интереса к выборам. Если не считать маленьких групок, там и сям рассеянных по предприятиям, можно смело сказать, что бойкотистское настроение совершенно отсутствует. Обухов[117] не бойкотировал, а был лишён возможности выбирать волей заводской администрации. Невский судостроительный завод был единственный, где бойкотисты выступили организованно, но и там рабочие высказались подавляющим большинством за участие. Широкие массы рабочих стояли за выборы. Более того, они добивались выборов и выбирали с большим интересом, поскольку не ставились им непреодолимые преграды. Об этом свидетельствуют и недавние массовые протесты против «разъяснений»...

Выбирали почти исключительно социал-демократов или примыкающих к социал-демократам. По независящим обстоятельствам только в некоторых предприятиях удалось развернуть платформу последовательной рабочей демократии, тем более, что ликвидаторы благоразумно прятали от рабочих свою платформу. Но

там, где это удавалось, всюду рабочие принимали в виде «наказа» платформу антиликвидаторов. В таких случаях ликвидаторы,— очевидно, не уважая ни себя, ни своих взглядов,—заявляли, что «в сущности они также за такой наказ» (Невский судостроительный завод), причём вносились ими «поправки» о свободе коалиции, которые отвергались, как излишние. Следовательно, выбирали главным образом «по лицам». И подавляющее большинство уполномоченных оказалось социал-демократами или примыкающими к ним.

Социал-демократия — единственная выразительница интересов рабочего класса, вот о чём говорят выборы уполномоченных.

2. ВЫБОРЫ ВЫБОРЩИКОВ

Из собравшихся 82 уполномоченных определённых антиликвидаторов было 26, определённых ликвидаторов — 15, остальные 41 — «просто социал-демократы», примыкающие к социал-демократам и беспартийные левые.

За кого выскажутся эти 41, какую политическую линию они одобрят — вот вопрос, который прежде всего интересовал «фракционеров».

Собрание уполномоченных подавляющим большинством высказалось за наказ, предложенный сторонниками «Правды». Этим оно определило свою физиономию. Восторжествовала политическая линия антиликвидаторов. Попытка ликвидаторов помешать этому провалилась.

Будь ликвидаторы политически-честными, уважай они свои взгляды,— они сняли бы своих кандидатов,

предоставив все места сторонникам «Правды». Ибо ясно само собой, что кандидатами могли быть только сторонники наказа. Противники наказа в качестве защитников наказа — на это могли пойти только политические банкроты. Ликвидаторы пошли и на это! Скрыв перед уполномоченными свои взгляды, прикинувшись временно «своими», якобы «ничего не имеющими против» принятого наказа, играя в единство и жалуясь на антиликвидаторов, как на раскольников,— они старались разжалобить нефракционного уполномоченного, как-нибудь «протащить» своих людей. И, действительно, они протащили их, обманув уполномоченных.

Было ясно, что авантюризму ликвидаторов не будет конца.

Не менее ясно было, что политическая линия «Правды», и только она, встречает сочувствие петербургского пролетариата, что, согласно воле уполномоченных, депутатом от рабочих может быть только сторонник «Правды».

Большей победы мы и не желали...

3. ДВА ЕДИНСТВА

Раньше, чем перейти к выбору депутата, необходимо сказать два слова о том «единстве», которое сыграло при выборе выборщиков роковую роль и за которое хватаются ликвидаторы, как утопающий за соломинку.

Троцкий писал недавно в «Луче», что «Правда» была когда-то за единство, а теперь она якобы против единства. Верно ли это? И верно, и неверно. Верно, что «Правда» была за единство. Неверно, что она теперь против единства: «Правда» всегда призывает последовательную рабочую демократию к единству.

Так в чём же дело? А в том, что «Правда» и «Луч» с Троцким совершенно различно смотрят на единство. Бывают, очевидно, разные единства.

«Правда» думает, что в единое целое могут быть объединены только большевики и партийцы-меньшевики. Единство на почве размежевания с антипартийными элементами, с ликвидаторами! За такое единство «Правда» всегда стояла и будет стоять.

Троцкий же смотрит на дело иначе: он валит в одну кучу всех, как противников партийности, так и её сторонников. И, разумеется, у него не получается никакого единства: пять лет он ведёт эту ребяческую проповедь объединения необъединимого, и вот он достиг того, что у нас есть две газеты, две платформы, две конференции и ни капли единства между рабочей демократией и ликвидаторами!

В то время как большевики и партийцы-меньшевики всё больше сплачиваются в единое целое, ликвидаторы вырывают пропасть между собой и этим целым.

Практика движения подтверждает план единства «Правды».

Практика движения разбивает ребяческий план Троцкого об объединении необъединимого.

Более того. Из проповедника фантастического единства Троцкий превращается в приказчика ликвидаторов, делающего дело, угодное ликвидаторам.

Троцкий сделал всё возможное для того, чтобы у нас были две конкурирующие между собой газеты, две конкурирующие платформы, две друг друга отрицающие

конференции,— и теперь этот чемпион с фальшивыми мускулами сам же поёт нам об единстве!

Это не единство, а игра, достойная комедианта.

И если эта игра дала ликвидаторам возможность провести трёх своих выборщиков, то потому, что в короткий промежуток времени невозможно было разоблачить комедиантов единства, спрятавших своё знамя от рабочих...

4. ВЫБОРЫ ДЕПУТАТА

Отсюда не трудно понять, о каком «единстве» могли говорить ликвидаторы, когда они обратились к сторонникам «Правды» с предложением об одном кандидате в Думу. Они просто предложили голосовать за кандидата ликвидаторов, вопреки воле уполномоченных, вопреки наказу петербургского пролетариата. Что могли ответить на это сторонники «Правды», кроме того, что наказ уполномоченных священен и депутатом может быть только сторонник наказа? Нарушить ли волю уполномоченных в угоду бесхарактерности ликвидаторов, или перешагнуть через капризы последних в угоду наказу петербургского пролетариата? «Луч» кричит о раскольничестве «Правды» и возводит небылицу на выборщиков, но почему ликвидаторы не согласились на жеребьёвку между шестью выборщиками от рабочих, которую им предложили из «Правды»? В интересах единой кандидатуры от рабочих мы пошли даже на такую уступку, но почему, спрашиваем мы, ликвидаторы отвергли жеребьёвку? Почему сторонники «Луча» предпочли шесть кандидатур в Думу одной? Может быть, в интересах «единства»?

«Луч» говорит, что Гудков предложил кандидатом сторонника «Правды» Бадаева, но, скромно добавляет ликвидаторская газета, предложение не было принято. Но разве ликвидаторы из «Луча» забыли о том, что их сторонник Петров, а не «правдист», отказался снять свою кандидатуру и тем он на деле показал ликвидаторское тяготение к «единству». И это всё-таки называют единством! Может быть и то, что другой сторонник «Луча» Гудков выставил свою кандидатуру после того, как был уже избран сторонник «Правды» Бадаев, тоже представляет единство? Кто этому поверит?

«Луч» фарисейски рекламирует политически-безличного Судакова, якобы снявшего свою кандидатуру в интересах единства. Но неужели «Луч» не знает, что Судаков просто **не мог** баллотироваться, ибо он получил только две записки? Как назвать газету, которая решается врать на глазах у всех?

Политическая бесхарактерность — неужели это единственное «достоинство» ликвидаторов?

Ликвидаторы старались протащить в Думу своего человека волей кадетов и октябристов, вопреки воле петербургских рабочих. Но неужели оторванный от рабочих масс «Луч» так-таки не понимает, что такому депутату петербургские рабочие объявили бы недоверие?

Газета «Правда» № 151,
24 октября 1912 г.
Подпись: К. Ст.

Печатается по тексту газеты

СЕГОДНЯ ВЫБОРЫ

Сегодня выборы в Петербурге. Выборы по второй курии. Борются два лагеря: социал-демократы и кадеты. Избиратели должны решить, кому они вверяют судьбу страны.

Чего хотят социал-демократы?

Чего хотят кадеты?

Социал-демократы, как представители рабочего класса, стремятся к освобождению человечества от всякой эксплуатации.

Кадеты же, как представители либеральной буржуазии, строят своё будущее на эксплуатации человека человеком, эксплуатации — правда — подчищенной, но всё-таки эксплуатации.

Социал-демократы думают, что вопрос об обновлении страны остался неразрешённым, что его нужно разрешить,— разрешить усилиями самой же страны.

Кадеты же полагают, что разговоры об обновлении излишни, так как «у нас, слава богу, есть конституция»...

Социал-демократы думают, что на пути к обновлению страны Россия разделилась на две России: старую, официальную, и новую, грядущую.

Кадеты же полагают, что после «дарования конституции» «такое противоположение» двух Россий «более невозможно», ибо «Россия — одна».

Вывод один: конституционный идеал кадетов уже осуществлён. Рамки третьеиюньского положения для них нестеснительны.

Вот, например, что говорил Милюков на банкете в Лондоне в 1909 году, где вместе с ним «представляли» Россию октябрист Гучков и «умеренный» черносотенец Бобринский:

«Вы видите перед собой людей весьма различных оттенков политических убеждений, но эти различия, дополняя друг друга, представляют нам великий идеал конституционной России» (см. книгу И. Ефремова «Русские народные представители» и пр., стр. 81).

Следовательно, черносотенец Бобринский, «дополняющий» кадета Милюкова в интересах... «народной свободы»,— таков, оказывается, «великий идеал» кадетов.

На лондонском банкете не было **ни одного** представителя рабочих, **ни одного** представителя крестьян, но «великие идеалы» кадетов, оказывается, обходятся без рабочих, без крестьян...

Конституция Бобринских, Гучковых и Милюковых без представителей рабочих, без представителей крестьян — вот они, «идеалы» кадетов!

Следует ли удивляться после этого, что кадеты голосовали в третьей Думе за: 1) антинародный бюджет, 2) за косвенные налоги, 3) за ассигновки на тюрьмы и т. д.?

Следует ли удивляться после этого, что кадеты высказываются против требований рабочих, крестьян и всей демократии?

Следует ли удивляться после этого, что кадеты, устами Маклакова, требовали по отношению к студенческому движению «больше энергии, строгости и жестокости», а мирную забастовку ленских рабочих третировали в «Речи» «стихийным бунтом»?

Нет, это не партия «народной свободы», а партия изменников «народной свободе».

Такие люди только и способны торговаться с бюрократией за спиной народа. «Переговоры» с Витте, Столыпиным и Треповым, а теперь с Сазоновым отнюдь не случайность.

Такие люди только и способны проваливать социал-демократов в союзе с чёрными на выборах в Харькове, Костроме, Екатеринодаре, Риге.

Вверить судьбу страны таким людям — всё равно, что отдать страну врагам на посмешище.

Мы выражаем свою уверенность, что уважающие себя избиратели не свяжут своей чести с судьбой кадетов.

Пусть понесут сегодня кадеты достойную кару за их тяжкие грехи против русского народа!

Избиратели-**рабочие!** Голосуйте за представителей ваших интересов, за социал-демократов!

Избиратели-**приказчики!** Не голосуйте за кадетов, пренебрегших интересами вашего отдыха,— голосуйте за социал-демократов, единственных последовательных защитников ваших интересов!

Избиратели-**поляки!** Вы добиваетесь права свободного национального развития,— помните, что свобода национальностей немыслима без общей свободы, а кадеты изменяют свободе!

Избиратели-**евреи!** Вы добиваетесь равноправия евреев, но помните, что лобызающиеся с Бобринскими Милюковы и блокирующиеся с правыми кадеты не будут добиваться равноправия!

За предателей народной свободы или за защитников её, за кадетов или за социал-демократов — выбирайте, граждане!

Газета «Правда» № 152,
25 октября 1912 г.
Подпись: К. Ст.

Печатается по тексту газеты

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ РОССИИ![118]

9 января

Товарищи!

Снова встречаем мы девятое января — день, запечатлённый кровью сотен наших братьев рабочих, которых 9 января 1905 года царь Николай Романов расстрелял за то, что они, мирные и безоружные, пришли к нему просить о лучшей жизни.

Восемь лет прошло с тех пор. Восемь долгих лет, в течение которых, кроме краткого мига блеснувшей свободы, всё время страну нашу терзали и мучили царь и помещики!

Да и теперь, как раньше, в России расстреливают рабочих за мирную стачку — как это сделали на Лене. И теперь, как раньше, миллионы и миллионы крестьян доводят до голодовки — как это было в 1911 году. И теперь, как раньше, в царских тюрьмах пытают и издеваются над лучшими сынами народа, доводя их до массовых самоубийств — как то было недавно в Кутомаре, Алгачах[119] и т. д. И теперь, как раньше, расстреливают по царскому суду матросов и солдат, требующих земли для крестьян и свободы для всего народа — как это было недавно с 17-ю черноморскими

матросами[120]. То Николай Романов, помещичьей милостью самодержец всероссийский, осуществляет свою власть, дарованную «от бога» и благословляемую синодскими злодеями в рясах и черносотенцами — Пуришкевичами и Хвостовыми.

Попрежнему в тисках своих душит Россию монархия Романовых, собирающаяся в этом году отпраздновать 300-летний юбилей своего кровавого владычества над нашей страной.

Но Россия уже не та забитая и покорная Россия, которая долгие годы, молча, стонала под игом Романовых. И прежде всего — не тот наш русский рабочий класс, идущий во главе всех борцов за свободу. И 9 января 1913 года мы встретим не согбенными, униженными рабами, а с поднятой головой,— сплочённой армией бойцов, которые чуют, которые знают, что вновь просыпается народная Россия, что лёд контрреволюции разбит, что вновь тронулась река народного движения, что «за нами идёт свежих ратников строй»...

Восемь лет! Как мало прожито, как много пережито... За это время мы видели три Государственных думы. Первые две, в которых большинство имели либералы, но в которых громко раздавались голоса рабочих и крестьян, царь разогнал, творя волю черносотенных помещиков. Третья Дума сама была черносотенной и в течение пяти лет работала вместе с царской шайкой над ещё бо̀льшим закабалением и угнетением крестьян, рабочих — всей народной России.

За годы чёрной контрреволюции самую горькую чашу пришлось испить рабочему классу. С 1907 года, когда силам старого порядка удалось на время задавить революционное движение масс, рабочие стонут под

двойным игом. Им безжалостнее всех мстит царская банда. И на них же обрушивается наступление капитала. Фабриканты и заводчики, пользуясь политической реакцией, шаг за шагом отбирают всё, что завоёвано рабочими с таким трудом, с такими жертвами. При помощи локаутов, под охраной жандармерии и полиции, хозяева увеличивают рабочий день, сокращают заработную плату, вводят старые порядки на фабриках и заводах.

Стиснувши зубы, рабочие молчат. Восьмой и девятый годы были годами наибольшего упоения черносотенцев своим торжеством и наибольшего упадка рабочего движения. Но уже летом 1910 года начинают возрождаться рабочие стачки. А конец 1911 года приносит активный протест десятков тысяч рабочих против того, что с.-д. депутаты II Думы, осуждённые по провокации, остаются на каторге [121].

Массовое движение рабочих **окончилось** забастовкой 22 ноября 1907 года по поводу каторжного приговора над с.-д. депутатами II Думы. И массовое движение рабочих вновь **возродилось** в конце 1911 года опять-таки в связи с судьбой с.-д. депутатов II Думы, этих передовых борцов, этих героев рабочего класса, дело которых теперь продолжают рабочие депутаты IV Думы.

Оживление политической борьбы приносит с собой и оживление экономической борьбы рабочих. Политическая стачка питает экономическую и наоборот. Волна догоняет волну, и мощным потоком рабочее движение устремляется против твердынь монархии царя и самодержавия капитала. Всё новые и новые слои рабочих просыпаются к новой жизни. Всё более обширные массы вовлекаются в новую борьбу. Стачки по поводу

ленского расстрела, забастовки 1 мая, стачки протеста против лишения рабочих избирательных прав и стачка протеста против казни черноморских матросов привлекли около миллиона участников. Это были революционные стачки, стачки, пишущие на своём знамени: «Долой монархию Романовых, долой весь старый, прогнивший, душащий Россию помещичий строй!»

Ширится, растёт революционное движение рабочих. Рабочий класс начинает будить к новой борьбе и другие слои населения. Всё честное, всё рвущееся к лучшей жизни начинает протестовать против насилий царской своры. Даже буржуазия ворчит, даже она недовольна полным и безраздельным господством Пуришкевичей.

Режим 3 июня никого и ничего не замирил. Все годы контрреволюции показали, что нет свободной жизни в России пока цела монархия Романовых, пока неприкосновенно господство помещиков.

Нарастает новая революция, в которой рабочий класс опять сыграет почётную роль вождя всей освободительной армии.

На знамени рабочего класса попрежнему написаны три старых требования, из-за которых принесено так много жертв, из-за которых пролито столько крови.

8-часовой рабочий день — для рабочих!

Вся помещичья, царская и монастырская земля, без выкупа — для крестьян!

Демократическая республика — для всего народа!

Вокруг этих требований велась и ведётся борьба в современной России. Их выдвинули рабочие и в недавние дни ленских забастовок. Их выдвинет рабочий класс и 9 января.

Уже 9 января 1912 года рабочие в Петербурге, Риге, Николаеве пытались отметить стачками и демонстрациями. 9 января 1913 года мы сделаем это всюду — **по всей России.** 9 января 1905 года в крови рабочих родилась первая русская революция. Начало 1913 года пусть послужит преддверием **второй** революции в России. Дом Романовых, готовясь праздновать в 1913 году свой 300-летний юбилей, собирается ещё надолго устроиться на спине России. Скажем же 9 января 1913 года этой шайке:

Довольно! Долой монархию Романовых! Да здравствует демократическая республика!

Товарищи! Пусть 9 января 1913 года не пройдёт не отмеченным нигде, где живёт и борется русский рабочий.

Собраниями, резолюциями, митингами и, где можно,

однодневной стачкой и демонстрациями

отметим всюду этот день.

Вспомним в этот день о павших в борьбе героях! Лучше всего мы почтим их память, если в этот день по всей России раздадутся наши старые требования:

Демократическая республика!

Конфискация помещичьих земель!

8-часовой рабочий день!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Товарищи!

Готовьте протест 9 января.

Издано отдельной прокламацией в конце декабря 1912 г. — начале января 1913 г.

Печатается по тексту прокламации

ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

(Письмо из С.-Петербурга)

В отличие от выборов 1907 года выборы 1912 года совпали с революционным оживлением среди рабочих. В то время как тогда волны революции падали, а контрреволюция торжествовала, в 1912 году началась первая волна новой революции. Именно поэтому **тогда** рабочие выбирали вяло, а местами даже бойкотировали выборы, бойкотировали, конечно, **пассивно**, показывая тем самым, что пассивный бойкот — несомненный признак вялости и упадка сил. Именно поэтому **теперь**, в атмосфере подымающейся революции, рабочие с большим интересом шли на выборы, отбросив прочь дряблое политическое равнодушие. Более того: рабочие боролись за выборы, они добивались и добились права выборов путём грандиозных забастовок против «разъяснений», несмотря на все полицейские ухищрения и преграды. Это несомненный признак того, что политический столбняк прошёл, революция сдвинулась с мёртвой точки. Правда, волна новой революции **ещё** не так сильна, чтобы можно было поставить вопрос, скажем, об общей политической забастовке. Но она **уже** настолько сильна, что местами можно прорвать паутину

«разъяснений» в интересах оживления выборов, в интересах организации сил пролетариата, в интересах политического просвещения масс.

I

РАБОЧАЯ КУРИЯ

1. БОРЬБА ЗА ВЫБОРЫ

Не лишне будет заметить, что инициатива забастовочной кампании принадлежала представителю Центрального Комитета и Петербургскому комитету нашей партии. 4 октября поздно вечером, накануне выборов выборщиков, нам стало известно, что уездной комиссией «разъяснены» уполномоченные наиболее крупных заводов (Путиловского и прочих). Через час собирается Исполнительная комиссия Петербургского комитета вместе с представителем ЦК [122] и, составив новый список выборщиков, выносит решение об однодневной забастовке-протесте. Ночью в тот же день собирается Путиловская заводская с.-д. группа и принимает решение Петербургского комитета. 5-го начинается Путиловская забастовка. Бастует весь завод. 7-го (в воскресенье) собирается заводская с.-д. группа Невского судостроительного завода и присоединяется к решению Петербургского комитета. 8-го бастует весь завод. За ними идут прочие фабрики и заводы. Бастуют не только «разъяснённые» предприятия, но и не «разъяснённые» (Паль), а также те, которые по «правилам о выборах» не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности. В революционных песнях и манифестациях нет недостатка... 8 октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборы выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстановляет в правах» путиловцев, привлекает к выборам большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу. Рабочие победили.

Интересна резолюция, принятая рабочими на Невском судостроительном и Путиловском заводах при объявлении забастовки:

«Протестуя против нарушения наших избирательных прав, заявляем, что только низвержение царизма и завоевание демократической республики могут обеспечить рабочим право и действительную свободу выборов».

Резолюция ликвидаторов о том, что «...только всеобщее избирательное право в Государственную думу могло бы гарантировать право выборов» — была отвергнута. Резолюции эти предварительно обсуждались на заводских с.-д. группах, и когда выяснилось, например, в группе Невского судостроительного завода, что резолюция ликвидаторов не встретила сочувствия, сторонники её обязались не выставлять её на митинге перед беспартийной массой, а поддержать принятую группой. К чести их следует заметить, что они исполнили своё слово. Зато антиликвидаторы ответили такой же лойяльностью, проводя в уполномоченные Гудкова, которого, имея большинство на заводе, могли «провалить». Было бы не плохо, если бы была хоть капля такого же чувства ответственности у «Луча», который так хорошо умеет писать о том, **чего не было** на заводах, но который умолчал о вышеупомянутой резолюции на Невском, резолюцию же путиловцев вдобавок ещё исказил.

Итак, рабочие боролись за выборы и добились выборов. Пусть извлекут из этого урок петербургские эсеры, так безуспешно выступавшие на Невском судостроительном заводе против выборов.

Рабочие боролись за выборы под лозунгом демократической республики. Пусть извлекут из этого урок фетишисты «частичных реформ», ликвидаторы из «Луча».

2. НАКАЗ ДЕПУТАТУ

«Разъяснительные» забастовки ещё не были ликвидированы, когда собрался съезд уполномоченных. Можно было заранее сказать, что наказ, выработанный Петербургским комитетом и одобренный крупными заводами Питера (Путиловский, Невский судостроительный заводы, Паль), будет принят уполномоченными. И, действительно, наказ был принят подавляющим большинством при незначительной группе воздержавшихся ликвидаторов. Попытки последних помешать голосованию были встречены возгласами «не мешайте!»

В своём наказе депутату уполномоченные говорят о «задачах пятого года», о том, что задачи эти «остались не разрешёнными», что экономическое и политическое развитие России «делает их разрешение неминуемым». Борьба рабочих и революционных крестьян за низвержение царизма, вопреки соглашательской политике кадетской буржуазии, борьба, вождём которой может быть только пролетариат,— вот что могло бы разрешить, по наказу, задачи пятого года (см. «Наказ» в «Социал-Демократе» № 28—29).

Как видите, это далеко не то, что либерально-ликвидаторский «пересмотр аграрных постановлений

III Думы» или «всеобщие выборы в Государственную думу» (см. платформу ликвидаторов)[123].

Петербургские рабочие остались верными революционным традициям нашей партии. Лозунги революционной социал-демократии, и только они, получили признание съезда уполномоченных. На съезде решали вопрос беспартийные (из 82 уполномоченных 41 «просто социал-демократов» и беспартийных), и если даже на таком собрании принят наказ Петербургского комитета, то это значит, что лозунги Петербургского комитета имеют прочные корни в чувствах и мыслях рабочего класса.

Как отнеслись ко всему этому ликвидаторы? Если бы они верили в свои взгляды и не хромали по части политической честности, они повели бы открытую борьбу против наказа, выставив *свой* наказ, *или*, потерпев поражение, сняли бы со списков своих кандидатов. Выставили же они свой список кандидатов в выборщики в противовес списку антиликвидаторов,— почему было не выставить также открыто свои взгляды, свой наказ? И когда прошёл наказ антиликвидаторов, почему было не заявить честно и открыто, что они, как противники наказа, не могут быть выбираемы в качестве будущих защитников наказа, что они снимают свои кандидатуры, очищая место сторонникам наказа? Ведь это элементарное правило политической честности. Или, может быть, ликвидаторы обошли наказ потому, что вопрос недостаточно полно дебатировался, а на съезде дело решилось голосами **беспартийных**? Но почему в таком случае они не подчинились решению 26 уполномоченных **социал-демократов**, нелегально собравшихся за несколько дней до съезда уполномоченных и после дискуссии принявших платформу антиликвидаторов

(большинством 16 против 9 при одном воздержавшемся), причём на собрании присутствовали и лидеры ликвидаторов и их уполномоченные? Какими высшими соображениями руководствовались ликвидаторы, попирая одновременно и наказ всего съезда, и волю 26 с.-д. уполномоченных? Очевидно, тут могло быть только одно соображение: насолить антиликвидаторам и «как-нибудь» протащить своих людей. Но в том-то и дело, что если бы ликвидаторы пошли в открытую борьбу, они не провели бы ни одного своего сторонника, ибо для всех было ясно, что ликвидаторский «пересмотр аграрных постановлений III Думы» не найдёт сочувствия среди уполномоченных. Оставалось одно: спрятать своё знамя, прикинуться сторонниками наказа, заявляя, что «собственно мы тоже за такой же почти наказ», и «как-нибудь» провести своих людей. Они так и поступили. Поступая же так, ликвидаторы признали своё поражение, зачислив себя в политические банкроты.

Но заставить противника свернуть своё знамя, т. е. заставить его признать **негодность** своего знамени, т.е. заставить его признать идейное превосходство своего врага — это именно и значит одержать моральную победу.

И вот «странность»: у ликвидаторов — «широкая рабочая партия», у антиликвидаторов же только «заскорузлый кружок», и всё-таки «узкий кружок» победил «широкую партию»!

Каких только чудес не бывает на свете!..

3. ЕДИНСТВО, КАК МАСКА, И ВЫБОРЫ ДЕПУТАТА

Когда буржуазные дипломаты готовят войну, они начинают усиленно кричать о «мире» и «дружественных отношениях». Если какой-нибудь министр иностранных дел начинает распинаться за «конференцию мира», то так и знайте, что «его правительство» уже отдало заказ на новые дредноуты и монопланы. У дипломата слова должны расходиться с делом,— иначе какой же он дипломат? Слова — это одно, дело — совершенно другое. Хорошие слова — маска для прикрытия скверных дел. Искренний дипломат — это сухая вода, деревянное железо.

То же самое следует сказать о ликвидаторах с их фальшивыми криками об единстве. Недавно тов. Плеханов, сторонник объединения в партии, писал по поводу резолюций ликвидаторской конференции[124], что «от них на десять вёрст несёт дипломатией». И затем тот же тов. Плеханов назвал их конференцию «раскольнической». Прямее говоря, ликвидаторы обманывают рабочих дипломатическими криками об единстве, ибо они, говоря об единстве, творят раскол. И, действительно, ликвидаторы — это дипломаты в социал-демократии, прикрывающие хорошими словами об единстве скверное дело чинимого ими раскола. Когда ликвидатор распинается за единство, то так и знайте, что он уже попрал единство во имя раскола.

Выборы в Петербурге являются прямым тому доказательством.

Единство — это, прежде всего, единство действий социал-демократически организованных рабочих внутри рабочего класса, ещё неорганизованного, ещё не просвещённого светом социализма. Социал-демократически организованные рабочие ставят на своих собраниях вопросы, обсуждают их, выносят решения и потом, как единое целое, выступают перед беспартийными с этими решениями, безусловно обязательными

ия меньшинства. **Без этого нет и не может быть единства социал-демократии!** Было ли такое решение в Петербурге? Да, было. Это — решение 26 социал-демократических уполномоченных (обоих направлений), принявших платформу антиликвидаторов. Почему не подчинились ликвидаторы этому решению? Почему они сорвали волю большинства с.-д. уполномоченных? **Почему они попрали единство с.-д.** в Петербурге? Потому, что ликвидаторы — дипломаты в социал-демократии, творящие раскол под маской единства.

Далее, единство — это единство действий пролетариата перед лицом всего буржуазного мира. Представители пролетариата выносят решения и проводят их, выступая как единое целое, при условии подчинения меньшинства большинству. **Без этого нет и не может быть единства пролетариата!** Было ли такое решение у петербургского пролетариата? Да, было. Это — антиликвидаторский наказ, принятый большинством съезда уполномоченных. Почему ликвидаторы не подчинились наказу уполномоченных? Почему они сорвали волю большинства уполномоченных? **Почему они попрали единство рабочего класса в Петербурге?** Потому, что ликвидаторское единство — дипломатическая **фраза,** прикрывающая **политику** срыва единства...

Когда ликвидаторы, срывая волю большинства, проводя колеблющихся (Судаков), раздавая посулы самого дипломатического свойства, заполучили наконец трёх выборщиков,— возник вопрос, как быть?

Единственный **честный** выход был жеребьёвка. И антиликвидаторы **предложили** ликвидаторам жеребьёвку!!

Переговаривавшийся по поводу предложения с большевиком X ликвидатор Y (имена переговаривавшихся с обеих сторон могут быть нами названы в случае необходимости и в условиях соблюдения необходимой конспиративности)[125], после опроса своих единомышленников, ответил, что «жеребьёвка неприемлема, так как наши выборщики связаны решением нашего руководящего коллектива».

Пусть-ка попробуют опровергнуть это наше заявление гг. ликвидаторы!

Срыв воли большинства с.-д. уполномоченных, срыв воли большинства съезда уполномоченных, отказ от жеребьёвки, отказ от единой кандидатуры в Думу, всё это в интересах единства,— уж очень оригинальное у вас «единство», гг. ликвидаторы!

Впрочем раскольническая политика ликвидаторов не нова. Ещё с 1908 года ведут они агитацию против нелегальной партии. Ликвидаторские бесчинства на выборах в Петербурге являются продолжением их старой раскольнической политики.

Говорят, что Троцкий своей «объединительной» кампанией внёс «новую струю» в старые «дела» ликвидаторов. Но это неверно. Несмотря на «геройские» усилия Троцкого и его «ужасные угрозы», он оказался в конце концов простым шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами, ибо он за 5 лет «работы» никого не сумел объединить, кроме ликвидаторов. Новая шумиха — старые дела!

Но вернёмся к выборам. Отвергая жеребьёвку, ликвидаторы могли рассчитывать только на одно: на то, что буржуазия (кадеты и октябристы) **предпочтёт ликвидатора!** Чтобы парализовать этот чистенький расчётец,

Петербургский комитет не мог поступить иначе, как дать директиву баллотироваться всем выборщикам, ибо у ликвидаторов был и «колеблющийся» (Судаков), и вообще у них не было сплочённой группы. Исполняя директиву ПК, все выборщики антиликвидаторы баллотировались. И чистенький расчёт ликвидаторов не удался! Деморализация была не у антиликвидаторов, а среди ликвидаторских выборщиков, которые против решения их «коллектива» баллотировались наперебой. Удивляться следовало бы не тому, что Гудков согласился на кандидатуру Бадаева (над Гудковым тяготел антиликвидаторский наказ, прошедший у него на заводе!),— а тому факту, что ликвидатор Петров, а за ним сам Гудков баллотировались **после избрания** Бадаева.

Из сказанного вывод один: единство для ликвидаторов — маска, прикрывающая их раскольническую политику, конёк, на котором они хотели въехать в Думу вопреки воле социал-демократии и пролетариата в Петербурге.

II

ГОРОДСКАЯ КУРИЯ

Ленские события и вообще оживление среди рабочих не прошли даром для избирателя второй курии. Демократические слои городского населения значительно полевели. Если пять лет назад, после поражения революции, они «хоронили» идеалы пятого года, то теперь, после массовых забастовок, старые идеалы начали оживать. Создалось определённое настроение недовольства двойственной политикой кадетов, чего кадеты не могли не заметить.

С другой стороны, октябристы «не оправдали» надежд крупных коммерсантов и фабрикантов. Открывались вакансии, чего кадеты опять-таки не могли не заметить.

И кадеты решили ещё в мае этого года играть на два фронта. Не бороться, а играть.

Этим и объясняется та двойственность избирательной кампании кадетов в двух различных куриях, которая не могла не поражать избирателя.

Центром избирательной кампании социал-демократов сделалась борьба с кадетами за влияние на демократические слои. Гегемония контрреволюционной буржуазии, или гегемония революционного пролетариата,— это та самая «схема» большевиков, против которой многие годы безнадёжно борются ликвидаторы и которой теперь принуждены были они подчиниться, как очевидной и неизбежной жизненной необходимости.

Победа по второй курии зависела от поведения демократических слоёв, демократических по положению, но не сознавших ещё своих интересов. За кем пойдут эти слои, за социал-демократией или за кадетами? Был и третий лагерь, правые с октябристами, но серьёзно говорить о «черносотенной опасности» не приходилось, ибо было ясно, что правые могут собрать лишь незначительное количество голосов. Разговоры же о «незапугивании буржуазии», хотя они и имели место (см. ст. Ф. Д. в «Невском Голосе»[126]), вызывали лишь улыбку, ибо было ясно, что социал-демократии предстояло не только «запугать», но и сбросить с позиции эту самую буржуазию в лице её адвокатов — кадетов.

Гегемония социал-демократии или гегемония кадетов — так ставила вопрос сама жизнь.

Из этого было ясно, что необходима исключительная сплочённость социал-демократии во всём ходе кампании.

Именно поэтому избирательная комиссия при Петербургском комитете пошла на соглашение с другой комиссией, состоявшей из меньшевиков и одиночек-ликвидаторов. Соглашение о лицах при полной свободе избирательной агитации с непременным условием о том, что в список кандидатов в Думу «не может войти лицо, связавшее своё имя или деятельность с борьбой против партийности» (извлечение из «протокола» переговоров). Известный список с.-д. по второй курии получился лишь в результате отвода со стороны антиликвидаторов Аб... и Л..., известных питерских ликвидаторов, «связавших своё имя и деятельность» и прочее. Не лишне здесь же заметить для характеристики «сторонников единства», что они, после избрания Чхеидзе в Тифлисе, решительно отказались заменить его кандидатурой бывшего члена III Думы, с.-д. Покровского, грозя параллельным списком и расстройством кампании.

Но оговорка о «свободе избирательной агитации» оказалась, пожалуй, излишней, ибо ход кампании воочию показал, что никакая другая кампания невозможна в борьбе с кадетами, кроме кампании революционно-социал-демократической, т. е. большевистской. Кто не помнит речей петербургских ораторов и кандидатов социал-демократии о «гегемонии пролетариата» и о «старых методах борьбы» в противовес «новым парламентским», о «втором движении» и о «негодности лозунга ответственного кадетского министерства»? Куда девались причитания ликвидаторов о «нераскалывании оппозиции», о «полевении кадетской буржуазии», о «давлении» на эту буржуазию? А антикадетская агитация ликвидаторов из «Луча», «евших» и «запугивавших» кадетов иногда даже чрезмерно,— разве всё это не свидетельствует о том, что даже «устами младенцев» изрекала истину сама жизнь.

Куда же подевалась принципиальная совесть Дана, Мартова и прочих противников «кадетоедства»?

«Широкая рабочая партия» ликвидаторов ещё раз потерпела поражение в борьбе с «подпольным кружком». Подумайте только: «широкая рабочая (?) партия» в плену у маленького, ну совсем маленького «кружка»! Чудеса...

III
ИТОГИ

Из сказанного ясно прежде всего, что речи о двух лагерях, лагере сторонников третьеиюньского режима и лагере противников его — не имеют почвы под собой. На деле выступали на выборах три, а не два лагеря: лагерь революции (социал-демократы), лагерь контрреволюции (правые) и лагерь соглашателей, подкапывающихся под революцию, льющих воду на мельницу контрреволюции (кадеты). Об «единой оппозиции» против реакции не было и помину.

Далее, выборы говорят о том, что размежёвка между двумя крайними лагерями будет расти, что средний лагерь будет ввиду этого таять, освобождая демократически настроенных в пользу социал-демократии, а сам постепенно передвигаясь в сторону контрреволюции.

Ввиду этого речи о «реформах» сверху, о невозможности «взрывов» и об «органическом развитии» России

под эгидой «конституции» теряют всякую почву. Ход вещей с неизбежностью ведёт к новой революции, и нам придётся пережить «новый пятый год» вопреки уверениям Лариных и прочих ликвидаторов.

Наконец, выборы говорят о том, что пролетариат и только он призван стать во главе грядущей революции, шаг за шагом собирая вокруг себя всё честное и демократическое в России, жаждущее освобождения родины от неволи. Достаточно познакомиться с ходом выборов по рабочей курии, достаточно познакомиться с симпатиями петербургских рабочих, ясно выраженными в наказе уполномоченных, достаточно познакомиться с их революционной борьбой за выборы, чтобы убедиться в этом.

Всё это даёт основание утверждать, что выборы в Петербурге целиком подтвердили правильность лозунгов революционной социал-демократии.

Жизненность и мощь революционной социал-демократии — таков первый вывод.

Политическое банкротство ликвидаторов — таков второй вывод.

Газета «Социал-Демократ» № 30, 12(25) января 1913 г.
Подпись: К. Сталин

Печатается по тексту газеты

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛИЗМУ

(Письмо с Кавказа)

В ряду постановлений, увековечивших славу ликвидаторской конференции, постановление о «культурно-национальной автономии» занимает не последнее место.

Вот оно:

«Выслушав сообщение кавказской делегации о том, что как на последней конференции кавказских организаций РСДРП, так и в литературных органах этих организаций выяснилось мнение кавказских товарищей о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта партийной программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идёт вразрез с точным смыслом последней, и высказывает пожелание, чтобы национальный вопрос был включён в порядок дня ближайшего съезда РСДРП».

Постановление это важно не только потому, что оно выражает оппортунистическое виляние ликвидаторов перед фактом поднявшейся националистической волны.

Оно важно ещё потому, что в нём, что ни фраза — золото.

Чего стоит, например, заявление о том, что конференция, «не высказываясь по существу этого требования», тем не менее «констатирует» и решает? Ведь этак «решают» только в оперетках!

Или фраза о том, что «такое толкование пункта партийной программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идёт вразрез с точным смыслом последней». Подумайте только! Упомянутый пункт программы (9-й пункт) говорит о свободе национальностей, о **праве** национальностей свободно развиваться, об обязанности партии бороться против всяких насилий над ними. Говоря вообще, **право** национальностей по смыслу этого пункта не должно быть ограничено, оно может дойти как до автономии и федерации, так и до сепарации. Значит ли это, что для партии безразлично, одинаково хорошо, как именно решит свою судьбу данная национальность, в пользу централизма или сепаратизма? Значит ли это, что на основании одного лишь абстрактного права национальностей, «не высказываясь по существу этого требования», можно рекомендовать, хотя бы и косвенно, автономию одним, федерацию другим, сепарацию третьим? Национальность решает свою судьбу, но значит ли это, что партия не должна повлиять на волю национальности в духе решения, наиболее соответствующего интересам пролетариата? Партия за свободу вероисповеданий, за право людей исповедывать любую религию. Можно ли вывести отсюда, что партия будет стоять за католицизм в Польше, за православие в Грузии, за григорианство в Армении, что она не будет бороться

с этими формами мировоззрения?.. И не ясно ли само собой, что 9-й пункт партийной программы и культурно-национальная автономия — две совершенно различные плоскости, которые в такой же степени могут «итти вразрез» друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида и пресловутая конференция ликвидаторов?

А ведь именно таким эквилибристическим путём и «разрешает» вопрос конференция.

В упомянутом постановлении ликвидаторов самое важное — это идейный развал среди кавказских ликвидаторов, изменивших старому знамени интернационализма на Кавказе и добившихся от конференции этого постановления.

Поворот кавказских ликвидаторов в сторону национализма — не случайность. Ликвидация партийных традиций — давно начата ими. Упразднение «социальной части» программы-минимум, отмена «гегемонии пролетариата» (см. «Дискуссионный Листок» № 2[127]), объявление нелегальной партии подсобной организацией при легальных организациях (см. «Дневник» № 9[128]) — всё это вещи общеизвестные. Теперь очередь дошла до национального вопроса.

С самого начала своего появления (начало 90-х годов) организации на Кавказе носили строго интернациональный характер. Единая организация грузинских, русских, армянских и мусульманских рабочих, ведущих дружную борьбу с врагами — такова была картина партийной жизни... В 1903 году, на первом учредительном съезде кавказских (собственно закавказских) с.-д. организаций, положившем начало Кавказскому союзу, интернациональный принцип постройки организации был снова провозглашён, как

единственно правильный. С тех пор Кавказская социал-демократия росла в борьбе с национализмом. Грузинские социал-демократы боролись со «своими» националистами, с национал-демократами и федералистами; армянские социал-демократы со «своими» дашнакцаканами; мусульманские с панисламистами[129]. И в борьбе с ними расширяла и укрепляла свои организации Кавказская социал-демократия независимо от фракций... В 1906 году, на областной конференции Кавказа, впервые выплыл вопрос о культурно-национальной автономии. Его внесла и требовала решения в положительном смысле группка кутаисцев. Вопрос был «с треском провален», как выражались тогда, между прочим, потому, что против него одинаково резко выступили обе фракции в лице Кострова и пишущего эти строки. Было решено, что так называемое «областное самоуправление Кавказа» является лучшим разрешением национального вопроса, наиболее соответствующим интересам объединённого в борьбе кавказского пролетариата. Да, так было в 1906 году. И это решение повторялось на последующих конференциях, защищалось и популяризировалось как в меньшевистской, так и в большевистской кавказской печати, легальной и нелегальной...

Но вот наступил 1912 год, и «оказалось», что «нам» нужна культурно-национальная автономия, конечно (конечно!), в интересах пролетариата! В чём же дело? Что изменилось? Может быть кавказский пролетариат стал менее социалистичным? Но тогда ведь более всего неразумно воздвигать национальные организационные и «культурные» перегородки между рабочими! Может быть он стал более социалистичным? Но в таком случае как назвать тех, с позволения сказать, «социалистов»,

которые искусственно воздвигают и укрепляют разрушающиеся и никому ненужные перегородки?.. Так в чём же дело? Да в том, что крестьянский Кутаис потащил за собой «социал-демократических октябристов» Тифлиса. Дела ликвидаторов Кавказа отныне будет вершать запуганный воинствующим национализмом кутаисский крестьянин. Кавказские ликвидаторы не смогли устоять против националистической волны, они выронили испытанное знамя интернационализма и... пошли шататься «по волнам» национализма, выбросив за борт последнее богатство: «куда оно, какая вещь пустая»...

Но сказавший А должен сказать и Б: всё имеет свою логику! За грузинской, армянской, мусульманской (и русской?) национально-культурной автономией кавказских ликвидаторов последуют партии грузинских, армянских, мусульманских и прочих ликвидаторов. Вместо общей организации пойдут отдельные организации по национальностям, так сказать грузинский, армянский и прочие «Бунды».

Не к этому ли ведут своё «решение» национального вопроса гг. кавказские ликвидаторы?

Что ж, мы можем пожелать им смелости. Делайте, что хотите делать!

Во всяком случае можем уверить их, что другая часть кавказских организаций, партийные социал-демократы из грузинских, русских, армянских и мусульманских решительно порвут с гг. национал-ликвидаторами, с этими изменниками славному знамени интернационализма на Кавказе.

Газета «Социал-Демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.
Подпись: К. Ст.

Печатается по тексту газеты

МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС[130]

Период контрреволюции в России принёс не только «гром и молнию», но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в «светлое будущее»,— и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение,— и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! «Национальная проблема» прежде всего!

В то же время в стране происходила серьёзная ломка экономической жизни. 1905 год не прошёл даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили ещё один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъём двинули вперёд капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперёд. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были придти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время

«конституционный режим». Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению «национальных чувств». Дума с её избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие»,— вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма[131] среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма,— всё это факты общеизвестные.

Волна национализма всё сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего «поветрия». Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи, и прежде всего — социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчёркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что «празднование субботы» и «признание жаргона» объявил он боевым пунктом своей избирательной кампании*. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. «культурно-национальную автономию», теперь её выставляет как очередное требование**. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания***.

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех ещё с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьёзное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шёл.

I

НАЦИЯ

Что такое нация?

Нация — это, прежде всего, общность, определённая общность людей.

---

* См. «Отчёт о IX конференции Бунда».

** См. «Извещение Августовской конференции».

*** См. там же.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племён и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация — не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создаёт нацию. Австрия и Россия — тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целости России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идёт, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак — **общность языка**, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. **Общий** язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это ещё не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и всё-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени, образовала новую северо-американскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, **общность территории**, как одна из характерных черт нации.

Но это ещё не всё. Общность территории сама по себе ещё не даёт нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое. Между Англией и Северной

Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времён жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздроблённости Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, **общность экономической жизни, экономическая связность**, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не всё. Кроме всего сказанного, нужно принять ещё во внимание особенности духовного облика людей, объединённых в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или — как его называют иначе — «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации,— он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что «национальный характер» не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент,— он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак, **общность психического склада**, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим «национальным характером» и всё-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т. д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и всё-таки они не составят одной нации без общности языка и «национального характера». Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию.

Может показаться, что «национальный характер» является не одним из признаков, а **единственно** существенным признаком нации, причём все остальные признаки составляют, собственно, **условия** развития нации, а не её признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру, «нация — это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей». Это — «культурная общность группы современных людей, **не связанная с «землёй»**»* (курсив наш).

Итак — «союз» одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идёт ещё дальше.

«Что такое нация? — спрашивает он.— Есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию» **.

Так что же такое нация?

«Нация — это относительная общность характера» ***.

Но что такое характер, в данном случае — национальный характер?

Национальный характер — это «сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой» ****.

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет:

«Характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой», что... «нация есть не что иное, как общность судьбы», в свою очередь определяемая «условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда» *.

---

* См. «Национальная проблема» Р. Шпрингера, стр. 43, изд. «Общественная Польза», 1909 г.

** См. «Национальный вопрос и социал-демократия» О. Бауэра, изд. «Серп», 1909 г., стр. 1—2.

*** См. там же, стр. 6.

**** См. там же, стр. 2.

Таким образом, мы пришли к наиболее «полному», как выражается Бауэр, определению нации.

«Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» **.

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остаётся в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщённых друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и «вовсе не имеют они общего языка» ***, но о какой «общности судьбы» и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что

---

* См. «Национальный вопрос и социал-демократия» О. Бауэра, изд. «Серп», 1909 г., стр. 24—25.

** См. там же, стр. 139.

*** См. там же, стр. 2.

и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Всё это несомненно. Но как можно серьёзно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на «судьбу» упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего «национального духа» спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между «отличительной чертой» нации (национальный характер) и «условиями» их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем, собственно, отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась ещё «Новой Англией»? Уж, конечно, не национальным характером: ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, ещё английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них, должно быть, вырабатывался свой особый характер. И всё-таки, несмотря на бо́льшую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию!

Очевидно, «Новая Англия», как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого **единственно** отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает её в какую-то незримую, самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, повторяю, что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время?!

Нет, не для таких бумажных «наций» составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными нациями, действующими и двигающимися, и потому заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает **нацию**, являющуюся исторической категорией, с **племенем**, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации *, Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что «капиталистическое общество вообще не даёт им (евреям) сохраниться как нации» **, ассимилируя их с другими нациями. Причина, оказывается, в том, что «евреи не имеют замкнутой колонизационной области» ***, в то время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация. Короче: причина — в *отсутствии территории*.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих ****, но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идёт дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что «евреи вовсе не имеют **общего** языка и составляют, тем не менее, нацию» *****. Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: **«несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка»** ****** (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что «язык — это важнейшее орудие человеческого общения» *******, но он

* См. стр. 2 его книги.
** См. там же, стр. 389.
*** См. стр. 388.
**** См. стр. 396.
***** См. стр. 2.
****** См. стр. 130.
******* Там же, стр. 130.

вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

II

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздроблённостью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же время английским и пр. государствами. Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились многонациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на себя дело

объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию.

Так происходило дело на Востоке.

Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттёртые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговля и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь оттеснённых национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в этом же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом.

На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснённых наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетённой нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетённой нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся «национальная» буржуазия угнетённых наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия — главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полуфеодальная-полубуржуазная бюрократия господствующей нации со своими методами «тащить и не пущать». Буржуазия командующей

нации — всё равно, является ли она мелкой или крупной — получает возможность «быстрее» и «решительнее» расправиться со своим конкурентом. «Силы» объединяются, и — начинается целый ряд ограничительных мер против «инородческой» буржуазии, переходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на голову «конкурента». Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — всё равно, идёт ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая своё собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины». И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нём широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма — это зависит от степени развития

классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть своё собственное испытанное знамя, и ему незачем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьёзного **антирусского** национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть **антиармянский** национализм, но это потому, что там есть ещё армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, ещё не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, всё более и более разрастаясь (Ирландия, Галиция), или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и «борьбу» за вывески (некоторые городки в Богемии).

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии — «языковый», здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания,

там — «своих» чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достойно внимания, что нигде не встречаешь требования о бауэровском всеобъемлющем «национальном характере». Оно и понятно: «национальный характер», взятый **сам по себе**, неуловим и, как правильно заметил И. Штрассер, «с ним политику нечего делать» *.

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях подымающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удаётся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба **по внешности** принимает «общенародный» характер, но это только по внешности. **В существе своём** она всегда остаётся буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей.

Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчинённых наций. Нельзя серьёзно говорить о полном развитии духовных

* См. его «Der Arbeiter und die Nation», 1912 г., стр. 33.

дарований татарского или еврейского рабочего, когда им не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоёв от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных, вопросов, «общих» для пролетариата и буржуазии. А это создаёт благоприятную почву для лживой проповеди о «гармонии интересов», для затушёвывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьёзная преграда делу объединения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остаётся в духовной кабале у буржуазных националистов, если она до сих пор остаётся в стороне от интернационального рабочего движения,— то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика «власть имущих» даёт почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От «системы» **угнетения** она нередко переходит к «системе» **натравливания** наций, к «системе» резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна,— в условиях отсутствия элементарных свобод,— там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. «Разделяй и властвуй» — такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удаётся, она представляет величайшее

зло для пролетариата, серьёзнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих собратьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борются и будут бороться против политики угнетения наций во всех её видах, от самых тонких до самых грубых, как и против политики натравливания во всех её видах.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права **насильственно** вмешиваться в жизнь нации, **разрушать** её школы и прочие учреждения, **ломать** её нравы и обычаи, **стеснять** её язык, **урезывать** права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право **нации** самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение, т. е.— нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения.

Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это ещё не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов,— две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения наций, сделать её невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить её, довести её до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под «национальное» знамя буржуазии.

Именно поэтому так называемая «эволюционно-национальная» политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отождествить свою «эволюционно-национальную» политику с политикой «современного рабочего класса» * является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии.

* См. книгу Бауэра, стр. 166.

Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать её в корне, сделать её максимально безвредной для пролетариата — возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

III

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно.

Но **как** именно она должна устроиться, **какие формы** должна принять её будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это ещё не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т. е. для её большинства, т. е. для трудящихся слоёв. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своём сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделиться от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоёв татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно

смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определённым образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Всё это — вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и всё, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской Польши, и он был прав, ибо тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей её низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, не академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов.

Это не исключает, конечно, возможности появления известных внутренних и внешних конъюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,— таков единственный ключ к решению вопроса о том, **как** именно должна устроиться та или иная нация, **какие формы** должна принять её будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса. Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе.

Ввиду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространённого, но и очень огульного способа «решения» национального вопроса, ведущего своё начало от Бунда. Мы говорим о лёгком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую * социал-демократию, которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что всё, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Коссовского:

«Когда на IV съезде Бунда обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идёт о национальном вопросе. **И. Ст.**), то предложенное одним из членов съезда решение вопроса в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение» *.

* Южно-славянская социал-демократия работает на юге Австрии.

В результате «съезд единогласно принял»... национальную автономию.

И — только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южно-славянской с.-д. партии, потом «одобрили», а потом «единогласно приняли»! Так ставят и «решают» бундовцы национальный вопрос в России...

Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и объясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.)[132] в духе резолюции южно-славянской с.-д. партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики культурно-национальной автономии, толкователи брюннской национальной программы и резолюции южно-славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

«Мы оставляем здесь, — говорит Шпрингер, — без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое; эти вопросы мы будем считать решёнными. Для того, кто не согласен с упомянутой возможностью

* См. «Вопросы национальности» В. Коссовского, стр. 16—17, 1907 г.

и необходимостью, наше исследование будет, конечно, бесконечным. Наша тема гласит: данные нации **вынуждены** вести совместное существование; какие **правовые формы** дадут им возможность **жить лучше всего?»** (курсив Шпрингера) *.

Итак, государственная целость Австрии, как исходный пункт.

То же самое говорит Бауэр:

«Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству» **.

Опять-таки: целость Австрии первым долгом.

Может ли **так** ставить вопрос российская социал-демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой нация имеет право на отделение.

Даже бундовец Гольдблат признал на втором съезде российской социал-демократии, что последняя не может отказаться от точки зрения самоопределения. Вот что говорил тогда Гольдблат:

«Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-нибудь нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в «законный брак» с Россией, то не нам ей мешать».

Всё это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить о возможности позаимствования национальной программы у австрийцев?

---

* См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 14.

** См. «Национальный вопрос и социал-демократия» Бауэра, стр. 399.

Далее. Австрийцы думают осуществить «свободу национальностей» путём мелких реформ, медленным шагом. Предлагая культурно-национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России.

«Разумеется,— говорит Бауэр,— трудно думать, чтобы национальная автономия явилась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия итти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжёлой борьбой, из-за которой законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путём великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственно-правовой строй»*.

То же самое говорит Шпрингер:

«Я прекрасно знаю,— пишет он,— что институты подобного рода (органы национальной автономии. **И. Ст.**) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени... Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуется для Австрии» **.

Всё это очень определённо. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со

---

* См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 422.

** См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 281—282.

«смелыми решительными действиями»? Могут ли они рассчитывать на частичные реформы, на «множество отдельных законов», как на средство завоевания «свободы национальностей»? А если они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении ограничиваться односторонней и половинчатой культурно-национальной автономией австрийцев? Одно из двух: либо сторонники позаимствования не рассчитывают на «решительные и смелые действия» в России, либо они рассчитывают на них, но «не ведают, что творят».

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, ввиду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живёт в условиях парламентаризма, без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и объясняется хронический политический кризис, которым Австрия давно болеет. Ввиду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Неудивительно, поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить так или иначе прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

Не то в России. В России, во-первых, «слава богу, нет парламента»[133]. Во-вторых — и это главное — осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса,

а, значит, и «освобождения» наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

«Бесплодие австрийского парламента,— пишет Шпрингер,— тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплочённость, и вожди партий поэтому тщательно избегают всего того, что пахнет реформами. Прогресс Австрии мыслим вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неотъемлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте постоянные боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач» *.

То же самое говорит Бауэр:

«Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса о языке, из-за малейшей ссоры возбуждённых людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы» **.

Всё это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос — подчинённый.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи. Разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заниматься заимствованием

* См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 36.

** См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 401.

программы могут лишь бумажные люди, «решающие» национальный вопрос вне пространства и времени?

Ещё раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка,— таков ключ к решению национального вопроса.

IV
КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать её программу своей.

Поговорим теперь о самой программе по существу.

Итак, какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: культурно-национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия даётся, скажем, не Чехии или Польше, населённым, главным образом, чехами и поляками,— а вообще чехам и полякам, независимо от территории, всё равно — какую бы местность Австрии они ни населяли.

Потому-то автономия эта называется **национальной**, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации и, как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком

случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут ведать не «политическими» вопросами, а только лишь «культурными». Специфически политические вопросы сосредоточатся в общеавстрийском парламенте (рейхсрате).

Поэтому автономия эта называется ещё **культурной**, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюннском конгрессе в 1899 г.*

Упомянув о том, что «национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу», что «окончательное разрешение национального вопроса... есть прежде всего культурная необходимость», что «разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права»,— программа продолжает:

> «**Сохранение и развитие национальных особенностей** ** народов Австрии возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть

* За неё голосовали и представители южно-славянской с.-д. партии. См. «Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партейтаге», стр. 72, 1906 г.

** В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в переводе Панина) вместо «национальных особенностей» сказано «национальные индивидуальности». Панин неверно перевёл это место, в немецком тексте нет слова «индивидуальность», там говорится о «nationalen Eigenart», т. е. об **особенностях**, что далеко не одно и то же.

отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом».

Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии *.

Не трудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы «территориализма», но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор культурно-национальной автономии, встречает её с восторгом **. Бауэр также разделяет её, называя её «теоретической победой» *** национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определённой формулировкой, говорящей о необходимости «конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию» для заведывания школьными и прочими культурными делами *.

* См. «Verhandlungen des Gesammtparteitages» в Брюнне, 1899 г.

** См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 286.

*** См. «Национальный вопрос», стр. 549.

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим её научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедываемую ею культурно-национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определённой территории.

«Национальность, — по Шпрингеру, — не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации — автономные персональные союзы» **.

Бауэр также говорит о нации, как о «персональной общности», которой «не предоставлено исключительное господство в какой-либо определённой области» ***.

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой, — они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда «непригодность» территориальной автономии. Единственный выход из такого положения,

* См. «Национальный вопрос», стр. 555.

** См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 19.

*** См. «Национальный вопрос», стр. 286.

по мнению Шпрингера и Бауэра,— организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

«Необходимо, — говорит Шпрингер, — дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями» *... Конечно, «закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают»... «Если хотят создать закон для наций, то прежде всего нужно создать самые нации»**... «Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможны»***.

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как «требование рабочего класса», «конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа» ****.

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

«Эта принадлежность, — говорит Шпрингер, — устанавливается национальными матрикулами; каждый, живущий в области, должен объявить о своей принадлежности к какой-нибудь нации» *****.

«Персональный принцип, — говорит Бауэр, — предполагает, что население разделится по национальностям... на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан», для чего и «должны быть заготовлены национальные кадастры» ******.

* См. «Национальная проблема», стр. 74.
** См. там же, стр. 88—89.
*** См. там же, стр. 89.
**** См. «Национальный вопрос», стр. 552.
***** См. «Национальная проблема», стр. 226.
****** См. «Национальный вопрос», стр. 368.

Далее.

«Все немцы, — говорит Бауэр, — в национально-однородных округах, затем все немцы, внесённые в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают **национальный совет»** *.

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

«Национальный совет, — по Шпрингеру, — это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе, искусстве и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров» и пр.**

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы «сделать национальную культуру... достоянием всего народа и таким единственно возможным образом **сплотить всех членов нации в национально-культурную общность»***** (курсив наш).

Можно подумать, что всё это имеет отношение только к Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих, как Австрия, из нескольких национальностей.

«Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, своё требование национальной автономии» ****.

* См. «Национальный вопрос», стр. 375.
** См. «Национальная проблема», стр. 234.
*** См. «Национальный вопрос», стр. 553.
**** См. там же, стр. 337.

Затем, незаметно подменяя самоопределение наций национальной автономией, продолжает:

«Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей» *.

Но он идёт ещё дальше. Он глубоко верит, что «конституированные» им и Шпрингером междуклассовые «национальные союзы» послужат некиим прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, что «социалистический общественный строй... расчленит человечество на национально-отграниченные общества» **, что при социализме произойдёт «группировка человечества в автономные национальные общества»***, что «таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пёструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций» ****, что, следовательно, «социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии» *****.

Кажется, довольно...

Таково обоснование культурно-национальной автономии в трудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего, бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо несомненно, что:

* См. «Национальный вопрос», стр. 333.
** См. там же, стр. 555.
*** См. там же, стр. 556.
**** См. там же, стр. 543.
***** См. там же, стр. 542.

а) культурно-национальная автономия предполагает целость государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целости; б) самоопределение передаёт нации всю полноту прав, национальная же автономия — только «культурные» права. Это — во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии,— заявили же русинские с.-д. на Брюннском партейтаге о своей готовности объединить «две части» своего народа в одно целое *. Как быть тогда с **«неизбежной для пролетариата всех наций»** национальной автономией? Что это за «решение» вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целости государства?

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она даёт лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям? Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплачиваются. Но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства; при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают

* См. «Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партейтаге», стр. 48.

новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык. Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы объединить необъединимое? Мыслимо ли «сплотить в одну нацию», например, прибалтийских и закавказских немцев? Но если всё это немыслимо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает ещё изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма ещё можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьёзно говорить о «культурной общности» нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой «общности судьбы» может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат объявляет «войну войне»? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о «сплочении всех членов нации в национально-культурную общность»*? Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

* См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 553.

Но допустим на минуту, что лозунг: «организуй нацию» — осуществимый лозунг. Можно ещё понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся «организовать» нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься «организацией» наций, «конституированием» наций, «созданием» наций?

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые национальные союзы? До сих пор у австрийской — как и у всякой другой — с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, «устарела». Теперь Шпрингер и Бауэр ставят «новую», более занятную, задачу: «создать», «организовать» нацию.

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту «новую» задачу, но принять последнюю — это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

Культурно-национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утончённый вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о **«сохранении и развитии** национальных особенностей народов». Подумайте только: «сохранить» такие «национальные особенности» закавказских татар, как самобичевание в праздник «Шахсей-Вахсей»! «Развить» такие «национальные особенности» грузин, как «право мести»!..

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что

национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но, непригодная для настоящего, национальная автономия ещё более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о «расчленении человечества на национально-отграниченные общества» * опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс ещё в сороковых годах говорил, что «национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь всё более и более исчезают», что «господство пролетариата ещё более ускорит их исчезновение» [134]. Дальнейшее развитие человечества, с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на всё более обширных территориях,— решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде «пёстрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций» является робкой попыткой заменить марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром «социалистическом принципе национальности», являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа **классовой борьбы** буржуазным

* См. в начале этой главы.

«принципом национальности». Если национальная автономия исходит из такого сомнительного принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда, национализм этот не так прозрачен, ибо он искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь бронёй социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу, распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления рабочих различных национальностей.

Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она подготовляет почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создаёт психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям, партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина «национальной автономии», даёт наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии ещё с 1897 года (Вимбергский партейтаг [135]). После Брюннского партейтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление ещё больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д.

партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведёт к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Отсюда видно, что культурно-национальная автономия не разрешает национального вопроса. Мало того: она обостряет и запутывает его, создавая благоприятную почву для разрушения единства рабочего движения, для обособления рабочих по национальностям, для усиления трений между ними.

Такова жатва национальной автономии.

V

БУНД, ЕГО НАЦИОНАЛИЗМ, ЕГО СЕПАРАТИЗМ

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: «должен ли рабочий класс требовать автономии для еврейского народа» Бауэр отвечает, что «национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих» *. Причина, по мнению

* См. «Национальный вопрос», стр. 381, 396.

Бауэра, в том, что «капиталистическое общество не даёт им (евреям. **И. Ст.**) сохраниться как нации» *.

Короче: еврейская нация перестаёт существовать — стало быть, не для кого требовать национальной автономии. Евреи ассимилируются.

Взгляд этот о судьбе евреев, как нации, не нов. Его высказал Маркс ещё в сороковых годах ** [136], имея в виду, главным образом, немецких евреев. Его повторил Каутский в 1903 году ***, имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр объясняет тем, что «евреи не имеют замкнутой колонизационной области» ****. Объяснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землёй широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как её остов, но и как «национальный» рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и, вообще, живут в городах, причём, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в инонациональные области в качестве национальных меньшинств, евреи

* См. «Национальный вопрос», стр. 389.
** См. его «К еврейскому вопросу», 1906 г.
*** См. его «Кишинёвская резня и еврейский вопрос», 1903 г.
**** См. «Национальный вопрос», стр. 388.

обслуживают, главным образом, «чужие» нации и как промышленники и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к «чужим нациям» в смысле языка и пр. Всё это, в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам капитализма, ведёт к ассимиляции евреев. Уничтожение «черты оседлости» может лишь ускорить ассимиляцию.

Ввиду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьёзный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно ещё доказать!

Тем не менее, Бунд стал на эту курьёзную и шаткую позицию, приняв на своём VI съезде (1905 г.) «национальную программу» в духе национальной автономии.

Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг.

Первое обстоятельство — это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих и только еврейских. Ещё до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание «специально еврейской рабочей организации»*. В 1897 году они и создали такую организацию, объединившись в Бунд. Это ещё в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, всё более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается **массовое** рабочее движение. Растёт польская

* См. «Формы национального движения» etc. под редакцией Кастелянского, стр. 772.

с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растёт российская с.-д. и привлекает к себе «бундовских» рабочих. Национальные рамки Бунда, лишённые территориальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо отстоять своё самостоятельное существование, как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создаётся «теория» Бунда, как «единственного представителя еврейского пролетариата».

Но оправдать эту странную «теорию» как-нибудь «просто» становится невозможным. Необходима какая-либо «принципиальная» подкладка, «принципиальное» оправдание. Такой подкладкой и оказалась культурно-национальная автономия. Бунд и ухватился за неё, позаимствовав её у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев, Бунд выдумал бы её для того, чтобы «принципиально» оправдать своё самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV съезд) Бунд окончательно принимает «национальную программу» в 1905 г. (VI съезд).

Второе обстоятельство — это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств, внутри инонациональных компактных большинств целостных областей. Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это — процесс объективный. Субъективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции. Проповедуя жизненность еврейской «национальности», Бунд не мог

не стать на точку зрения «гарантии». Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т. е. **культурно-национальную:** о территориально-политической автономии евреев не могло быть и речи ввиду отсутствия у евреев определённой целостной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчёркивал характер национальной автономии как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии «свободного развития» наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II съезде российской социал-демократии Гольдблат формулировал национальную автономию как «учреждения, **гарантирующие** им (нациям. **И. Ст.**) полную свободу культурного развития»*. С таким же предложением вошли в четвёртую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на курьёзную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведёт к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришёл к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию ещё со специальной стороны, со стороны **гарантий** прав национальных меньшинств. Разберём вопрос и с этой, специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах — и не только еврейских — имеет для социал-демократии серьёзное значение.

---

* См. Протоколы II съезда, стр. 176.

Итак, **«учреждения, гарантирующие»** нациям «полную свободу культурного развития» (курсив наш. **И. Ст.**).

Но что это за «учреждения, гарантирующие» и пр.?

Это прежде всего «национальный совет» Шпрингера-Бауэра, нечто вроде сейма по культурным делам.

Но могут ли эти учреждения гарантировать «полную свободу культурного развития» нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу «культурного развития» поляков, но он не только не успел в этом, а — наоборот — сам пал в неравной борьбе с общеполитическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от «покушений», но много ли удаётся ему сделать в этом направлении — это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но **решающим** является всё же не сам сейм, а общие порядки в России. Будь теперь в России такие же грубо-азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма,— финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика «покушений» на Финляндию растёт, и нельзя сказать, чтобы она терпела поражения...

Если так обстоит дело со старыми, исторически-сложившимися учреждениями, с политическими сеймами,— то тем более не могут гарантировать свободного развития наций молодые сеймы, молодые учреждения, да ещё такие слабые, как «культурные» сеймы.

Дело, очевидно, не в «учреждениях», а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации — нет и гарантий «полной свободы культурного развития» национальностей. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше «покушений» на «свободу национальностей», тем больше гарантий от «покушений».

Россия — страна полуазиатская, и потому политика «покушений» принимает там нередко самые грубые формы, формы погрома. Нечего и говорить, что «гарантии» доведены в России до крайнего минимума.

Германия — уже Европа с большей или меньшей политической свободой. Неудивительно, что политика «покушений» никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, ещё больше «гарантий», так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря её высокой, хотя и буржуазной, демократичности, национальностям живётся свободно — всё равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что «учреждения» сами по себе могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России **предварительным** условием «создания учреждений» и гарантий свободы. Но это неверно. Из

«Отчёта о VIII конференции Бунда»[137] видно, что Бунд думает добиться «учреждений» **на основе** теперешних порядков в России, путём «реформирования» **еврейской общины.**

«Община,— говорил на этой конференции один из лидеров Бунда,— может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживания нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то же содержание. Это — звенья одной цепи, этапы одной эволюции» *.

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться «за **реформирование** еврейской общины и превращение её **законодательным путём** в светское учреждение», организованное демократически ** (курсив наш. **И. Ст.**).

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее «светское учреждение» евреев, полученное путём «реформирования еврейской общины», так сказать, в порядке «законодательном», через Думу.

Но мы уже видели, что «учреждения» сами по себе, без демократических порядков во всём государстве, не могут служить «гарантиями».

Ну, а как, всё-таки, при будущем демократическом строе? Не понадобятся ли и при демократизме специальные «культурные учреждения, гарантирующие» и пр.? Как обстоит дело на этот счёт, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, вроде шпрингеровского «национального

---

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», 1911 г., стр. 62.
** См. там же, стр. 83—84.

совета»? Их там **нет**. Но не страдают ли через это культурные интересы, например, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что-то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные «учреждения», якобы «гарантирующие» и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем — таковы **учреждения** культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится ещё вреднее, когда её навязывают «нации», существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности «нации», не только полезные, но и вредные,— лишь бы «спасти нацию» от ассимиляции, лишь бы «уберечь» её.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд. И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о «субботе», «жаргоне» и пр.

Социал-демократия добивается права родного языка **для всех наций**, но Бунд этим не удовлетворяется,— он требует, чтобы «с особенной настойчивостью» отстаивали «права **еврейского** языка» (курсив наш. **И. Ст.**)*, причём сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдаёт «предпочтение тому из них (т. е. выборщиков), который обязуется отстаивать права еврейского языка»**.

Не **общее** право родного языка, а **отдельное** право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 85.
** См. «Отчёт о IX конференции Бунда», 1912 г., стр. 42.

отдельных национальностей борются **прежде всего** за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций — вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетённых национальностей; но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд «предпочтёт» вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы «в законодательном порядке» было «обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день»*.

Надо думать, что Бунд сделает «шаг вперёд» и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за «право субботы» будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, «дух субботний»...

Вполне понятны поэтому «пламенные речи» ораторов на VIII конференции Бунда с требованием «еврейских больниц», причём требование это обосновывалось тем, что «больной чувствует себя лучше среди своих», что «еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников»**.

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 83.
** См. там же, стр. 68.

Сохранить всё еврейское, консервировать **все** национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить,— вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд «приспособляет социализм к национализму». Конечно, Вл. Коссовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова «демагогом» *[138] — бумага всё терпит,— но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о «демагогии»...

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курий в социал-демократии. Такова уж логика национальной автономии!

И действительно, от теории «единственного представительства» Бунд переходит к теории «национального размежевания» рабочих. Бунд требует от российской социал-демократии, чтобы она «провела в своём организационном строении размежевание по национальностям» **. От «размежевания» же он делает «шаг вперёд» к теории «обособления». Недаром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что «в обособлении — национальное существование» ***.

* См. «Наша Заря» 1912 г., № 9—10, стр. 120.
** См. «Извещение о VII съезде Бунда»[139], стр. 7.
*** См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 72.

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идёт к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше итти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определённой целостной территории, он подвизается на «чужих» территориях, между тем как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал-демократии являются интернационально-территориальными коллективами. Но это ведёт к тому, что каждое расширение этих коллективов означает «урон» для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма,— и тогда Бунд получает возможность «обеспечить» себе еврейский пролетариат; либо территориально-интернациональный принцип этих коллективов остаётся в силе,— и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской социал-демократии.

Этим и объясняется, что Бунд с самого начала требует «преобразования российской с.-д. на федеративных началах» *.

В 1906 году Бунд, уступая объединительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал-демократию. Но как он вошёл туда? В то время как польская и латышская социал-демократии вошли для мирной совместной работы, Бунд вошёл с целью войны

* См. «К вопросу о национальной автономии и преобразовании российской социал-демократии на федеративных началах», 1902 г., изд. Бунда.

за федерацию. Лидер бундовцев Медем так и говорил тогда:

«Мы идём не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать её в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооружённым с головы до ног» *.

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой он не может не бороться с российской социал-демократией, построенной на началах интернациональности. Борясь же с ней, Бунд, естественно, нарушал интересы единства. Наконец, дело доходит до того, что Бунд формально порывает с российской социал-демократией, нарушив устав и объединившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с.-д.

Бунд, очевидно, нашёл, что разрыв является наилучшим обеспечением его самодеятельности.

Так «принцип» организационного «размежевания» привёл к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизируя о федерализме со старой «Искрой» [140], Бунд писал когда-то:

««Искра» хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской социал-демократии должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партейтага 1897 г.» **

* См. «Наше Слово» № 3, стр. 24. Вильна, 1906 г.

** См. «К вопросу о национальной автономии» etc., 1902 г., стр. 17, изд. Бунда.

Это писалось в 1902 г.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская «практика», и «опыт с.-д. Австрии».

О чём же они говорят?

Начнём с «чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии». Ещё до 1896 года в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском международном конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на Венском партейтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо неё федеративный союз шести национальных «с.-д. групп». Далее эти «группы» превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-помалу разрывают связи между собой. За партиями разрывается парламентская фракция — образуются национальные «клубы». Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты *. Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их нередко на путь штрейкбрехерства.

Итак, «чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии Австрии» говорит **против** Бунда, за старую «Искру». Федерализм в австрийской партии привёл к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что «практика в России» говорит о том же. Бундовские сепаратисты, так же как и

* См. в «Dokumente des Separatismus» слова из брошюры Ванека [141], стр. 29.

ческие, порвали с общей, российской социал-демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого начала были организованы на началах национальности, т. е. были оторваны от рабочих других национальностей.

Полное обособление, полный разрыв — вот что показывает «русская практика» федерализма.

Неудивительно, что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, причём последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду всё учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

«...Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как жёлтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фабрики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам... **Если мы не возьмём в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими»*** (курсив наш. **И. Ст.**).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В «размежевании» и «обособлении» дальше некуда итти. Бунд достиг цели: он межует рабочих разных национальностей до драки, до штрейкбрехерства. Нельзя иначе: «если мы не возьмём в свои руки этого дела, **рабочие пойдут за другими»...**

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии — вот куда приводит бундовский федерализм.

* См. «Отчёт о IX конференции Бунда», стр. 19.

Таким образом, идея культурно-национальной автономии, атмосфера, которую она создаёт, оказалась ещё более вредной в России, чем в Австрии.

VI
КАВКАЗЦЫ, КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИКВИДАТОРОВ

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских социал-демократов, не устоявшей против националистического «поветрия». Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли — как это ни странно — по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа,— так формулируют своё требование эти социал-демократы — кстати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного **Н.**

«Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельскохозяйственной культуре. Эксплуатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы все законы, преследующие цели эксплуатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдёт издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплуатации местной территории, цели материального процветания края»*.

* См. грузинскую газету «Чвени Цховреба» («Наша Жизнь»)[142], 1912 г., № 12.

Итак — областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки **Н.**, несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правильный. Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и **Н.** не отрицает,— в самом деле необходима ввиду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признано и российской социал-демократией, провозгласившей на II съезде «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских областей».

Внося этот пункт на обсуждение II съезда, Мартов мотивировал его тем, что «громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ».

Но из этого следует, что под областным **самоуправлением** нужно понимать областную **автономию**.

Но **Н.** идёт дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает «лишь одну сторону вопроса».

«До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная»... «Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере»...«Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке»... «Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального развития края объединяет нации, то национально-культурные дела разъединяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определённой территорией»... «Не то — культурно-национальные дела. Они связаны не с определённой территорией, а с существованием определённой нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмём, например, армянскую церковь. В ведении её дел принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как тифлисский грузин, так и бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям. Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей» *.

Короче: так как культура — не территория, а территория — не культура, то необходима культурно-национальная автономия. Это всё, что может сказать **Н.** в пользу последней.

Мы не будем здесь ещё раз касаться национально-культурной автономии вообще: выше мы уже говорили об её отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что, непригодная вообще, культурно-национальная автономия является ещё бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с

* См. грузинскую газету «Чвени Цховреба» 1912 г., № 12.

примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их «организовать» в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией?

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы? Вокруг каких «культурных дел» их «организовать»?

Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко ещё не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их «организовать» в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не «организовать» ли их отдельно от грузин **на почве религиозных дел** и вместе с грузинами **на почве прочих культурных дел?** А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?

Что это за автономия, исключающая из списка целый ряд народностей?

Нет, это не решение национального вопроса,— это плод досужей фантазии.

Но допустим недопустимое и предположим, что национально-культурная автономия нашего **Н.** осуществилась. К чему она поведёт, к каким результатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всесильные муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что «организовать» их в культурно-национальный союз — это значит поставить во главе их мулл, это значит отдать их на съедение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних.

Но с каких пор социал-демократы стали лить воду на мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабаляющий массы злейшим реакционерам,— неужели ничего лучшего не могли «провозгласить» кавказские ликвидаторы?..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь **в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры.** Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем как культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях развития культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым национальная автономия парализует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль.

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально-культурной и областной, которую предлагает Н. Это противоестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает ещё областную автономию в арену столкновений наций, организованных в национальные союзы.

Таким образом, непригодная вообще, культурно-национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею.

Такова культурно-национальная автономия Н. и его кавказских единомышленников.

Сделают ли кавказские ликвидаторы «шаг вперёд» и последуют ли за Бундом и в организационном вопросе — покажет будущее. До сих пор в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. ещё с 1897 года проводили организационный федерализм и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем как организационный федерализм практиковали ещё с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придётся предварительно разрушить всё нынешнее организационное здание, построенное ещё в конце 90-х годов на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока ещё непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же трудно будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и вспоенное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит приступить к этой геростратовской затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

Если кавказцы решают национальный вопрос обыкновенным способом, путём устных прений и литературной дискуссии, то всероссийская конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ. Лёгкий и простой способ. Слушайте:

> «Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идёт вразрез с точным смыслом последней».

Итак, прежде всего — «не высказываться по существу этого» вопроса, а потом — «констатировать». Оригинальный метод...

Что же «констатирует» эта оригинальная конференция?

А то, что «требование» национально-культурной автономии «не идёт вразрез с точным смыслом» программы, признающей право наций на самоопределение.

Разберём это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций. По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идёт о **политическом**

самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное во всей международной социал-демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увёртываться, защищаясь софизмом: дескать, культурно-национальная автономия «не идёт вразрез» с правами наций? То есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на началах культурно-национальной автономии, то они, данная сумма наций, имеют на это полное право, и никто не может им **насильственно навязать** другую форму политической жизни. И ново, и умно. Не добавить ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить её системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определять свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая национальная реакционность «не идёт вразрез» с **правами наций**.

Не это ли хотела сказать почтенная конференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно-национальная автономия «не идёт вразрез» не с правами наций, а **«с точным смыслом» программы.** Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции ликвидаторов обратилась какая-либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а «делегация» кавказских социал-демократов, правда, плохих социал-демократов, но всё-таки социал-демократов. И спрашивали

они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-национальная автономия **принципам социал-демократии**, не идёт ли она «вразрез» **«с точным смыслом» программы социал-демократии?**

Итак, **права наций и «точный смысл» программы социал-демократии** — не одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя вразрез с правами наций, могут итти вразрез с «точным смыслом» программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц **имеет право** исповедывать любую религию: католицизм, православие и т. д. Социал-демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. «не идут вразрез с точным смыслом» программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, и против православия, с тем чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм, православие и т. д., без сомнения, «идут вразрез с точным смыслом» программы, т. е. с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое своё национальное

учреждение, и вредное, и полезное,— никто не может (не имеет права!) **насильственно** вмешиваться в жизнь наций. Но это ещё не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то и другое, не идя вразрез с **правами** этих наций, идёт, однако, вразрез **«с точным смыслом» программы**, т. е. с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, «права наций» и «точный смысл» программы — две совершенно различные плоскости. В то время как «точный смысл» программы выражает интересы пролетариата, научно формулированные в программе последнего,— права наций могут выражать интересы любого класса — буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там **обязанности** марксиста, здесь **права** наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут итти или не «итти вразрез» друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида — с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. Получилось не разрешение национального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии «не идут вразрез» друг с другом,— следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет «итти вразрез с точным смыслом» программы!

Не пожалели логики...

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции ликвидаторов, по которому требование национально-культурной автономии «не идёт вразрез с точным смыслом» программы.

Но конференция ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она нарушает ещё свой долг перед российской социал-демократией, санкционируя культурно-национальную автономию. Она самым определённым образом нарушает «точный смысл» программы, ибо известно, что II съезд, принявший программу, **решительно отверг** культурно-национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу на этом съезде:

«Гольдблат (бундовец): ...Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8 — **«и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития»** (это, как известно, бундовская формулировка культурно-национальной автономии. **И. Ст.**).

Мартынов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого **особого** учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальности.

Егоров: В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до

того, будет ли та или другая национальность развиваться как таковая. Это — дело стихийного процесса.

Кольцов: Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходит речь об их национализме. Между тем та поправка, которая внесена делегатом от Бунда,— чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают».

...В результате **«поправка Гольдблата отвергнута большинством против трёх».**

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла «вразрез с точным смыслом» программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский съезд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию. Так, Вл. Коссовский пишет:

«Как известно, по договору, принятому на Стокгольмском съезде, Бунду предоставлено было сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на общепартийном съезде). Этот съезд признал, что национально-культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе» *.

Но попытки ликвидаторов тщетны. Съезд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда — он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду. Но факты сами говорят о себе. Вот они:

«Вносится поправка Галиным: «Вопрос о национальной программе **остаётся открытым ввиду нерассмотрения** его съездом». (**За** — 50 голосов, **против** — 32.)

Голос. Что значит — открытым?

* См. «Наша Заря» 1912 г., № 9—10, стр. 120.

Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остаётся открытым, то это значит, что Бунд до следующего съезда может сохранить своё решение по этому вопросу» * (курсив наш. **И. Ст.**).

Как видите, съезд даже «не рассмотрел» вопроса о национальной программе Бунда — он просто оставил его «открытым», предоставив самому Бунду решить судьбу своей программы до следующего общего съезда. Другими словами: съезд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определённым образом входит в оценку дела, признаёт культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует её именем программы партии.

Разница бросается в глаза.

Таким образом, конференция ликвидаторов, несмотря на всякие ухищрения, ни на шаг не двинула вперёд национального вопроса.

Виляние перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами — это всё, на что она оказалась способной.

VII
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Нам остаётся наметить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решён лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

* См. «Наше Слово» № 8, 1906 г., стр. 53.

Россия живёт в переходное время, когда «нормальная», «конституционная» жизнь ещё не установилась, когда политический кризис ещё не разрешён. Дни бурь и «осложнений» впереди. Отсюда движение, наличное и грядущее, движение, ставящее себе целью полную демократизацию.

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, полная демократизация страны, как **основа** и условие решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем. Рост демократизма в Азии неизбежен. Рост империализма в Европе — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвётся в чужие страны, ища новых рынков, дешёвых рабочих, новых точек приложения. Но это ведёт к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война [143] является концом, а не началом осложнений. Поэтому вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России найдёт нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, **право самоопределения, как необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна. Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь, разъединяет и перебрасывает в разные концы государства. Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведёт к точке зрения «размежевания» людей по национальным куриям, к точке зрения «организации» наций, к точке зрения «сохранения» и культивирования «национальных особенностей», — дело, совершенно не идущее к социал-демократии. Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, объединились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское «коло». Не случайность и то, что сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося «субботу» и «жаргон». В Думе нет ещё бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в «руководящих учреждениях» которой Бунд устраивает, пока что, «объединёнку» еврейских рабочих и буржуа *. Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, **национальная** автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение — **областная** автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело

* «Отчёт о VIII конференции Бунда», конец резолюции об общине.

не с фикцией без территории, а с определённым населением, живущим на определённой территории. Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок,— наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам. Наконец, она даёт возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра,— функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, **областная автономия, как необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основание лишь в том случае, если страна остаётся при старых порядках. Дайте стране полный демократизм,— и опасения потеряют всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз **без** полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе **при** полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком,— и недовольство пройдёт само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу,— и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести (свобода вероисповедания), передвижения и пр. Дайте ему эти свободы,— и оно перестанет быть недовольным.

Итак, **национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый пункт** в решении национального вопроса. Необходим, следовательно, общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

В этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав меньшинства.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создаёт благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом,— то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую

естественно распространяет культурно-национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размежевания по национальностям. И та и другая предполагают организацию по национальностям. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь — с.-д. рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии,— таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого — организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в **единые** и **целостные** коллективы, сплочение таких коллективов в **единую** партию — такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка партии не исключает, а предполагает широкую автономию **областей** внутри единого партийного целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможностей резни и перестрелок, если в Баку, в этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло

могучего движения,— то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал-демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живёт жизнью своей организации, он там растёт духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими инонациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством общего коллектива,— он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие **прежде всего** — члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма. А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоёв рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчёркивается не **общее** между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий **прежде всего** — член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что **национальный** федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности.

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения.

Таким образом, перед нами два **принципиально** различных типа организации: тип интернациональной

сплочённости и тип организационного «размежевания» рабочих по национальностям.

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха. Примиренческий устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. «Примирение» оказалось не только утопичным, но и вредным. Штрассер прав, утверждая, что «сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергском партейтаге» *. То же самое в России. «Примирение» с федерализмом Бунда, состоявшееся на Стокгольмском съезде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в **единую** организацию, включающую рабочих всех национальностей. И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что и в 1907 и в 1908 году российская социал-демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было, наконец, осуществлено [144]. Бунд, начавший с организационной национальной автономии, перешёл на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внёс в неё разброд и дезорганизацию. Вспомним, хотя бы, дело Ягелло [145].

Поэтому путь «примирения» должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: **либо** федерализм Бунда, и тогда — российская социал-демократия перестраивается на началах «размежевания» рабочих по национальностям; **либо** интернациональный тип организации, и тогда — Бунд перестраивается на началах территориальной автономии, по образцу кавказской, латышской и польской социал-демократии, открывая дорогу делу непосредственного объединения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

Среднего нет: принципы побеждают, а не «примиряются».

Итак — **принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Вена, 1913 г., январь.

Впервые напечатано в журнале «Просвещение» [116] *№№ 3—5, март — май 1913 г.*
Подпись: К. Сталин

* См. его «Der Arbeiter und die Nation», 1912 г.

ПОЛОЖЕНИЕ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ

В № 44 «Правды» появилось «заявление» семи социал-демократических депутатов, где они враждебно выступают против шести рабочих депутатов[147].

В том же номере «Правды» шесть рабочих депутатов отвечают им, называя их выступление первым шагом к расколу.

Таким образом, рабочие становятся перед вопросом: быть или не быть единой с.-д. фракции?

До сих пор с.-д. фракция была едина и своим единством сильна, достаточно сильна для того, чтобы заставить считаться с собой недругов пролетариата.

Теперь она, быть может, разобьётся на две части на потеху и радость врагам...

В чём же дело? Из-за чего разошлись так резко члены с.-д. фракции? Что побудило семерых депутатов напасть на своих товарищей на страницах газеты, пред лицом врагов рабочего класса?

Два вопроса выдвигают они в своём «заявлении»: вопрос об участии в «Луче» и «Правде» и вопрос о слиянии этих газет.

Семеро депутатов думают, что с.-д. депутаты обязаны участвовать в обеих газетах, что отказ шести депутатов участвовать в «Луче» является нарушением единства с.-д. фракции.

Но так ли это? Правы ли семь депутатов?

Во-первых, странно, как можно участвовать в газете, направление которой не только не разделяешь, но считаешь вредным? Как можно обязать, например, ортодокса Бебеля участвовать в ревизионистской газете, или ревизиониста Фольмара — в ортодоксальной? В Германии хохотали бы по поводу такого требования, ибо там знают, что единство действий не исключает различия во взглядах. Но у нас... у нас, слава богу, нет ещё культурности.

Во-вторых, у нас имеется прямое указание опыта в России, по которому участие депутатов в двух разных газетах отнюдь не подрывает единства фракции. Мы говорим о третьей фракции[148]. Ни для кого не тайна, что из 13 членов третьедумской с.-д. фракции 9 участвовали **только** в «Звезде», 2 — только в «Живом Деле»[149], остальные же двое совершенно воздерживались от участия как в той, так и в другой газете... И всё-таки такое положение вещей ни на иоту не подорвало единства третьей фракции! Фракция всё время выступала единой.

Очевидно, семеро депутатов стоят на ложном пути, требуя обязательного участия в «Луче». Они, повидимому, не вполне ещё разобрались в вопросе.

Далее. Семеро депутатов требуют слияния «Правды» и «Луча» в одну нефракционную газету.

Но как их слить? Возможно ли слить их в одну газету?

Неужели семь депутатов, эти «идейные сторонники» «Луча», не знают, что «Луч» первый же отказывается от такого слияния? Читали ли они № 108 «Луча», где он пишет о том, что **«единство не может быть достигнуто простыми механическими мерами, вроде слияния двух органов и т. п.»**?

А если читали, то как могут они серьёзно говорить о слиянии?

Во-вторых, известно ли семи депутатам отношение лидеров ликвидаторства к единству вообще и к одному общему органу в частности?

Послушайте вдохновителя «Луча», П. Аксельрода. Вот что он писал в № 6 «Невского Голоса», когда одна часть петербургских рабочих решила издать одну нефракционную газету, в противовес «Звезде» и «Живому Делу»:

«Мысль о нефракционном с.-д. органе является в настоящее время утопией и притом утопией, объективно идущей вразрез с интересами партийно-политического развития и организационного объединения пролетариата под знаменем с.-д. Гони природу в дверь, она влетит в окно... Сможет ли проектируемый рабочий орган занять нейтральную позицию между двумя противоположными лагерями?.. Очевидно, нет» (см. «Невский Голос» № 6).

Итак, по Аксельроду, одна общая газета не только невозможна, но и вредна, ибо «идёт вразрез с интересами политического развития пролетариата».

Послушаем другого вдохновителя «Луча», небезызвестного Дана.

«Крупные политические задачи, — пишет он, — делают неизбежной беспощадную войну с антиликвидаторством... Антиликвидаторство есть вечный тормоз, вечная дезорганизация». Нужно... «всеми силами стараться убить его в зародыше» (см. «Наша Заря» № 6, 1911 г.).

Итак, «беспощадная **война** с антиликвидаторством», т. е. с «Правдой», «**убить** антиликвидаторство», т. е. «Правду», — вот что предлагает Дан.

Как могут семеро депутатов после всего этого серьёзно говорить о слиянии двух газет?

Кого же они хотят слить, объединить?

Одно из двух:

Либо они не усвоили вопроса и не успели ещё разобраться в позиции «Луча», сторонниками которого они себя считают, — и тогда они «сами не ведают, что творят».

Либо они являются настоящими лучистами, вместе с Даном готовы «убить антиликвидаторство», вместе с Аксельродом не верят в возможность одной газеты, но **громогласно** говорят об единстве для того, чтобы **втихомолку** готовить почву для раскола фракции...

Как бы то ни было, одно несомненно: рабочие стоят перед вопросом о целости с.-д. фракции, которой грозит разрыв.

Фракция в опасности!

Кто может спасти фракцию, кто может обеспечить целость фракции?

Рабочие и только рабочие! Никто больше, кроме рабочих!

Поэтому обязанностью сознательных рабочих является возвысить голос против раскольнических попыток внутри фракции, откуда бы они ни исходили.

Обязанностью сознательных рабочих является призвать к порядку семь с.-д. депутатов, выступивших против другой половины с.-д. фракции.

Рабочие должны теперь же вмешаться в дело для того, чтобы оградить единство фракции.

Теперь молчание невозможно. Более того — молчание теперь преступно.

Газета «Правда» № 47,
26 февраля 1913 г.
Подпись: К. Сталин

Печатается по тексту газеты

ГОДОВЩИНА ЛЕНСКОЙ БОЙНИ[150]

Товарищи!

Прошёл год со времени расстрела 500 наших товарищей на Лене. За мирную экономическую стачку 4 апреля 1912 года на Ленских приисках по приказу русского царя, в угоду кучке миллионеров, расстреляно 500 наших братьев.

Ротмистр Трещенко, царским именем учинивший этот разбой, получив высокие награды от правительства и щедрую мзду от золотопромышленников, теперь разгуливает по аристократическим кабакам в ожидании места начальника охранного отделения. В горячую минуту обещали обеспечить семьи убитых, оказывается — нагло солгали. Обещали ввести государственное страхование рабочих на Лене, оказывается — обманули. Обещали «расследовать» дело, а в действительности спрятали даже то следствие, которое произвёл их же посланец — сенатор Манухин.

«Так было, так будет» — бросил с думской трибуны министр-палач Макаров. И он оказался прав: царь и его правители были и будут лжецами, клятвопреступниками, кровопускателями и

камарильей, творящей волю кучки диких помещиков и миллионеров.

9 января 1905 года на площади Зимнего дворца в Петербурге расстреляна была вера в старое, дореволюционное самодержавие.

4 апреля 1912 года на далёкой Лене расстреляна была вера в нынешнее «обновлённое» пореволюционное самодержавие.

Всякий, кто верил, что у нас теперь существует конституционный строй, всякий, кто думал, что старые зверства более невозможны, убедился, что это не так, что попрежнему царская шайка хозяйничает над великим русским народом, что монархия Николая Романова попрежнему требует на алтарь свой сотни и тысячи трупов русских рабочих и крестьян, что попрежнему по всей России свистят нагайки и жужжат пули царских наёмников — Трепенок, упражняющихся над безоружными русскими гражданами.

Расстрел на Лене открыл новую страницу в нашей истории. Чаша терпения переполнилась. Прорвалась плотина народного негодования. Тронулась река народного гнева. Слова царского лакея Макарова «так было, так будет» подлили масла в огонь. Они оказали такое же действие, как в пятом году приказ другого царского пса Трепова: «патронов не жалеть!» Забурлило, запенилось рабочее море. И дружной, почти полумиллионной стачкой протеста ответили русские рабочие на ленский расстрел. И высоко подняли они наше старое красное знамя, на котором рабочий класс снова начертал три главных требования русской революции:

8-часовой рабочий день — для рабочих.

Конфискация всех помещичьих и царских земель — для крестьян.

Демократическая республика — для всего народа!

Год борьбы лежит позади нас. И, оглядываясь назад, мы можем с удовлетворением сказать: начало сделано, год не прошёл даром.

Ленская стачка слилась с первомайской. Славная маёвка 1912 года вписала золотую страницу в историю нашего рабочего движения. С этого времени борьба не затихает ни на минуту. Ширится, растёт политическая стачка. На расстрел 16 севастопольских матросов 150 тысяч рабочих отвечают революционной стачкой, провозглашая союз революционного пролетариата с революционной армией. Против подделки выборов от рабочих в Думу петербургский пролетариат протестует забастовкой. В день открытия IV Думы [151], в день внесения с.-д. фракцией страхового запроса питерские рабочие устраивают однодневные стачки и демонстрации. И, наконец, 9 января 1913 года до 200 тысяч русских рабочих бастуют, чествуя память павших борцов и зовя к новой борьбе всю демократическую Россию.

Таков главный итог 1912 года.

Товарищи! Близится первая годовщина ленской бойни. Мы должны, мы обязаны так или иначе откликнуться в этот день. Мы должны показать, что мы чтим память наших убитых товарищей. Мы должны показать, что не забыли кровавого дня 4 апреля так же, как не забыли кровавого воскресенья 9 января.

Митингами, демонстрациями, отчислениями и т. д. необходимо отметить день ленской годовщины всюду и везде.

И пусть вся рабочая Россия в этот день сольётся в общем кличе:

Долой монархию Романовых!

Да здравствует новая революция!

Да здравствует демократическая республика!

Слава павшим бойцам!

Центральный Комитет РСДРП

Перепечатывайте и распространяйте!
Готовьте празднование 1-го мая!

Написано в январе — феврале 1913 г.

Печатается по гектографированному тексту прокламации

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Брошюра К. Каутского была переведена на грузинский язык и издана в Тифлисе в марте 1907 года. В № 7 большевистской газеты «Дро» от 18 марта 1907 года было опубликовано сообщение о выходе брошюры К. Каутского на грузинском языке с предисловием Кобы (И. В. Сталина).— ***1.***

2 Кадеты (к.-д.) — конституционно-демократическая партия — главная партия либерально-монархической буржуазии; оформилась в октябре 1905 года (см. Сочинения И. В. Сталина, т. 1, стр. 406, примечание 52). — ***5.***

3 **«Первый сборник»** — меньшевистский сборник; был издан в Петербурге в 1906 году. — ***6.***

4 **«Наше Дело»** — еженедельный меньшевистский журнал; выходил в Москве с 24 сентября по 25 ноября 1906 года.— ***7.***

5 **«Товарищ»** — ежедневная газета; издавалась в Петербурге с марта 1906 года по декабрь 1907 года; формально не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. В газете принимали участие и меньшевики. — ***7.***

6 **«Отклики»** — меньшевистские сборники, выходившие в 1906—1907 годах в Петербурге. Вышло три сборника. — ***8.***

7 **«Мир Божий»** — ежемесячный журнал либерального направления; издавался в Петербурге с 1892 года. В 90-х годах XIX века в нём печатались статьи «легальных марксистов». В период революции 1905 года в журнале принимали участие меньшевики. С 1906 года по 1918 год выходил под названием «Современный Мир». — ***9.***

8 **«Голос Труда»** — меньшевистская газета; выходила в Петербурге с 21 июня по 7 июля 1906 года. — ***11.***

9 Трудовики, или «трудовая группа», — группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы (см. Сочинения И. В. Сталина, т. 1, стр. 410, примечание 77).

Народные социалисты (энесы) — мелкобуржуазная организация; образовалась в 1906 году, выделившись из правого крыла эсеров. Энесы выдвигали политические требования, не выходившие из рамок конституционной монархии. Ленин называл их «социал-кадетами» и «эсеровскими меньшевиками». — ***14.***

10 Речь идёт о петербургской социал-демократической конференции, состоявшейся 6 января 1907 года по вопросу об избирательной тактике на выборах во II Государственную думу. На конференции присутствовали 40 большевиков и 31 меньшевик. ЦК РСДРП, в большинстве состоявший из меньшевиков, предложил делегатам разделиться на городскую и губернскую конференции. Меньшевики рассчитывали таким путём получить большее количество голосов. Конференция отказалась выполнить это требование, как противоречащее уставу партии. В знак протеста делегаты-меньшевики ушли с заседания. Оставшиеся делегаты постановили продолжать работу конференции. Заслушав доклад В. И. Ленина, конференция высказалась против заключения избирательных соглашений с кадетами, признав таковые не только принципиально недопустимыми, но и политически безусловно вредными. Конференция приняла решение «поставить немедленно на очередь важнейший для Петербурга вопрос о соглашениях с революционной демократией». Присутствовавшие на конференции представители ЦК — меньшевики заявили, что постановления конференции не обязательны для петербургской социал-демократической организации, а ушедшие с конференции меньшевики выступили в печати с предложением заключить блок с кадетами. — ***16.***

11 **«Речь»** — ежедневная газета, центральный орган кадетской партии; выходила в Петербурге с февраля 1906 года по 26 октября 1917 года. — ***17.***

12 **«Чвени Цховреба»** («Наша Жизнь») — ежедневная большевистская газета; выходила легально в Тифлисе с 18 февраля 1907 года. Газетой руководил И. В. Сталин. Вышло 13 номеров. 6 марта 1907 года газета была закрыта «за крайнее направление». — ***19.***

13 **«На Очереди»** — меньшевистский еженедельник; выходил в Петербурге с декабря 1906 года по март 1907 года. Вышло четыре номера. — ***20.***

14 **«Дро»** («Время») — ежедневная большевистская газета; выходила в Тифлисе после закрытия газеты «Чвени Цховреба» с 11 марта по 15 апреля 1907 года. Руководителем газеты был И. В. Сталин. В редакцию газеты входили также М. Цхакая, М. Давиташвили. Вышел 31 номер. — ***21.***

15 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, 1930, стр. 55—56.

«Новая Рейнская Газета» издавалась в Кёльне с 1 июня 1848 года по 19 мая 1849 года. Руководителями газеты были К. Маркс и Ф. Энгельс. — ***23.***

16 Гурко — товарищ министра внутренних дел; Лидваль — крупный спекулянт и авантюрист, которому Гурко предоставил в 1906 году подряд на доставку хлеба в голодающие губернии. Участие царского сановника в спекулянтской афере Лидваля привело к громкому судебному процессу, получившему название «лидвалиады». Никаких последствий для Гурко, кроме отстранения от должности, это дело не имело. — ***24.***

17 Октябристы, или «Союз 17 октября»,— контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии и крупных помещиков; образовалась в ноябре 1905 года. Октябристы полностью поддерживали столыпинский режим, внутреннюю и внешнюю политику царизма. — *24.*

18 **«Парус»** — ежедневная газета, орган кадетов; выходила в Москве в 1907 году. — *24.*

19 **«Сегодня»** — буржуазная вечерняя газета бульварного типа; издавалась в Петербурге в 1906—1908 годах. — *25.*

20 **«Слово»** — ежедневная газета; начала издаваться с декабря 1904 года в Петербурге. С октября 1905 года до июля 1906 года являлась органом партии октябристов. — *25.*

21 Г. П. Телия родился в 1880 году, умер в Сухуме 19 марта 1907 года. 25 марта состоялись похороны Г. Телия в селении Чагани Кутаисского уезда. — *27.*

22 Имеется в виду первомайская демонстрация тифлисских рабочих, состоявшаяся 22 апреля 1901 года под непосредственным руководством И. В. Сталина. Демонстрация происходила на Солдатском базаре, в центральной части Тифлиса; в ней участвовало около 2 000 человек. Во время демонстрации произошло столкновение с полицией и войсковыми частями. Было ранено 14 рабочих, арестовано свыше 50. По поводу тифлисской демонстрации в ленинской «Искре» сообщалось: «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение» («Искра» № 6, июль 1901 г.). — *28.*

23 23 февраля 1903 года по решению Тифлисского комитета РСДРП состоялась демонстрация тифлисских рабочих. В демонстрации участвовало около 6 000 человек. Демонстрация закончилась столкновением с войсковыми частями. Было арестовано 150 человек. — *28.*

24 **«Пролетариатис Брдзола»** («Борьба Пролетариата») — грузинская нелегальная газета, орган Кавказского союза РСДРП (см. Сочинения И. В. Сталина, т. 1, стр. 399, примечание 21). — *30.*

25 **«Ахали Цховреба»** («Новая Жизнь») — ежедневная большевистская газета, выходившая в Тифлисе с 20 июня по 14 июля 1906 года. Вышло 20 номеров. Руководителем газеты был И. В. Сталин, постоянными сотрудниками — М. Давиташвили, Г. Телия, Г. Кикодзе и др. — *30.*

26 Пятый съезд РСДРП происходил в Лондоне с 30 апреля по 19 мая 1907 года. По всем основным вопросам съезд принял большевистские резолюции. И. В. Сталин присутствовал на съезде как делегат от тифлисской организации. Итоги работ съезда И. В. Сталин осветил в статье «Лондонский съезд РСДРП (Записки делегата)» (см. настоящий том, стр. 46—77). — *32.*

27 Бунд — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше, Литве и России»; был организован в октябре 1897 года (см. Сочинения И. В. Сталина, т. 1, стр. 395, примечание 7). — *32.*

28 «Спилка» — украинский социал-демократический союз, близкий к меньшевикам. «Спилка» возникла в конце 1904 года, отколовшись от мелкобуржуазной, националистической «Революционно-украинской партии» (РУП). Прекратила своё существование в годы столыпинской реакции. — *32.*

29 **«Лахвари»** («Копьё») — ежедневная меньшевистская грузинская газета; выходила в Тифлисе с апреля по июнь 1907 года. — *35.*

30 **«Схиви»** («Луч») — ежедневная газета грузинских меньшевиков; выходила в Тифлисе с декабря 1905 года по январь 1906 года. — *39.*

31 II Государственная дума разогнана царским правительством 3 июня 1907 года. Социал-демократическая фракция Думы,

насчитывавшая 65 депутатов, была провокационно обвинена в военном заговоре. Бо́льшая часть социал-демократических депутатов была приговорена к каторжным работам и ссылке на поселение. — *41.*

32 Статья «Лондонский съезд РСДРП (Записки делегата)» не была закончена; помешала усилившаяся ко второй половине 1907 года полицейская слежка, а затем арест И. В. Сталина. — *46.*

33 Вергежский, А. — литературный псевдоним Тырковой А. В., сотрудницы кадетской газеты «Речь». — *46.*

34 Кускова, Е. Д. — один из авторов «Credo» — программы «экономистов»; в 1906—1907 годах сотрудничала в полукадетских-полуменьшевистских журналах и газетах. — *46.*

35 Алексинский, Г. А.— депутат II Государственной думы; входил в большевистскую часть с.-д. фракции. После Лондонского съезда РСДРП отстаивал тактику бойкота III Государственной думы. Впоследствии отошёл от партии большевиков. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — *50.*

36 Вопрос о международном социалистическом конгрессе в Штутгарте (VII конгресс II Интернационала) вначале был включён в порядок дня Лондонского съезда РСДРП, но затем съездом был снят с обсуждения. Конгресс происходил 5—11 (18—24) августа 1907 года. От большевиков на конгрессе присутствовали В. И. Ленин, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов и др. — *54.*

37 Рядовой — псевдоним А. А. Малиновского; больше известен под фамилией Богданова (имел также псевдоним «Максимов»). В 1903 году примкнул к большевикам. После Лондонского съезда РСДРП отошёл от большевистской партии (см. примечание 80 к настоящему тому). Умер в 1928 году. — *54, 168.*

38 О расколе петербургской организации см. статью И. В. Сталина «Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики» (настоящий том, стр. 14—19). — *55.*

39 Проект обращения по земельному вопросу «От Государственной думы» был выработан кадетами и опубликован 5 июля 1906 года в ответ на правительственное сообщение от 20 июня 1906 года о крестьянском землевладении. Кадеты убеждали крестьян ждать окончания работ Думы по выработке земельного закона. ЦК РСДРП, руководимый меньшевиками, предложил социал-демократической фракции Думы голосовать за кадетский проект. Фракция голосовала против проекта. — *55.*

40 Народовцы (национал-демократы) — контрреволюционная националистическая партия польской буржуазии; образовалась в 1897 году. В период революции 1905—1907 годов народовцы стали основной партией польской контрреволюции, партией польских черносотенцев. — *59.*

41 Имеются в виду выступления на V («Лондонском») съезде РСДРП депутатов II Государственной думы меньшевиков А. Л. Джапаридзе и И. Г. Церетели (см. Протоколы V съезда РСДРП, 1935, стр. 250 и 354—355). — *59.*

42 Гедисты — сторонники Ж. Геда — левое, марксистское течение в рядах французских социалистов. В 1901 году гедисты образовали «Социалистическую партию Франции». Гедисты боролись с оппортунистами во французском рабочем движении, выступали против политики соглашений с буржуазией и вхождения социалистов в буржуазное правительство. С начала мировой империалистической войны Гед занял оборонческую позицию и вошёл в буржуазное правительство. Часть гедистов, сохранившая верность революционному марксизму, позднее вошла в коммунистическую партию Франции. — *64.*

43 Имеется в виду статья Юрия Переяславского (Г. Хрусталёва).

«Бакинский День» — ежедневная либеральная газета; выходила с июня 1907 года по январь 1908 года. — *68.*

44 Ю. Ларин, Л. А. Рин (М. А. Лурье) — меньшевик-ликвидатор. В 1907 году пропагандировал идею созыва «широкого рабочего съезда». В 1917 году Ю. Ларин вступил в партию большевиков.

Эль (И. И. Лузин) — меньшевик-ликвидатор. — ***69.***

45 *Имеется в виду брошюра «Всероссийский рабочий съезд и «большевики»»*, изданная на грузинском языке в Тифлисе в 1907 году. «Бродяга» — меньшевик Георгий Эрадзе; «Шура» — его жена, меньшевичка Пышкина. — ***69.***

46 Статья Череванина о рабочем съезде была помещена в меньшевистском сборнике «Политическое положение и тактические проблемы». Москва, 1906 год. — ***72.***

47 Линдов — псевдоним Г. Д. Лейтейзена. — ***73.***

48 Осенью 1907 года Бакинский комитет под руководством товарища Сталина провёл кампанию по выборам в III Государственную думу. На собрании уполномоченных от бакинских рабочих, состоявшемся 22 сентября, выборщиками в III Государственную думу были избраны большевики. Написанный И. В. Сталиным «Наказ» был принят собранием и напечатан отдельным листком типографией Балаханского районного комитета РСДРП. — ***78.***

49 Статья была написана в связи с предполагавшимся созывом совещания нефтепромышленников с представителями бакинских рабочих. Тактика бойкота совещания, которую в то время проводили большевики, встретила широкую поддержку в рабочих массах. С 10 октября по 1 ноября 1907 года на промыслах и заводах Баку состоялись собрания рабочих, обсуждавшие вопрос о совещании. Две трети присутствовавших на этих собраниях рабочих высказались против участия в совещании. Меньшевики, стоявшие за совещание во что бы то ни стало, потерпели поражение. — ***81.***

50 Промысловые рабочие — рабочие, занятые добычей нефти и бурением нефтяных скважин. Мастеровые — рабочие механических мастерских, электростанций и других подсобных предприятий, обслуживавших нефтяные промыслы. — ***83.***

51 «Бешкеш» (буквально: подарок) — система мелких подачек в виде наградных, широко практиковавшаяся бакинскими нефтепромышленниками с целью отвлечь рабочих от политической борьбы и расколоть рабочее движение. Размеры наградных были разнообразны и зависели от усмотрения предпринимателей. Большевики решительно выступали против требования *наградных* во время забастовок и боролись за повышение заработной платы рабочих. — ***84.***

52 Кочегар — псевдоним И. Шитикова (Самарцева), официального редактора-издателя газеты «Гудок». — ***85.***

53 **«Нефтяное Дело»** — орган нефтепромышленников; издавался советом съезда нефтепромышленников в Баку в 1899—1920 годах.

Совет съезда — организация нефтепромышленной буржуазии — избирался на съездах нефтепромышленников из представителей крупнейших фирм. Задачей совета съезда являлась организованная борьба против рабочего класса, отстаивание интересов нефтепромышленников перед правительством, обеспечение высоких прибылей нефтепромышленников и т. п. — ***87.***

54 Дашнакцаканы, дашнаки — члены армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». Защищая интересы армянской буржуазии, дашнаки разжигали национальную вражду между трудящимися Закавказья. — ***88.***

55 В ноябре 1907 года бакинские большевики во главе с И. В. Сталиным выставили лозунг: «Совещание с гарантиями или никакого совещания». Условия, на которых рабочие соглашались *на участие в совещании*, были следующие: активное участие в совещательной кампании профессиональных союзов, широкое обсуждение требований рабочими, свободный созыв будущего Совета уполномоченных и выбор момента открытия совещания самими рабочими. На промыслах

и заводах Баку началась широкая кампания по выборам в Совет уполномоченных, который должен был окончательно принять условия участия рабочих в совещании и избрать представителей в организационную комиссию по созыву совещания. Собрания рабочих по выборам уполномоченных проходили открыто. Большинство рабочих высказывалось за линию большевиков. Дашнаки и эсеры, стоявшие за бойкот совещания, и меньшевики, стоявшие за совещание без всяких гарантий, не встретили поддержки в массах. — ***96.***

56 **«Гудок»** — легальная большевистская газета, еженедельный орган союза бакинских нефтепромышленных рабочих. № 1 «Гудка» вышел 12 августа 1907 года. В газете «Гудок» был напечатан ряд руководящих статей И. В. Сталина, вошедших в настоящий том. Активное участие в «Гудке» принимали С. Шаумян, А. Джанаридзе, С. Спандарян и др. Последний, 34-й, номер газеты, изданный большевистской редакцией, вышел 1 июня 1908 года. С № 35 «Гудок» перешёл в руки меньшевиков. Большевики стали издавать в Баку новую профессиональную легальную газету «Бакинский Рабочий», первый номер которой вышел 6 сентября 1908 года.— ***98.***

57 В забастовке на нефтяных промыслах Мирзоева в Баку участвовало до 1 500 рабочих. Забастовка началась 14 февраля 1908 года и продолжалась 73 дня. — ***99.***

58 Выборы уполномоченных от рабочих были закончены в начале февраля 1908 года. Но созыв Совета уполномоченных по распоряжению наместника Кавказа Воронцова-Дашкова откладывался. Первое заседание Совета уполномоченных состоялось 30 марта 1908 года, последующие — 6, 10, 26 и 29 апреля. Г. К. Орджоникидзе впоследствии писал о работе Совета уполномоченных: «В то время, как по всей России господствовала чёрная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент. В этом парламенте открыто разрабатывались все требования бакинских рабочих, развёртывалась нашими ораторами вся наша программа-минимум». В Совете уполномоченных за предложение большевиков — совещание с гарантиями — голосовало 199 уполномоченных, за бойкот

совещания было подано 124 голоса. Сторонники бойкота — эсеры и дашнаки — ушли с заседания Совета. Предложение об ультимативности наказа прошло большинством 113 голосов против 54. — ***107.***

59 **«Промысловый Вестник»** — легальная меньшевистская газета, орган союза механических рабочих; выходила в Баку, два-три раза в неделю, в ноябре и декабре 1907 года и с марта по июль 1908 года. — ***109.***

60 К—за (Кара-Мурза, П.)—член партии кадетов, редактор органа бакинских нефтепромышленников «Нефтяное Дело». — ***114.***

61 «Кочи» — разбойник, наёмный убийца. — ***116.***

62 Ханлар Сафаралиев — рабочий-большевик, талантливый организатор азербайджанских рабочих. После удачно проведённой забастовки на Нафталанских промыслах, в ночь с 19 на 20 сентября 1907 года, Ханлар был смертельно ранен наёмным убийцей нефтепромышленников. Через несколько дней Ханлар умер. По призыву Биби-Эйбатского районного комитета РСДРП состоялась общая двухдневная забастовка рабочих с требованием к Нафталанскому обществу удалить с промыслов убийцу Ханлара — бурового мастера Джафара, а также управляющего Абузарбека. Похороны Ханлара были превращены в мощную демонстрацию протеста с участием 20 тысяч рабочих. На могиле Ханлара И. В. Сталин выступил с речью.— ***122.***

63 Обзор «Пресса» был написан И. В. Сталиным летом 1908 года в бакинской тюрьме, где он находился с 25 марта по 9 ноября 1908 года, до ссылки в Сольвычегодск. — ***128.***

64 **«Наперцкали»** («Искра») — ежедневная газета грузинских меньшевиков; издавалась в Тифлисе с мая по июль 1908 года. — ***128.***

65 **«Азри»** («Мысль») — меньшевистская грузинская газета; выходила в Тифлисе с 29 января по 2 марта 1908 года. — ***129.***

66 Братья Шендриковы (Лев, Илья, Глеб) создали в Баку в 1904 году зубатовскую организацию под названием «Организация балаханских и биби-эйбатских рабочих» (впоследствии переименована в «Союз бакинских рабочих»). Шендриковцы вели клеветническую кампанию против большевиков. Выдвигая узко цеховые экономические лозунги, шендриковцы дезорганизовывали стачечную борьбу, стремились сорвать подготовку к вооружённому восстанию, агитировали за создание «примирительных камер», артелей и т. п. Шендриковы получали субсидии от нефтепромышленников и царских властей. Меньшевики официально признали зубатовскую организацию шендриковцев партийной организацией. Шендриковцы были разоблачены бакинскими большевиками как наймиты царской охранки и разгромлены.

Журнал «Правое Дело» издавался Шендриковыми в Петербурге. № 1 журнала вышел в ноябре 1907 года, № 2—3 — в мае 1908 года. Упоминаемые ниже Грошев и Калинин — меньшевики, сторонники Шендриковых. — ***131.***

67 Гукасов, А. — один из крупнейших нефтепромышленников Баку, руководитель совета съезда нефтепромышленников. — ***132.***

68 Заседание организационной комиссии по вопросу о созыве совещания с нефтепромышленниками состоялось 13 мая 1908 года в присутствии 14 нефтепромышленников и 15 рабочих. В этот же день в газетах было напечатано, что представители профессиональных союзов в комиссию не допускаются. Делегация рабочих, явившись на заседание, отказалась приступить к работе без участия представителей от профессиональных союзов. Ссылаясь на этот отказ, председатель комиссии Джунковский (член совета при царском наместнике на Кавказе) закрыл заседание организационной комиссии. — ***134.***

69 «Земля и воля», «В борьбе обретёшь ты право своё» — лозунги партии социалистов-революционеров. — ***136.***

70 Всеобщая забастовка в Баку началась 1 июля 1903 года, в Тифлисе — 14 июля, в Батумо — 17 июля. Забастовка охватила всё Закавказье и перекинулась на юг России (Одесса, Киев, Екатеринослав и др.).— ***137.***

71 Бакинская всеобщая стачка началась 13 декабря 1904 года с забастовки на нефтепромыслах Ротшильда, Нобеля, Мирзоева в Балаханах и в Биби-Эйбатском промысловых районах. С 14 по 18 декабря стачка распространилась на большинство предприятий Баку. Стачка проводилась под руководством И. В. Сталина. В прокламациях, выпущенных Бакинским комитетом в первые дни стачки, были выдвинуты политические лозунги, а также сформулированы экономические требования — 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена штрафов и т. д. Во время стачки происходили многочисленные митинги и собрания рабочих. Стачка окончилась победой рабочих и заключением первого в истории рабочего движения в России коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками. «Эта стачка была как бы предгрозовой молнией накануне великой революционной бури» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 54). Подробное освещение значения декабрьской бакинской стачки см. в настоящем томе, стр. 169—173. —***137.***

72 **«Баку»** — буржуазная газета, выходившая с короткими перерывами в 1902—1918 годах. Газета выражала интересы преимущественно армянской нефтепромышленной и торговой буржуазии. —***143.***

73 Имеется в виду статья «Рабочая комиссия в Баку», помещённая в № 4 грузинской меньшевистской газеты «Хомли» от 17 июля 1908 года.— ***143.***

74 Брошюра Л. А. Рина (Ю. Ларина) «О совещании с нефтепромышленниками» была выпущена в 1907 году союзом механических рабочих.— ***144.***

75 **«Пролетарий»** — нелегальная газета, основанная большевиками после IV («Объединительного») съезда партии; выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года. Вышло 50 номеров «Пролетария»;

первые 20 номеров были изданы в Финляндии, остальные — в Женеве и Париже. «Пролетарий» фактически являлся центральным органом большевиков и редактировался В. И. Лениным. В годы столыпинской реакции «Пролетарий» сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций. —*147*.

76 **«Голос Социал-Демократа»** — заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов; выходил с февраля 1908 года по декабрь 1911 года. В состав редакции «Голоса Социал-Демократа» входили Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, А. С. Мартынов. В связи с явно ликвидаторским направлением «Голоса» Плеханов с декабря 1908 года перестал в нём сотрудничать, а затем официально вышел из редакции. Несмотря на решение пленума ЦК РСДРП в январе 1910 года о прекращении издания «Голоса Социал-Демократа», меньшевики продолжали издавать его, открыто проповедуя на страницах газеты идеи ликвидаторства. —*147*.

77 **«Социал-Демократ»** — Центральный Орган РСДРП; издавался с февраля 1908 года по январь 1917 года. Первый номер газеты вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем — в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В «Социал-Демократе» печатались руководящие статьи В. И. Ленина. Внутри редакции «Социал-Демократа» В. И. Ленин вёл борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, одновременно открыто защищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа». Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете был напечатан ряд статей И. В. Сталина, помещаемых в настоящем томе. В «Социал-Демократе» систематически печатались материалы о работе местных партийных организаций, в том числе о работе партийных организаций в Закавказье. —*147*.

78 21—23 июля 1907 года состоялась третья конференция РСДРП («Вторая общероссийская») и 5—12 ноября 1907 года — четвёртая конференция РСДРП («Третья общероссийская»). —*155*.

79 Заголовок «Из партии» является названием раздела газеты «Бакинский Пролетарий». —*165*.

80 Расширенная редакция «Пролетария» — фактически большевистский центр, избранный на заседании большевистской части V («Лондонского») съезда РСДРП в 1907 году. Совещание расширенной редакции «Пролетария» происходило 8—17 (21—30) июня 1909 года в Париже, под руководством В. И. Ленина. Совещание осудило отзовизм и ультиматизм как «ликвидаторство наизнанку». Организованную отзовистами Каприйскую «партийную» школу совещание признало «центром откалывающейся от большевиков фракции». А. Богданов (поддерживаемый В. Шанцером) отказался подчиниться постановлениям расширенной редакции «Пролетария» и был исключён из большевистской организации. —*166*.

81 Резолюция Бакинского комитета была напечатана 3(16) октября 1909 года в № 49 газеты «Пролетарий» со следующей припиской редакции: «Ничего, кроме того, что бакинские товарищи сказали об отзовистах, ультиматистах и богостроителях, не сказали и мы. Бакинские товарищи сами «протестуют против поведения тов. Максимова, заявившего о неподчинении решениям редакции». Но если бы т. Максимов подчинился постановлениям органа большевиков и не начал бы целой дезорганизаторской кампании против большевистской фракции, никакого «откола» и не было бы. «Неподчинение» же и есть, конечно, «откол». На тему о нашей якобы «раскольнической» политике мы в настоящем номере высказались подробно в статье «Беседа с петербургскими большевиками» по поводу их аналогичной

резолюции, доставленной в редакцию ранее бакинской». Упоминаемая редакцией статья «Беседа с петербургскими большевиками» принадлежит В. И. Ленину (см. Сочинения, т. XIV, стр. 169—178). —*168.*

82 «Амшара» — дословно: сородичи, земляки; так называли чернорабочих-иранцев, приезжавших в Баку на заработки.—*170.*

83 «Письма с Кавказа» были написаны в ноябре — декабре 1909 года и предназначались для опубликования в «Пролетарии» или «Социал-Демократе». Так как «Пролетарий» к тому времени перестал выходить, «Письма» были пересланы в редакцию Центрального Органа РСДРП — «Социал-Демократ». «Письмо с Кавказа», содержавшее резкую критику ликвидаторства, меньшевистская часть редакции «Социал-Демократа» отказалась поместить на страницах Центрального Органа. Письмо было опубликовано в «Дискуссионном Листке» (приложение к «Социал-Демократу»). —*174.*

84 Положение 12 июня 1890 года о земских учреждениях было введено царским правительством взамен положения 1864 года. Новое положение, устанавливавшее сословный ценз вместо прежнего имущественного, давало дворянам абсолютное большинство в большей части уездных земских собраний и усиливало зависимость земства от центральной власти. — *178.*

85 **«Бакинский Пролетарий»** — нелегальная большевистская газета; выходила с 20 июня 1907 года по 27 августа 1909 года в Баку. Вышло семь номеров. Первый номер «Бакинского Пролетария» вышел как орган Балаханского района бакинской организации РСДРП, второй номер — как орган Балаханского и Черногородского районов бакинской организации РСДРП; с третьего номера газета становится органом Бакинского комитета РСДРП. «Бакинский Пролетарий» выходил под редакцией И. В. Сталина. В газете напечатан ряд его руководящих статей, вошедших в настоящий том. В «Бакинском Пролетарии» принимали также участие С. Шаумян, А. Джапаридзе, С. Спандарян и другие. На пятом номере издание «Бакинского Пролетария» было прервано. Оно возобновилось 1 августа 1909 года, когда И. В. Сталин бежал из сольвычегодской ссылки и возвратился в Баку. Последний, 7-й, номер газеты вышел 27 августа 1909 года. Редакция «Бакинского Пролетария» была тесно связана с «Пролетарием» и «Социал-Демократом». —*181.*

86 «Труд» — единый потребительский кооператив рабочих города Баку и нефтепромышленных районов; был организован в начале 1908 года. Число членов кооператива «Труд» составляло около 1 200 человек. Кооператив открыл свои отделения в Балаханском, Биби-Эйбатском, Завокзальном и Черногородском районах. В 1909 году кооператив издавал еженедельный журнал «Трудовой Голос». Большевики принимали активное участие в работе кооператива. — *186.*

87 Клубы «Знание — сила» и «Наука» ставили целью содействовать самообразованию нефтепромышленных рабочих. Они организовывали общеобразовательные и технические курсы, кружки, лекции. Средства клубов составляли членские взносы и доходы от лекций и спектаклей. Клубом «Знание — сила», обслуживавшим нефтепромышленные районы, руководили большевики, клубом «Наука» — меньшевики. — *186.*

88 Съезд по борьбе с пьянством открылся в Петербурге 28 декабря 1909 года и продолжался несколько дней. На съезде присутствовало 510 делегатов. Рабочая группа съезда насчитывала 43 человека, в их числе были 2 делегата от бакинских рабочих. Часть рабочих делегатов сразу же после съезда была арестована полицией. — *187.*

89 **«Дасацкиси»** («Начало») — грузинская легальная меньшевистская газета, выходившая в Тифлисе с 4 по 30 марта 1908 года. — *189.*

90 Ан, Н., Костров — псевдонимы лидера грузинских меньшевиков-ликвидаторов Ноя Жордания. — *189.*

91 Слова, сказанные Г. В. Плехановым в его речи на международном социалистическом конгрессе в Париже в 1889 году. — *192.*

92 Имеется в виду земельный закон (указ), изданный царским министром Столыпиным 9 ноября 1906 года о выделении крестьян из общины на хутора. — *197.*

93 В письме говорится о пленуме ЦК РСДРП, происходившем 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже. Пленум принял решение о необходимости «уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия». По настоянию В. И. Ленина пленум осудил ликвидаторство и отзовизм (однако в резолюции «ликвидаторство» и «отзовизм» прямо не назывались их настоящим именем). Преобладание на пленуме примиренческих элементов дало возможность им провести ряд антиленинских решений. В состав центральных учреждений партии, несмотря на протест В. И. Ленина, прошло несколько меньшевиков-ликвидаторов. После пленума ликвидаторы усилили борьбу против партии. — *211.*

94 Имеется в виду постановление о реорганизации («реформе») центральных учреждений партии — Центрального Комитета, редакции Центрального Органа, Заграничного бюро ЦК и русской коллегии ЦК, принятое январским пленумом ЦК РСДРП 1910 года (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть I, изд. 6-е, 1940, стр. 157, 158). — *211.*

95 В письме говорится о шести месяцах, оставшихся до окончания срока сольвычегодской ссылки И. В. Сталина, т. е. до конца июня 1911 года. — *211.*

96 **«Мысль»** — большевистский легальный ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; издавался в Москве с декабря 1910 года по апрель 1911 года. Вышло пять номеров. Журнал был создан В. И. Лениным. Ему же принадлежало фактическое руководство журналом. В №№ 1—4 «Мысли» были помещены статьи В. И. Ленина. Ближайшее участие в журнале принимали В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов. Кроме большевиков в журнале сотрудничали Плеханов и другие меньшевики-партийцы. — *212.*

97 **«Рабочая Газета»** — популярная большевистская газета; выходила в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года. Организатором и руководителем газеты был В. И. Ленин. Пражская партийная конференция (январь 1912 года) отметила заслуги «Рабочей Газеты» в деле защиты партии и партийности и признала её официальным органом Центрального Комитета партии. — *212.*

98 **«Звезда»** — большевистская легальная газета; выходила в Петербурге с 16 декабря 1910 года по 22 апреля 1912 года (*сначала еженедельно, затем два и три раза в неделю*). Деятельность «Звезды» направлял В. И. Ленин; он систематически присылал из-за границы свои статьи для газеты. Ближайшими сотрудниками «Звезды» были В. М. Молотов, М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев, Н. Н. Батурин, К. С. Еремеев и др. В газете принимал участие А. М. Горький. Весной 1912 года во время пребывания в Петербурге И. В. Сталин непосредственно руководил работой газеты и поместил в ней ряд статей, напечатанных в настоящем томе. Тираж отдельных номеров газеты достигал 50—60 тысяч. «Звезда» подготовила выход ежедневной большевистской газеты «Правда». 22 апреля 1912 года царское правительство закрыло «Звезду». Продолжением «Звезды» была «Невская Звезда», выходившая по октябрь 1912 года. — *212.*

99 Листовка «За Партию!» была написана И. В. Сталиным в начале марта 1912 года и вместе с листовкой «Избирательная платформа РСДРП», написанной В. И. Лениным, широко распространялась по всей стране. В № 26 газеты «Социал-Демократ» Бюро ЦК сообщало: «ЦК изданы в России листки: 1) За Партию (6 тысяч); 2) Избирательная

платформа (10 тысяч). Листки эти доставлены в 18 пунктов, в том числе в ряд наиболее крупных центров... Листки ЦК были всюду встречены с радостью, жалели только, что их мало». 29 марта 1912 года Г. К. Орджоникидзе писал из Киева, что оба листка «произвели очень хорошее впечатление, публика в восторге». Несколько позднее Н. К. Крупская, по поручению В. И. Ленина, писала: «Получили два ваших письма (о местных делах и о намеченных планах) и 2 листка: «За Партию» и «платформу». Горячо приветствуем». — ***213.***

100 В листовке говорится о шестой Всероссийской партийной конференции, состоявшейся в Праге 5—17 (18—30) января 1912 года. Конференция объединила большевистские организации и оформила самостоятельное существование большевистской партии. Постановлением конференции меньшевики были изгнаны из партии, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Пражская конференция положила начало партии нового типа (см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 134—139). — ***213.***

101 Прокламация «Да здравствует Первое мая!» была написана И. В. Сталиным в Москве в начале апреля 1912 года. Печаталась она тайно в Тифлисе в легальной типографии. Тираж прокламации был потом перевезён в Петербург. — ***219.***

102 87-я статья основных государственных законов предоставляла право совету министров во время перерывов в работе Государственной думы вносить законопроекты на утверждение непосредственно царю. На основе этого Столыпин провёл ряд важных законов помимо Думы, в частности по аграрному вопросу. — ***228.***

103 **«Запросы Жизни»** — журнал; выходил в Петербурге в 1909—1912 годах. Летом 1912 года В. И. Ленин писал А. М. Горькому об этом журнале: «Странный, между прочим, журнал,— ликвидаторски-трудовическо-вехистский» (см. Ленинский сборник I, стр. 125). — ***230.***

104 Мирнообновленцы («партия мирного обновления») — партия крупной торгово-промышленной буржуазии и крупных помещиков; образовалась в 1906 году. Ленин называл мирнообновленцев «партией мирного ограбления». — ***230.***

105 **«Дело Жизни»** — легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; издавался в Петербурге с 22 января по 31 октября 1911 года. — ***232.***

106 **«Наша Заря»** — ежемесячный легальный журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов; выходил с 1910 года по 1914 год в Петербурге. — ***232.***

107 Прогрессисты — либерально-монархическая группа русской буржуазии, занимавшая промежуточное положение между октябристами и кадетами. Лидерами прогрессистов были московские фабриканты Рябушинский, Коновалов и др. — ***238.***

108 Выборы в IV Государственную думу происходили осенью 1912 года. Но уже с весны этого года большевики во главе с В. И. Лениным и И. В. Сталиным начали подготовительную работу к избирательной кампании. Большевистская партия выступила на выборах в IV Думу самостоятельно, под лозунгами демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьей земли. В марте 1912 года В. И. Лениным была написана «Избирательная платформа РСДРП», изданная листовкой и распространённая в ряде крупнейших городов России. Непосредственное руководство работой большевиков в избирательной кампании осуществлял И. В. Сталин. Арест 22 апреля 1912 года временно прервал его работу по подготовке к выборам в Государственную думу. И. В. Сталин возвратился в Петербург, бежав из нарымской ссылки, в сентябре 1912 года, в самый разгар избирательной кампании. — ***240.***

109 **«Земщина»** — черносотенная газета, выходившая в Петербурге с 1909 по 1917 год; орган крайних правых депутатов Государственной думы. — ***245.***

110 **«Новое Время»** — газета, выходившая в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года; орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. — ***246.***

111 **«Голос Москвы»** — ежедневная газета, орган партии октябристов; выходила в Москве с декабря 1906 года по 1915 год. Редактор-издатель газеты — А. И. Гучков. — ***246.***

112 **«Правда»** — ежедневная рабочая большевистская газета; выходила в Петербурге с 22 апреля 1912 года по 8 июля 1914 года. «Правда» была основана по указанию В. И. Ленина, по инициативе И. В. Сталина. И. В. Сталин, как член Центрального Комитета партии, руководил выработкой платформы «Правды» и участвовал в составлении первого номера газеты. 22 апреля, в день выхода первого номера «Правды», И. В. Сталин был арестован. Он смог возобновить свою работу в «Правде» лишь осенью 1912 года, после побега из нарымской ссылки. С октября 1912 года по февраль 1913 года на страницах «Правды» был помещён ряд руководящих статей И. В. Сталина, вошедших в настоящий том. Членами редакции и ближайшими сотрудниками «Правды» были В. М. Молотов, М. С. Ольминский, Н. Н. Батурин, Я. М. Свердлов, А. М. Горький, К. Н. Самойлова и др. За два с половиной года царское правительство восемь раз закрывало «Правду», но благодаря поддержке рабочих она снова начинала выходить под новыми названиями («Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду» и др.). (О значении и роли «Правды» см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 143—148.) — ***248.***

113 «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату» был написан в начале октября 1912 года. Он был единодушно принят на собраниях рабочих крупнейших предприятий Петербурга и на съезде рабочих-уполномоченных 17 октября 1912 года. И. В. Сталин руководил обсуждением «Наказа» на летучих заводских собраниях. В. И. Ленин придавал «Наказу» особенно большое значение. Направляя его в типографию для напечатания в «Социал-Демократе», Ленин написал на полях: «Непременно **вернуть!!** Не испачкать. **Крайне важно** сохранить этот документ». «Наказ» был опубликован в № 28—29 «Социал-Демократа» 5 (18) ноября 1912 года. В письме в редакцию «Правды» Ленин настаивал: «Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом» (см. Сочинения, т. XXIX, стр. 78). — ***250.***

114 Термин «разъяснение» появился в связи с применявшимся «правительствующим» Сенатом разъяснением избирательных законов в желательном для правительства смысле. Власти, «разъясняя» законы, произвольно объявляли произведённые выборы недействительными. — ***250.***

115 Выборы выборщиков по рабочей курии Петербургской губернии состоялись первый раз на губернском съезде уполномоченных 5 октября 1912 года. Несмотря на то, что 21 крупнейшее предприятие Петербурга было лишено избирательных прав, в числе 6 выборщиков, избранных съездом, оказалось 4 большевика. Под давлением масс рабочие «разъяснённых» предприятий были восстановлены в правах. 14 октября 1912 года на этих предприятиях были произведены новые выборы уполномоченных, а 17 октября состоялся второй съезд уполномоченных от рабочей курии Петербургской губернии. На этом съезде и происходили вторичные выборы выборщиков, причём абсолютное большинство получили 5 человек — два большевика и три меньшевика. На другой день состоялось дополнительное голосование, в результате которого шестым выборщиком был избран большевик.

Ход борьбы вокруг выборов подробно описан в корреспонденции И. В. Сталина, напечатанной в «Социал-Демократе» — «Выборы в Петербурге» (см. настоящий том, стр. 271—284). — ***253.***

116 **«Луч»** — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге с сентября 1912 года по июль 1913 года. На страницах «Луча» ликвидаторы открыто

выступали против нелегальной партии. Газета существовала главным образом на средства буржуазии. — ***253.***

117 Имеется в виду Обуховский завод. — ***256.***

118 Прокламация «Ко всем рабочим и работницам России!», посвящённая восьмой годовщине 9 января 1905 года, была написана И. В. Сталиным в декабре 1912 года. О необходимости издания такой листовки В. И. Ленин писал из Кракова И. В. Сталину в Петербург 23 ноября (6 декабря) 1912 года: «Дорогой друг, насчёт 9 января крайне важно обдумать и подготовить дело заранее. Заранее должен быть готов листок с призывом к митингам, однодневной стачке и демонстрациям (сие должно быть решено на месте, на месте виднее)... Лозунги листка должны быть три революционные (республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьей земли) с особым подчёркиванием 300-летия «позора» Романовской династии. Ежели нет полной и полнейшей уверенности в возможности иметь листок в Питере, надо заранее во-время заготовить его здесь и привезти» (см. Сочинения, т. XXIX, стр. 82). — ***266.***

119 В августе — октябре 1912 года среди политических заключённых кутомарской и алгачинской каторжных тюрем (Нерчинская каторга — Забайкалье), в знак протеста против насилий тюремной администрации, происходили массовые голодовки и самоубийства. Откликом на эти события были забастовки-протесты рабочих и сходки студенчества в Петербурге, Москве и Варшаве. — ***266.***

120 В октябре 1912 года севастопольский военно-морской суд вынес приговор по делу 142 матросов, обвинённых в подготовке восстания в Черноморском флоте. 17 обвиняемых были приговорены к смертной казни, 106 — к каторжным работам и 19 — оправданы. В ответ на приговор суда в Москве, Петербурге, Харькове, Николаеве, Риге и других городах России состоялись массовые забастовки и демонстрации протеста. — ***267.***

121 В конце 1911 года в печати появились новые документы, разоблачившие провокацию правительства: обвинительные материалы против с.-д. депутатов оказались всецело делом рук петербургской охранки. В середине ноября 1911 года с.-д. фракция III Думы внесла в Думу запрос о пересмотре дела социал-демократов-втородумцев. Запрос был отвергнут Думой. В связи с этим в Петербурге, Риге, Варшаве и других городах России происходили многотысячные митинги и выносились резолюции с требованием освобождения осуждённых депутатов. — ***268.***

122 Представителем ЦК партии во время проведения избирательной кампании в Петербурге был И. В. Сталин. Исполнительная комиссия Петербургского комитета — узкий состав ПК; выделялась для ведения текущей работы. — ***272.***

123 Ликвидаторы исключили из своей избирательной платформы, изданной в сентябре 1912 года, основные политические лозунги программы-минимум РСДРП. Лозунг демократической республики они заменили требованием всеобщего избирательного права «при выборах в Государственную думу и органы местного самоуправления»; лозунг конфискации помещичьей земли — требованием «пересмотра аграрного законодательства III Думы». — ***275.***

124 Имеется в виду так называемая «августовская» конференция ликвидаторов, состоявшаяся в Вене в августе 1912 года. Эта конференция была созвана в противовес Пражской конференции большевиков. — ***277.***

125 Большевик «X» — Н. Г. Полетаев; ликвидатор «Y» — вероятно, Е. Маевский (В. А. Гутовский).

Упоминаемые ниже питерские ликвидаторы «Аб... и Л...» — В. М. Абросимов и В. Левицкий (В. О. Цедербаум). — ***279.***

126 **«Невский Голос»** — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге в мае — августе 1912 года. — ***281.***

127 См. «Письма с Кавказа», стр. 189—192 настоящего тома. — ***287.***

128 В № 9 «Дневника Социал-Демократа» Г. В. Плеханов подверг критике выступление в «Голосе Социал-Демократа» грузинского меньшевика-ликвидатора С. Джибладзе. — ***287.***

129 Панисламизм — реакционная, религиозно-политическая идеология, возникшая во второй половине XIX века в султанской Турции среди турецких помещиков, буржуазии, духовенства и распространившаяся затем среди имущих классов других мусульманских народов. Панисламизм проповедывал объединение в одно целое всех народов, исповедывающих ислам (мусульманскую религию). С помощью панисламизма господствующие классы мусульманских народов стремились укрепить свои позиции и задушить революционное движение трудящихся народов Востока. — ***288.***

130 Статья «Марксизм и национальный вопрос» написана в конце 1912 года — начале 1913 года в Вене; впервые напечатана за подписью К. Сталин в №№ 3—5 журнала «Просвещение» за 1913 год под заглавием «Национальный вопрос и социал-демократия». В 1914 году статья И. В. Сталина издана отдельной брошюрой под названием «Национальный вопрос и марксизм» в издательстве «Прибой» (Петербург). Брошюра была по распоряжению министра внутренних дел изъята из всех публичных библиотек и общественных читален. В 1920 году работа переиздана Народным Комиссариатом по делам национальностей в «Сборнике статей» И. В. Сталина по национальному вопросу (Госиздат, Тула). В 1934 г. статья вошла в книгу: **И. Сталин.** Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. В статье «О национальной программе РСДРП» Ленин, указывая на причины, выдвинувшие в этот период национальный вопрос на видное место, писал: «В теоретической марксистской литературе это положение дел и основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)». В феврале (н. ст.) 1913 года Владимир Ильич

писал А.М. Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав **все** австрийские и пр. материалы». Узнав, что предлагается статью считать дискуссионной, Ленин решительно воспротивился этому: «Конечно, мы абсолютно против. Статья **очень хороша.** Вопрос боевой и мы не сдадим ни на иоту принципиальной позиции против бундовской сволочи» (Архив ИМЭЛ). Вскоре после ареста И. В. Сталина, в марте 1913 года, В. И. Ленин писал в редакцию «Социал-Демократа»: «...У нас аресты тяжкие. Коба взят... Коба успел написать большую (для трёх номеров «Просвещения») статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов» (Архив ИМЭЛ). — ***290.***

131 Сионизм — реакционно-националистическое течение еврейской буржуазии, имевшее сторонников среди интеллигенции и наиболее отсталых слоёв еврейских рабочих. Сионисты стремились изолировать еврейские рабочие массы от общей борьбы пролетариата. — ***291.***

132 Брюннский партейтаг (съезд) австрийской социал-демократии происходил 12—17 (24—29) сентября 1899 года. Текст резолюции, принятой партейтагом по национальному вопросу, приводится И. В. Сталиным в следующей главе настоящей работы (см. стр. 321—322). — ***315.***

133 «У нас, слава богу, нет парламента» — слова, сказанные В. Коковцевым, царским министром финансов (позже премьером), в Государственной думе 24 апреля 1908 года. — ***318.***

134 См. II гл. «Манифеста Коммунистической Партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1941, стр. 154). — ***330.***

135 Венский партейтаг (или Вимбергский — по названию отеля в Вене, в котором он заседал) австрийской социал-демократической партии происходил 25—31 мая (6—12 июня) 1897 года. — ***331.***

136 Имеется в виду напечатанная в 1844 году в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник») статья К. Маркса «Zur Judenfrage» («К еврейскому вопросу») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 1938).— ***333.***

137 VIII конференция Бунда происходила в сентябре 1910 года во Львове. — ***339.***

138 Г. В. Плеханов в статье «Ещё одна раскольничья конференция», помещённой в газете «За Партию» 2 (15) октября 1912 года, осудил «августовскую» конференцию ликвидаторов, а позицию бундовцев и кавказских социал-демократов характеризовал как приспособление социализма к национализму. В письме в редакцию ликвидаторского журнала «Наша Заря» лидер бундовцев Коссовский выступил с критикой Плеханова. — ***342.***

139 VII съезд Бунда происходил во Львове в конце августа — начало сентября (н. ст.) 1906 года. — ***342.***

140 **«Искра»** — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основана в 1900 году В. И. Лениным (см. Сочинения И. В. Сталина, т. 1, стр. 401, примечание 20). — ***344.***

141 Карл Ванек — чешский социал-демократ, стоявший на открыто шовинистических, сепаратистских позициях.— ***345.***

142 **«Чвени Цховреба»** («Наша Жизнь») — ежедневная газета грузинских меньшевиков; выходила в Кутаисе с 1 по 22 июля 1912 года. — ***347.***

143 Первая Балканская война началась в октябре 1912 года между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией — с другой. — ***360.***

144 См. постановления четвёртой («Третьей общероссийской») конференции РСДРП, происходившей 5—12 ноября 1907 года, и V конференции РСДРП («Общерусской 1908 года»), происходившей 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909 года) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть I, изд. 6-е, 1940, стр. 118, 131). — ***366.***

145 Ягелло, Е. И. — член польской социалистической партии (ППС), был избран в IV Государственную думу от Варшавы блоком Бунда и ППС с буржуазными националистами против польских социал-демократов. Социал-демократическая фракция Думы большинством голосов меньшевиков-ликвидаторов (меньшевистской семёрки) против 6 депутатов большевиков приняла резолюцию о принятии Ягелло в с.-д. фракцию. — ***366.***

146 **«Просвещение»** — большевистский легальный ежемесячный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 года. Работой журнала руководил В. И. Ленин, поддерживая регулярную переписку с членами редакционной коллегии, находившимися в России (М. А. Савельев, М. С. Ольминский, А. И. Елизарова). В период своего пребывания в Петербурге в работе журнала принимал ближайшее участие И. В. Сталин. Журнал был тесно связан с «Правдой». В июне 1914 года, накануне первой мировой войны, правительство закрыло журнал. Осенью 1917 года был выпущен один двойной номер. — ***367.***

147 В декабре 1912 года рабочие депутаты IV Думы дали согласие на включение своих фамилий в список сотрудников «Луча». Одновременно они продолжали сотрудничать в «Правде». Фактически рабочие депутаты в «Луче» не участвовали. После соответствующего указания ЦК они заявили о снятии их фамилий из числа сотрудников «Луча». В связи с этим заявлением между двумя группами социал-демократической фракции (большевистской шестёркой и меньшевистской семёркой) разгорелась ожесточённая борьба.—***368.***

148 Речь идёт о социал-демократической фракции в III Государственной думе.— ***369.***

149 **«Живое Дело»** — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходившая в Петербурге с января по апрель 1912 года. — ***369.***

150 Прокламация «Годовщина ленской бойни» была написана И. В. Сталиным в Кракове в январе-феврале 1913 года. Переписанная от руки Н. К. Крупской, она была размножена на гектографе и переслана в Россию; распространялась в Петербурге, Киеве, Могилёве, Тифлисе и других городах.— ***373.***

151 Заседания IV Государственной думы открылись 15 ноября 1912 года. — ***375.***

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

(1907 — март 1917)

1907

1 января. Выходит № 1 руководимой И. В. Сталиным газеты «Мнатоби» («Светоч»).

В № 8 газеты «Ахали Дроеба» («Новое Время») напечатано продолжение работы И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

10 февраля. И. В. Сталин пишет предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции».

18 февраля. Выходит № 1 руководимой И. В. Сталиным газеты «Чвени Цховреба» («Наша Жизнь») со статьёй И. В. Сталина «Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики».

21—28 февраля. В №№ 3, 5, 8 и 9 газеты «Чвени Цховреба» печатается продолжение работы И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

11 марта. Выходит № 1 руководимой И. В. Сталиным газеты «Дро» («Время»).

13 марта. В № 2 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Самодержавие кадетов или самодержавие народа?».

17 марта. В № 6 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Пролетариат борется, буржуазия заключает союз с правительством» (передовая).

22 марта. В № 10 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Памяти тов. Г. Телия».

28 и 30 марта. В газете «Дро» печатаются резолюции большевиков-рабочих Тифлиса об избрании И. В. Сталина *делегатом на* V *съезд* РСДРП.

4—6 и 10 апреля. В №№ 21—23 и 26 газеты «Дро» печатается продолжение работы И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

8 апреля. В № 25 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Передовой пролетариат и пятый съезд партии» (передовая).

10 апреля. В № 26 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Неразбериха...».

13 апреля. В № 29 газеты «Дро» напечатана статья И. В. Сталина «Наши кавказские клоуны».

30 апреля— 19 мая. И. В. Сталин участвует в работах V («Лондонского») съезда РСДРП как делегат тифлисской организации.

Первая половина июня. И. В. Сталин, после возвращения с V («Лондонского») съезда РСДРП, приезжает в Баку и Тифлис; выступает с докладами об итогах съезда на собраниях соц.-дем. организаций Баку, Тифлиса и ряда районов Западной Грузии. И. В. Сталин возглавляет борьбу большевиков с меньшевиками, эсерами и др.

20 июня. Выходит № 1 нелегальной большевистской газеты «Бакинский Пролетарий», редактируемой

И. В. Сталиным. В газете напечатаны его статьи: «Разгон думы и задачи пролетариата» (передовая), «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (Записки делегата)».

Лето — осень. И. В. Сталин выступает на дискуссионных собраниях, организуемых в районах Баку, с разоблачением политики меньшевиков и эсеров.

И. В. Сталин руководит кампанией бойкота совещания с нефтепромышленниками.

10 июля. В № 2 газеты «Бакинский Пролетарий» напечатано продолжение статьи «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (Записки делегата)».

Конец июля. Бакинские большевики во главе с И. В. Сталиным проводят партийную конференцию нефтепромышленных районов, которая высказывается за организацию общей забастовки.

12 августа. Выходит № 1 газеты «Гудок» — легальный большевистский орган союза нефтепромышленных рабочих Баку, созданный по инициативе И. В. Сталина.

24 августа. На делегатском собрании пяти районных социал-демократических организаций и мусульманской социал-демократической группы «Гуммет» И. В. Сталин избирается членом организационной комиссии по созыву общегородской партийной конференции.

Сентябрь — октябрь. И. В. Сталин руководит кампанией по выборам в III Государственную думу.

22 сентября на собрании уполномоченных от рабочей курии в Баку принимается «Наказ»

с.-д. депутатам в III Государственную думу, написанный И. В. Сталиным.

29 сентября. И. В. Сталин выступает с речью на могиле рабочего-большевика Ханлара Сафаралиева, убитого наёмными агентами капиталистов.

В № 4 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Надо бойкотировать совещание!».

25 октября. И. В. Сталин на общегородской большевистской конференции избирается членом Бакинского комитета РСДРП.

Первая половина ноября. В помещении Сабунчинской больницы происходит заседание Бакинского комитета РСДРП с участием И. В. Сталина.

22 ноября. Бакинский комитет РСДРП под руководством И. В. Сталина проводит однодневную забастовку протеста против суда над с.-д. фракцией II Государственной думы.

Конец ноября. И. В. Сталин приезжает в Тифлис по партийным делам.

Ноябрь 1907—март 1908. И. В. Сталин руководит кампанией по участию бакинских рабочих в совещании с нефтепромышленниками на условиях гарантии прав рабочих.

1908

13 января. В № 14 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Перед выборами» (передовая).

Январь—февраль. Бакинские большевики под руководством И. В. Сталина организуют ряд крупных забастовок.

3 февраля. В № 17 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Ещё о совещании с гарантиями» (передовая).

Февраль. Бакинский комитет РСДРП под руководством И. В. Сталина организует «Штаб самообороны», в связи с участившимися нападениями черносотенцев.

2 марта. В № 21 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Что говорят наши забастовки последнего времени?».

9 марта. В № 22 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Поворот в тактике нефтепромышленников» (передовая).

16 марта. В № 23 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Надо готовиться!» (передовая).

25 марта. И. В. Сталин арестован под именем Гайоза Нижарадзе и заключён в Баиловскую тюрьму г. Баку.

25 марта — 9 ноября. И. В. Сталин, находясь в тюрьме, устанавливает и поддерживает связь с бакинской большевистской организацией, руководит Бакинским комитетом РСДРП и пишет статьи для газет «Бакинский Пролетарий» и «Гудок». В тюрьме И. В. Сталин ведёт работу среди политических заключённых, проводит дискуссии с эсерами и меньшевиками, организует изучение политическими заключёнными марксистской литературы.

30 марта. В № 25 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Экономический террор и рабочее движение» (передовая).

21 апреля — 18 мая. В №№ 28, 30 и 32 газеты «Гудок» напечатана статья И. В. Сталина «Нефтепромышленники об экономическом терроре».

20 июля. В № 5 газеты «Бакинский Пролетарий» напечатаны статьи И. В. Сталина: «Лакействующие «социалисты»» и «Фарисействующие зубатовцы».

В приложении к газете напечатана статья И. В. Сталина «Совещание и рабочие».

9 ноября. И. В. Сталин высылается в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года.

1909

Январь. И. В. Сталин по прибытии этапным порядком в Вологду заключён в вологодскую тюрьму.

27 января. Местом ссылки И. В. Сталина определён г. Сольвычегодск Вологодской губернии.

8 февраля. И. В. Сталин, следуя по этапу к месту ссылки, заболевает возвратным тифом и переводится из вятской тюрьмы в вятскую губернскую земскую больницу.

20 февраля. И. В. Сталин из больницы снова переводится в вятскую тюрьму.

27 февраля. И. В. Сталин прибывает в Сольвычегодск.

24 июня. Побег И. В. Сталина из сольвычегодской ссылки.

Начало июля. И. В. Сталин проездом несколько дней находится в Петербурге.

Первая половина июля. И. В. Сталин нелегально приезжает в Баку, возглавляет работу по восстановлению и укреплению большевистских организаций Баку и Закавказья.

1 августа. Выходит (после годичного перерыва) № 6 газеты «Бакинский Пролетарий» с передовой статьёй И. В. Сталина «Партийный кризис и наши задачи».

2 августа. Бакинский комитет РСДРП, под руководством И. В. Сталина, принимает резолюцию о положении дел в редакции «Пролетария», высказываясь «за позицию большинства редакции, представителем которого является тов. Ленин».

27 августа. В № 7 газеты «Бакинский Пролетарий» напечатаны статьи И. В. Сталина: «Партийный кризис и наши задачи» (окончание) и «К предстоящей общей забастовке».

Первая половина сентября. И. В. Сталин приезжает из Баку в Тифлис, где организует и направляет борьбу тифлисской большевистской организации против меньшевиков-ликвидаторов.

Конец сентября. И. В. Сталин принимает меры по восстановлению работы нелегальной типографии Бакинского комитета.

19 октября — начало ноября. И. В. Сталин приезжает в Тифлис и подготовляет созыв тифлисской общегородской партийной конференции и издание большевистской газеты «Тифлисский Пролетарий».

Не позже 12 ноября. И. В. Сталин возвращается из Тифлиса в Баку.

13 декабря. Бакинским комитетом РСДРП выпущена написанная И. В. Сталиным прокламация «О декабрьской забастовке и декабрьском договоре» (по поводу пятой годовщины бакинской стачки 1904 года).

Ноябрь — декабрь. И. В. Сталин пишет в Центральный Орган партии «Письма с Кавказа».

1910

С 1910 года И. В. Сталин — уполномоченный ЦК партии («агент ЦК»).

---

5 января. Выходит № 1 газеты «Тифлисский Пролетарий», созданной при непосредственном участии И. В. Сталина.

22 января. Бакинский комитет РСДРП принимает написанную И. В. Сталиным резолюцию о необходимости созыва общепартийной конференции, перенесения практического центра руководства партийной работой в Россию и издания общерусской руководящей газеты.

23 марта. И. В. Сталин арестован под именем Захара Григоряна Меликянца.

Выходит написанная И. В. Сталиным листовка «Август Бебель, вождь германских рабочих».

26 марта. И. В. Сталин заключён в Баиловскую тюрьму г. Баку.

7 сентября. И. В. Сталин получает в тюрьме постановление кавказского наместника от 27 августа о воспрещении проживания на Кавказе в течение пяти лет.

23 сентября. И. В. Сталина высылают по этапу в Сольвычегодск.

29 октября. И. В. Сталин прибывает в Сольвычегодск.

Ноябрь 1910 — июнь 1911. И. В. Сталин устанавливает связь с В. И. Лениным, проводит собрания ссыльных, на которых читаются рефераты, обсуждаются текущие политические вопросы.

31 декабря. И. В. Сталин пишет письмо в ЦК партии («Письмо из сольвычегодской ссылки»).

1911

Март — июнь. В Сольвычегодске у И. В. Сталина (в доме М. П. Кузаковой) производятся неоднократные обыски.

1 июня. И. В. Сталин на совещании членов ЦК РСДРП в Париже заочно назначается кандидатом в члены Организационной комиссии по созыву партийной конференции.

23—26 июня. И. В. Сталин отбывает в Сольвычегодске трёхдневный арест за организацию сходки ссыльных социал-демократов.

27 июня. И. В. Сталин освобождён от гласного надзора полиции в связи с окончанием срока ссылки. Ввиду запрещения проживать на Кавказе, в столицах и фабрично-заводских центрах, И. В. Сталин избирает местом жительства Вологду, расположенную на пути к Петербургу.

6 июля. И. В. Сталин выезжает по проходному свидетельству из Сольвычегодска в Вологду.

16 июля. И. В. Сталин прибывает в Вологду.

Июль — сентябрь. В Вологде И. В. Сталин находится под негласным надзором полиции.

Июль. И. В. Сталиным написано письмо в редакцию руководимой В. И. Лениным «Рабочей Газеты». В письме И. В. Сталин сообщает о своём намерении работать в Петербурге или в Москве.

6 сентября. И. В. Сталин нелегально выезжает из Вологды в Петербург.

7 сентября. И. В. Сталин приезжает в Петербург и прописывается по паспорту П. А. Чижикова.

7—9 сентября. И. В. Сталин встречается с большевиками С. Тодрия и С. Аллилуевым, устанавливает связи с петербургской партийной организацией.

9 сентября. И. В. Сталин арестован и заключён в тюрьму (Петербургский дом предварительного заключения).

14 декабря. И. В. Сталин высылается под гласный надзор полиции в Вологду сроком на три года.

25 декабря. И. В. Сталин прибывает в Вологду.

1912

Между 5 (18) и 17 (30) января. На шестой («Пражской») общепартийной конференции И. В. Сталин заочно избирается членом Центрального Комитета партии большевиков.

На конференции создаётся практический центр для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с И. В. Сталиным.

Середина февраля. По поручению В. И. Ленина к И. В. Сталину, находившемуся в Вологде, приезжает член Русского бюро ЦК Г. К. Орджоникидзе для личной информации И. В. Сталина о решениях Пражской конференции.

29 февраля. Побег И. В. Сталина из вологодской ссылки.

Начало марта. И. В. Сталин пишет листовку «За Партию!». Листовка выпускается от имени ЦК РСДРП и широко распространяется по России.

Первая половина марта. И. В. Сталин приезжает в Баку и Тифлис для организации работы закавказских большевистских организаций по осуществлению решений Пражской конференции. Пишет циркулярное письмо № 1 ЦК РСДРП к партийным организациям с извещением об окончательном конституировании Центрального Комитета.

29 марта. И. В. Сталин проводит совещание работников большевистских районных организаций Баку. Совещание присоединяется к решениям Пражской конференции.

30 марта. И. В. Сталин пишет корреспонденцию в газету «Социал-Демократ» о совещании в Баку.

1 апреля. И. В. Сталин выезжает из Баку в Петербург.

Начало апреля. И. В. Сталин по пути в Петербург останавливается в Москве и встречается с Г. К. Орджоникидзе.

И. В. Сталин пишет прокламацию «Да здравствует Первое мая!».

И. В. Сталин посылает в Тифлис текст резолюции группы московских партийных работников, приветствующей решения Пражской конференции и вновь созданный Центральный Комитет.

И. В. Сталин от имени ЦК РСДРП пишет письмо Кларе Цеткин с просьбой передать хранящиеся у неё партийные деньги Центральному

Комитету для проведения избирательной кампании в IV Государственную думу.

10 апреля. И. В. Сталин нелегально приезжает в Петербург.

10—22 апреля. И. В. Сталин редактирует большевистскую рабочую газету «Звезда».

В «Звезде» напечатаны статьи И. В. Сталина: «Новая полоса» (передовая), «Жизнь побеждает!», «Они хорошо работают...», «Тронулась!..» (передовая), «Как они готовятся к выборам», «Выводы» (передовая) и др.

Середина апреля. И. В. Сталин договаривается с членами с.-д. фракции III Государственной думы Н. Г. Полетаевым и И. П. Покровским, а также с большевиками-литераторами М. С. Ольминским и Н. Н. Батуриным об издании и платформе газеты «Правда» и составляет вместе с ними первый номер газеты.

22 апреля. Выходит № 1 ежедневной рабочей газеты «Правда» со статьёй И. В. Сталина «Наши цели».

И. В. Сталин арестован и заключён в тюрьму (дом предварительного заключения).

2 июля. И. В. Сталин высылается по этапу из Петербурга в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года.

18 июля. И. В. Сталин выезжает из Томска в сопровождении надзирателя на пароходе «Колпашевец» на место ссылки в Нарым.

1 сентября. Побег И. В. Сталина из нарымской ссылки.

12 сентября. И. В. Сталин приезжает в Петербург.

Сентябрь — октябрь. И. В. Сталин руководит кампанией по выборам в IV Государственную думу, организует борьбу против меньшевиков-ликвидаторов.

И. В. Сталин редактирует газету «Правда».

4 октября. Под руководством И. В. Сталина происходит заседание Исполнительной комиссии Петербургского комитета, на котором принимается решение об однодневной забастовке протеста против отмены выборов уполномоченных на крупнейших заводах Петербурга (Путиловском и других).

Начало октября. И. В. Сталин проводит нелегальное партийное совещание, на котором обсуждается тактика борьбы с ликвидаторами и намечается кандидатура рабочего депутата в IV Государственную думу.

И. В. Сталин пишет «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

Середина октября. И. В. Сталин посылает В. И. Ленину в редакцию «Социал-Демократа» «Наказ петербургских рабочих» («Наказ» был опубликован в № 28—29 «Социал-Демократа» 5(18) ноября 1912 года).

17 октября. На съезде уполномоченных от рабочей курии Петербургской губернии принимается написанный И. В. Сталиным «Наказ».

19 октября. В № 147 газеты «Правда» напечатана статья И. В. Сталина «Воля уполномоченных» (передовая).

21 октября (3 ноября). Н. К. Крупская по поручению В. И. Ленина пишет в «Правду» и членам с.-д. фракции о необходимости приезда И. В. Сталина в Краков.

24 октября. В № 151 газеты «Правда» напечатана статья И. В. Сталина «К итогам выборов по рабочей курии Петербурга».

25 октября. В № 152 газеты «Правда» напечатана статья И. В. Сталина «Сегодня выборы».

Конец октября. И. В. Сталин некоторое время находится в Москве, устанавливает связь с вновь избранными депутатами IV Государственной думы — рабочими-большевиками.

29 октября. И. В. Сталин возвращается из Москвы в Петербург.

До 10 ноября. И. В. Сталин приезжает нелегально в Краков к В. И. Ленину.

11(24) ноября. В. И. Ленин посылает в редакцию «Правды» полученный им от И. В. Сталина «Наказ», предлагая поместить его «на видном месте, крупным шрифтом».

Первая половина ноября. И. В. Сталин участвует в заседании членов ЦК РСДРП в Кракове.

Конец ноября — начало декабря. И. В. Сталин, по возвращении из Кракова в Петербург, руководит работой социал-демократической фракции IV Государственной думы.

23 ноября (6 декабря). В. И. Ленин в письме И. В. Сталину пишет о подготовке к годовщине 9 января и о необходимости выпуска листовок.

Первая половина декабря. Н. К. Крупская по поручению В. И. Ленина пишет И. В. Сталину о необходимости его приезда в Краков на совещание членов ЦК РСДРП с депутатами IV Думы (большевистской «шестёркой»).

Конец декабря. И. В. Сталин нелегально выезжает в Краков.

28 декабря 1912 (10 января 1913)— 1(14) января 1913. И. В. Сталин участвует в «февральском» совещании ЦК РСДРП с партийными работниками и членами с.-д. думской фракции — большевиками, происходившем под руководством В. И. Ленина. На совещании В. И. Ленин и И. В. Сталин намечают мероприятия для улучшения работы редакции «Правды».

Конец декабря 1912 — начало января 1913. Выходит написанная И. В. Сталиным прокламация «Ко всем рабочим и работницам России!».

1913

12 января. В № 30 газеты «Социал-Демократ» напечатаны статьи И. В. Сталина «Выборы в Петербурге (Письмо из С.-Петербурга)» и «На пути к национализму (Письмо с Кавказа)».

Вторая половина января. И. В. Сталин приезжает из Кракова в Вену, откуда организует печатание в Париже написанного В. И. Лениным «Извещения» о «февральском» совещании и резолюций совещания.

Январь. И. В. Сталин пишет работу «Национальный вопрос и социал-демократия». Работа была напечатана в №№ 3—5 журнала «Просвещение», в марте — мае 1913 года.

Январь — февраль. И. В. Сталин пишет прокламацию «Годовщина ленской бойни».

Середина февраля. И. В. Сталин возвращается из-за границы в Петербург; вместе с Я. М. Свердловым приступает к реорганизации редакции «Правды» согласно указаниям В. И. Ленина.

23 февраля. И. В. Сталин арестован в зале Калашниковской биржи во время концерта, устроенного

петербургской большевистской организацией, и заключён в тюрьму.

26 февраля. В № 47 газеты «Правда» напечатана статья И. В. Сталина «Положение в социал-демократической фракции».

2 июля. И. В. Сталин высылается по этапу в Туруханский край под гласный надзор полиции сроком на четыре года.

11 июля. И. В. Сталин прибывает в Красноярск.

15 июля. И. В. Сталин направляется из Красноярска в Туруханск.

10 августа. И. В. Сталин прибывает в Туруханск и направляется к месту ссылки в небольшой посёлок Костино.

1914

Первая половина марта. И. В. Сталина переводят в посёлок Курейка, севернее Полярного круга. За И. В. Сталиным усиливается полицейский надзор.

1915

27 февраля. И. В. Сталин пишет письмо В. И. Ленину из села Монастырского, куда он приехал к находившемуся в ссылке С. Спандаряну. В письме критикует оборонческую линию Плеханова и международной социал-демократии, занявшей оппортунистическую позицию.

Лето. И. В. Сталин участвует в собрании политических ссыльных — членов Русского бюро ЦК РСДРП и большевистской фракции IV Государственной думы в селе Монастырском. На собрании обсуждается вопрос о судебном процессе над фракцией.

10 ноября. И. В. Сталин пишет из туруханской ссылки письмо В. И. Ленину и Н. К. Крупской.

1916

5 февраля. И. В. Сталин пишет письмо в заграничный партийный центр о своей работе над статьями по национальному вопросу.

25 февраля. И. В. Сталин в письме в заграничный большевистский центр, направленном через Инессу Арманд, запрашивает о судьбе своей статьи «О культурно-национальной автономии», пересланной им за границу.

12 марта. И. В. Сталин вместе с С. Спандаряном и другими ссыльными пишет письмо в редакцию журнала «Вопросы Страхования».

14 декабря. И. В. Сталин отправляется по этапу в Красноярск в связи с призывом административно-ссыльных в армию.

1917

Начало февраля. Призывная комиссия в Красноярске освобождает И. В. Сталина от призыва в армию.

20 февраля. И. В. Сталин выезжает из Красноярска в Ачинск, где ему разрешено жить до окончания срока ссылки.

8 марта. И. В. Сталин выезжает с группой ссыльных из Ачинска в Петроград.

СОДЕРЖАНИЕ

1912

1913

Подписано к печати с матриц 11 января 1954 г. Формат 82 × 108 1/32. Физ. печ. л. 13 5/8. Условн. печ. л. 22,35. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 100 тыс. (724—823 тыс.).
Заказ № 1046. Цена 6 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, Б. Калужская, 15.

*

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.